рис. А. Меркуровъ.
Грав. М. Иван

ДОСУГИ

МАРСА.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ

ТРУДЫ ОФИЦЕРОВЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

въ типографіи III Отдѣленія Собственной
Е. И. В. Канцеляріи.
1834.

Печатать позволяется,

съ тѣмъ, чтобы, по отпечатаніи, представлены были въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра. С. П. б. 10 Апрѣля 1834 года.

Ценсоръ *В. Семеновъ.*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

КАРТИНКИ.

ПРОЗА:

СТИХОТВОРЕНІЯ:

Стран.

Литогр. Ф. Лабинсонъ

Рис. В. Селивановъ

Литогр. Ф. Давиньонъ   Рис. В. [illegible]

ТОВАРИЩАМЪ.

раетъ къ нимъ радостныя объятія, слеза утѣшенной грусти, блеститъ на рѣсницѣ; онъ забывается и еще живетъ — жизнью былою! . . .

Воспоминаніе! какая чарующая мечта надежды, часто невѣрной; какая будущая радость, сравнится съ твоею тихою, сладкою грустію? — Ахъ, гдѣ ты время милое, время радостей плѣнительныхъ! — говоримъ мы всегда, раздумаясь о прежнемъ, слезами въ глазахъ и сердце отъ скорби, будто готово летѣть изъ груди: но тихое мечтаніе, покоитъ насъ видѣніемъ дней незабвенныхъ и мы снова въ блаженствѣ — какъ въ небѣ седьмомъ! — Опять обнимаемъ безцѣннаго друга, съ которымъ дѣлились душей, съ которымъ знали цѣль жизни, и горе и радость считали сноснѣй и веселѣй! Опять пламенѣемъ, срывая живой поцѣ-

луй, съ алыхъ устъ несравненной Эльмины и какъ будто въ правду, въ объятіяхъ ея, забывая все на свѣтѣ, читаемъ въ томныхъ очахъ: мой милый, я люблю тебя! . . . Не правда ль, что въ этомъ мечтаньѣ и съ этою грустью въ осиротѣлой душѣ, мы и тогда даже дышемъ жизнью молодою, когда злой Сатурнъ, машетъ надъ нами мертвящей косой; когда признакъ преклонныхъ лѣтъ — старости хладъ, не юности жаръ льется въ жилахъ у насъ, и близокъ часъ ужасный разрушенья? —

Кто же захочетъ разстаться съ такимъ усладительнымъ сномъ, чтобы проснуться для горькой существенности? Кто въ жизни будетъ ждать невозвратнаго, или подобнаго лишь прежнему счастья, желать отъ надежды; когда небесные дары ее такъ отдален-

ПРОГУЛКА ПОДЪ ЛИПАМИ.

Изъ Шиллера.

Друзья — Волмаръ и Эдвигъ, удаленные отъ шума свѣтскаго, жили вмѣстѣ въ мирномъ уединеніи, гдѣ на досугѣ, со всѣмъ философскимъ безпристрастіемъ разсматривали примѣчательнѣйшіе случаи своей жизни. Эдвинъ — *счастливый,* съ отрадною теплотою сердца смотрѣлъ на свѣтъ; *грустный* Волмаръ, одѣвалъ его мрачнымъ покровомъ своей бѣдственной участи. — Липовая аллея была ихъ любимымъ мѣстомъ, для размышленій. Однажды, въ прекрасный

Майскій день, прогуливались они тамъ и я припоминаю слѣдующій ихъ разговоръ:

Эдвинъ. День такъ хорошъ — вся природа развеселилась, а ты задумался, Волмаръ?

Волмаръ. Оставь меня. Тебѣ извѣстенъ мой несчастный обычай — отравлять чужую веселость.

Эдвинъ. Но, возможно ли такъ упрямо отталкивать отъ себя чашу радости?

Волмаръ. Какъ же иначе — когда въ нее упалъ паукъ? — Слушай, предъ тобою Натура предстоитъ въ видѣ стыдливой дѣвочки, краснѣющей въ день своей помолвки. Мнѣ является она — пожилою кокеткою; на блѣдножелтыхъ щекахъ ея, я вижу накладку румянъ, бриллiанты подложны въ волосахъ ея. Съ какимъ самоудовольствiемъ улыбает-

ся она, смотря на праздничный нарядъ свой; на это изношенное платье, поновленное уже нѣсколько сотъ тысячъ разъ! Тотъ же самый волнистый зеленый шлейфъ, надѣвала она еще до Девкаліона, одинаково напитанный ароматами, также узорно-испещренный. Цѣлыя тысячи лѣтъ пожираетъ она, лишь одни остатки отъ трапезы смертной; варитъ себѣ румяны изъ костей собственныхъ своихъ дѣтей и превращаетъ тлѣніе, въ свѣтящіяся блестки . . . . Молодой человѣкъ, знаешь ли въ какомъ обществѣ, можетъ быть, ты гуляешь теперь? Подумалъ ли когда нибудь, что сія безпредѣльность вокругъ насъ, есть гробница твоихъ предковъ; что вѣтерки навѣвающіе на тебя благоуханіе липъ, подносятъ обонянію твоему, можетъ быть, растертыя въ прахъ силы Арминія; что въ семъ освѣжаю-

щемъ источникѣ, легко статься, ты вкушаешь сокрушенныя кости нашихъ великихъ Гейнриховъ? — Атомъ, возбудившій въ умѣ Платоновомъ мысль о существѣ Бога Истиннаго, потрясшій сердце Тита къ милосердію, можетъ быть, возжигаетъ теперь скотскія желанія въ первахъ Сарданапала, или расщипывается воронами въ трупѣ удавленнаго злодѣя. Ты это находишь забавнымъ, *Эдвинъ*?

Эдвинъ. Извини. Твои разсужденія открываютъ мнѣ смѣшныя картины. Какъ? Если бы тѣла наши странствовали по законамъ, утвержденнымъ для душъ? Если бы по умерщвленіи механизма, онѣ отправляли тотъ же порядокъ, который исполняли подъ руководствомъ души; не такъ ли какъ тѣни покойниковъ, по старой привычкѣ, повторяютъ прежнія свои житейскія заня-

тія? — Quae cura fuit vivis, eadem sequitur tellure repostos.

Воллмаръ. Тогда бъ прахъ Ликурга лежалъ теперь, и вѣчно бы въ океанѣ!

Эдвинъ. Слышишь ли ты тамъ вдали, трели нѣжной Филомелы? О, если бы она была урною, заключающею пепелъ Тибулла, пѣвавшаго подобно ей? Почему знать, не подъемлется ли возвышенный Пиндаръ, въ видѣ орла къ голубой тверди небесной; не порхаетъ ли въ лобзающемъ, игривомъ вѣтеркѣ, частица души Анакреоновой? — Кто поручится, что тѣла усопшихъ волокитъ, не вьются вмѣстѣ съ мягкими завитками локоновъ, своихъ повелительницъ? Что остатки ростовщиковъ, не прикованы къ столѣтней ржавчинѣ зарытыхъ монетъ? Что Литераторы, не осуждены переплаваться въ буквы, или передѣлаться въ бумагу и

вѣчно кряхтѣть подъ тяжестію типографскаго станка, передавая безуміе подобныхъ имъ собратій? — Видишь ли Волмаръ, изъ той же самой чаши, изъ которой ты черпаешь горькую желчь, моя фантазія почерпаетъ веселыя мысли!

Волмаръ. Эдвинъ! Эдвинъ! Какъ стараешься ты закрывать строгую справедливость, насмѣшливымъ остроуміемъ! Позволь мнѣ продолжать — истина, не страшится изслѣдованія!

Эдвинъ. Позволю тебѣ разсуждать и изслѣдовать, когда ты будешь счастливѣе, Волмаръ!

Волмаръ. Но — зачѣмъ же именно раздираешь ты опаснѣйшую изъ ранъ моихъ? И такъ по твоему, мудрость есть ничто иное, какъ болтливая переносчица вѣстей, таскающаяся изъ дома въ домъ и сговорчиво потакающая

всякой пустой мечтѣ; которая несчастному клевещетъ на отрадную надежду, а счастливцу услаждаетъ самое зло? Посему первый, какъ человѣкъ съ голоднымъ желудкомъ всегда сердитый, можетъ прогнать въ адъ разскащицу; а чаша съ виномъ — возвыситъ злыхъ демоновъ до обожанія? — Когда развитіе идей нашихъ, всегда бываетъ образцемъ умствованій; то скажи мнѣ, въ которыя же изъ нихъ вливается чистѣйшая истина? Я страшусь, Эдвинъ, что ты будешь разсудительнымъ не прежде, пока сдѣлаешься мрачнымъ и задумчивымъ.

Эдвинъ. Мнѣ не хочется за такую цѣну быть мудрецомъ!

Воллмаръ. Ты упомянулъ о счастіи; но какъ достигаютъ до него, Эдвинъ? Трудъ есть неизбѣжное условіе въ жизни, мудрость — цѣль, а блаженство —

скажешь ты — есть за все награда. Тысячи тысячъ парусовъ, мчатся на полномъ вѣтрѣ по безбрежному пространству моря, чтобъ отыскать островъ счастія, пріобрѣсть драгоцѣнное руно: но скажи мнѣ, мудрецъ, много ли тѣхъ, которые нашли его? Я вижу на свѣтѣ огромный флотъ, безпрестанно вращающійся въ безконечномъ кругѣ заботъ и нуждъ; вѣчно отплывающій отъ одного берега для того, чтобъ опять пристать къ нему и вѣчно пристающій, дабы отплыть отъ него по прежнему жъ. Корабли тѣснятся въ преддверіи своего назначенія, боязливо крейсируютъ вдоль береговъ, запасаются жизненными потребностями, исправляютъ поврежденныя снасти и, во вѣки не достигаютъ открытаго моря. Вотъ тѣ самые, которые сегодня устаютъ лишь

для того, чтобъ завтра имѣть возможность, опять утомиться. Я исключу ихъ и цѣлое число искателей, станетъ половиною меньше. Другихъ напротивъ того, водоворотъ чувственности стремительно увлекаетъ въ безславный гробъ. Это тѣ, которые расточаютъ всѣ силы бытія своего, чтобъ съ избыткомъ насладиться плодами, въ потѣ лица первыми достигнутыми. Отчислимъ и ихъ, останется жалкая, бѣдная четверть. Робко и безнадежно — безъ компаса, путеводимая обманчивою звѣздою, пускается она въ невѣдомую даль ужаснаго Океана, уже какъ бѣлое облако мелькаетъ на краю горизонта желанный берегъ; земля! — восклицаетъ кормчій и, чтожъ — вдругъ трескается незначительная дощечка; поврежденный корабль погребаютъ волны у самой цѣли его плаванія. Apparent

rari nantes in gurgite vasto. Послѣ неимовѣрныхъ усилій, искуснѣйшій изъ погибающихъ хватается наконецъ за берегъ и, чуждый въ эфирной зонѣ, онъ блуждаетъ вокругъ одинокій, обращая слезящіе глаза на сѣверное свое отечество. Такъ вычитаю я милліонъ за милліономъ, изъ огромной суммы готовыхъ ко всѣмъ пожертвованіямъ для счастія. — Дѣти утѣшаются воинскими доспѣхами взрослыхъ; а тѣ плачутъ о томъ, что никогда не могутъ быть дѣтьми. Рѣка нашихъ познаній извивается всегда обратно къ своему истоку; вечеръ также бываетъ сумраченъ, какъ и утро; во глубинѣ той же ночи, объемлютъ другъ друга багряная Аврора и звѣзда — вѣстница зари; такъ точно и мудрецъ старающійся разрушить непреодолимую твердыню смертности, падаетъ утомленный и превра-

щается въ безсмысленнаго ребенка. Теперь, Едвинъ! оправдывай скудельника предъ его собственнымъ произведеніемъ; отвѣчай мнѣ, Эдвинъ!

Эдвинъ. Скудельникъ уже тѣмъ оправданъ, что глиняный горшокъ, вызываетъ его съ собою на судъ!

Волмаръ. Отвѣчай же.

Эдвинъ. Я говорю, что если ты по ошибкѣ и минуешь островъ счастія; то поѣздка все таки не потеряна.

Волмаръ. Развѣ потому только, что зрѣніе имѣло возможность насладиться живописными мѣстностями, при плаваніи мелькнувшими съ обѣихъ сторонъ? Эдвинъ — и для того ли предаваться бурямъ, трепетать при видѣ острыхъ подводныхъ камней; для того ли единственно носиться надъ зѣвомъ троякой смерти по зыбкой пустынѣ? —

Замолчи лучше, моя грусть справедливѣе твоего восторга.

Эдвинъ. Но долженъ ли я растаптывать ногою скромную фіалку, когда не могу имѣть пышной розы? Или можно ли не восхищаться Майскимъ днемъ, за тѣмъ что гроза иногда помрачаетъ его? — Нѣтъ, я запасаюсь веселостію во время безоблачной лазури и это сокращаетъ для меня скуку, когда она послѣ померкнетъ отъ бурь. Почему же не сорвать цвѣтокъ, хоть онъ завтра и лишится своего запаха? Я брошу его, коль скоро онъ завянетъ и сорву новой, еще лучшій, только что распустившійся.

Волмаръ. Напрасно! лишній трудъ! Гдѣ только упало, хоть одно зернышко удовольствія, тамъ неминуемо прозябнутъ тысячи отраслей бѣдствія. Куда канетъ, хоть одна слезка радо-

сти, тамъ уже погребены тысячи слезъ отчаянія. Здѣсь, на самомъ этомъ мѣстѣ, гдѣ восклицаешь ты, молодой человѣкъ, тысячи твореній боролись съ смертію . . . Въ одно и то же мгновеніе, въ которое вихремъ летитъ къ небу восторгъ нашъ, несутся къ нему тысячи воплей проклятія. Жизнь, есть обманчивая лоттерея, въ которой малое число жалкихъ, ничтожныхъ выигрышей, исчезаетъ средь безчисленнаго множества пустыхъ билетовъ. — Каждая капля времени, есть уже смертная минута радостей; каждая летящая пылинка — надгробный памятникъ, погибшихъ наслажденій. Смерть, на каждую точку мірозданія, наложила Державную печать свою. На малѣйшемъ Атомѣ, я читаю уже безотрадную надпись: *прошло!*

Эдвинъ. Почему не прочесть: *было?*

Да будетъ же каждый звукъ надгробнаго пѣнія — пѣснію блаженства — также и онъ есть гимнъ для вездѣсущей любви. — Волмаръ, подъ этою липою, поцѣловалъ я въ первый разъ мою Юлію.

Волмаръ (удаляясь поспѣшно). Молодой человѣкъ! подъ этой липой, я потерялъ свою Лауру.

Б * * *

ВИДѢНІЕ.

Бурею бѣдствій, любовью, мечтами,
На морѣ свѣтломъ, я въ жизни младой,
Долго носимый судьбой и страстями,
Мрачно ждалъ смерти — убитый душой!
Вдругъ предъ собою, я призракъ увидѣлъ:
Дѣва, какъ Ангелъ, стоитъ на волнахъ;
Райскіе звуки рѣчей, я услышалъ —
Мнилось, что звуки родились въ мечтахъ! ....
Пѣна лобзала стопы у чудесной;
Буря взвѣвала ей кудри власовъ;
Очи — свѣтились лазурью небесной;
Перси — бѣлѣлись снѣгами холмовъ!
Риза, какъ вешній туманъ обвивала
Стройный станъ Дѣвы; — одною рукой,
Якоремъ острымъ она опиралась,
Образъ — *небесной*, сказала другой:
— «Вотъ, малодушный — сказала — стыдися,
«Пользу ль приноситъ унылый твой страхъ?

«Съ твердостью духа — терпи и молися
«Гибнуть ли, вспомни, съ надеждой въ волнахъ? —
«Съ кормчимъ надежнымъ, ты къ брегу спасенья,
«Твердой рукою причалишь свой челнъ;
«Вѣра тотъ кормчій — звѣзда утѣшенья,
«Съ вѣрой не гибнуть, средь яростныхъ волнъ!
«Если жъ любовью, вновь сердце забьется;
»Рай твой увидишь — прелестной, въ очахъ:
«Вѣрь мнѣ, погибель тебя не коснется —
«Вмѣстѣ съ любовью, не гибнуть въ волнахъ!» —
— Кто жъ ты — вскричалъ я — скажи мнѣ, видѣнье? —
— «Хочешь, останусь жить вѣчно съ тобой?
«Сяду въ челнокъ твой, и Неба ученье
«Рѣчью понятной, скажу я, земной:
«Вѣрить не должно, что злой предразсудокъ,
«Въ ложныхъ являетъ и льстивыхъ мечтахъ;
«Юность забыла — мнѣ имя — *Разсудокъ*,
«Вмѣстѣ со мною, не гибнуть въ волнахъ!...»

*В. С****

ЗВѢЗДА.

Прощаюсь съ родимой, отрадной страной,
На небѣ я видѣлъ звѣзду золотую;
Діаны прекрасной подругу младую;
Играла сіяла въ тиши голубой.

Она мнѣ и долгій и тягостный путь,
Сіяя въ эфирѣ, всегда озаряла
И блескомъ сребристымъ отраду вливала,
Въ мою безмятежну и юную грудь.

И вотъ на чужбинѣ я жилъ безъ привѣтъ
Унылый и хладный, покоя не зная;
Лишь вечеромъ тихимъ звѣзда дорогая,
Одна проливала, мнѣ радостный свѣтъ.

Ни облачко неба, ни блескъ отъ подругъ,
Жилище эфира ни что не скрывало;
Свѣтла и прекрасна, какъ прежде бывало,
Играла, сіяла, ... угаснула вдругъ!

Съ тѣхъ поръ одинокій въ поляхъ я брожу,
И занятъ драгою мечтою о милой,
Лишь вечеръ наступитъ — грущу, и унылый
Я съ тайной тоскою на небо гляжу.

I. XI.

КОНЧИНА БАРДА.

Мѣсяцъ грустный, надъ равниной,
Изъ-за тучи чуть свѣтилъ;
Розно съ милой Эвелиной,
Бардъ безмолвно слезы лилъ.

Надъ рѣкой склонясь, уныло
Въ воды бурныя смотрѣлъ;
И душею — къ вѣчно-милой,
Въ міръ надзвѣздный онъ летѣлъ.

И ему она мечталась,
Въ томныхъ мѣсяца лучахъ;
Какъ и прежде — приближалась
Съ свѣтлой радостью въ очахъ.

Съ грустью вспомнилъ онъ былое:
Какъ онъ съ нею жизнь дѣлилъ;
Какъ онъ съ нею и — земное
Все небеснымъ находилъ!

И слеза воспоминанья
Быстро капула въ потокъ;
Сердце пыло отъ страданья —
Близокъ къ смерти былъ цвѣтокъ!...

Вдругъ разсѣлись мрачны тучи,
Мѣсяцъ ярко засвѣтлѣлъ;
Встрепенулся боръ дремучій;
Кто-то съ неба низлетѣлъ. —

И какъ будто звонъ цѣвницы
Вдругъ раздался въ тишинѣ.
— Бардъ, внимай словамъ дѣвицы! —
Прозвучало въ вышинѣ.

И, страдалецъ предъ собою
Эвелины образъ зритъ:
И съ улыбкой неземною,
Вдаль рукой она манитъ....

«Я земнаго не забыла,
«У престола всѣхъ Творца;
«Сердце любитъ, какъ любило —
«Въ небѣ нѣтъ любви конца!

«Тамъ нѣтъ имени страданьямъ;
«Вѣра тамъ нашла вѣнецъ
«И надеждамъ, ожиданьямъ —
«Въ вѣчной жизни лишь конецъ!

«Но мнѣ — милый — врозь съ тобою,
«Нѣтъ блаженства въ небеси!
«Другъ ко мнѣ — иди — со мною —
«Вѣчныхъ радостей вкуси! . . .»

Такъ сказавши, Эвелина
Улетѣла въ горній свѣтъ . . .
Омрачилася равнина —
Бардъ вздохнулъ и — Барда нѣтъ.

Б * * *

КЪ РАДОСТИ.

Гдѣ ты, гдѣ ты, радость милая —
Другъ лѣтъ юныхъ и невинности?
Куда дѣлась, о жестокая?
Улетѣла — легкокрылая! —
И покинула безъ жалости,
Сердце бѣдное сироткою
Безпріютной, безъ защитою!
Страсти бурныя владѣютъ имъ;
Грусть и скуку; ты оставила
Ему, скорбному — въ товарищи.
Ужъ не бьется, не колышется,
По былому — въ часъ веселія,
Какъ голубчикъ среди гнѣздышка;
А скрѣпилось — одинокое,
Безъ привѣта друга нѣжнаго,
Пуще камня неподвижнаго . . .
Ахъ, не дѣлай жертвой горькою,
Моего ты сердца бѣднаго! —

Прилети къ нему съ любовію,
Оживи его надеждою;
Помирившися съ сироткою,
Возврати ему дни красные!

А. Б.

ВОЕННЫЙ АНЕКДОТЪ.

(Письмо Уланскаго Поручика С.)

Вотъ еще развлеченіе на нѣсколько минутъ для тебя, любезный другъ! Я опишу забавное происшествіе, случившееся съ Ротмистромъ N. N. нашего * * * скаго Уланскаго полка.

Я служилъ въ одномъ съ нимъ эскадронѣ, когда намъ приказали вступить въ Село О..., К — го уѣзда, на зимнія квартиры. Съ горестію разстались мы съ Губернскимъ городомъ, въ которомъ провели такъ много веселыхъ дней; а болѣе съ прелестными его обитательницами — разумѣется, отъ нихъ-то намъ и весело въ городѣ было! —

я заранѣе обрекъ себя томительной скукѣ, при видѣ утомительной деревни окруженной лѣсомъ, оврагами и, уже готовился быть жителемъ пустынной Сибири, проведя зиму въ стрѣльбѣ зайцевъ и тетеревей: но Ротмистра, привыкшаго всегда быть въ хорошемъ обществѣ, болѣе всѣхъ ужасала скука. Намъ сказали, что въ селѣ есть дома три помѣщичьихъ и это насъ нѣсколько оживило: да и всякой согласится, что лучше проводить остальное отъ службы время, съ существами хоть нѣсколько образованными, чѣмъ сидѣть въ дымной избѣ и слушать вздохи какой нибудь старухи о протекшихъ счастливыхъ временахъ старины; или табачнымъ дымомъ выгонять таракановъ изъ бороды хозяина, жалующагося на неурожай хлѣба — и вотъ мы съ обща-

го согласія, рѣшились вести знакомство.

Настало воскресенье. — Всѣ офицеры ѣдутъ къ обѣднѣ, въ надеждѣ увидѣть набожныхъ помѣщиковъ съ ихъ дочками, не рѣдко очень милыми — и не ошиблись . . . По окончаніи службы начались длинныя рекомендательныя рѣчи; учтивости съ нашей, а приглашенія съ ихъ стороны сыпались безъ числа и мѣры и, наконецъ — послѣ многихъ привѣтствій, ловкихъ поклоновъ, послѣ многихъ быстро брошенныхъ подъ вуаль взглядовъ — мы обѣдаемъ у одного изъ нихъ, Б — го. Насъ встрѣтило его семейство: радушная хозяйка, три дочери какъ Граціи и бѣлокурый сынокъ Ванюша, настоящій вѣчноюный Аполлонъ. — Умѣренный сельскій обѣдъ оживился легкимъ, непринужденнымъ разговоромъ; нѣсколько бутылокъ Сотер-

на, Мадеры и ласки хозяевъ были лучшей его приправой.

Вообще намъ показалось такъ весело у Б — го, что мы разстались съ нимъ уже за полночь. Добродушіе его супруги и милое обращеніе дочерей, сдѣлало насъ въ послѣдствіи, почти ежедневными посѣтителями. Особенно была занимательна — Елисавета, старшая дочь; совершенный Ангелъ — мила, любезна: но только немного застѣнчива, это обыкновенный и притомъ прелестный оттѣнокъ сельскихъ красавицъ. Впрочемъ не надобно думать, чтобъ ея свѣдѣнія ограничивались однѣмъ папенькинымъ помѣстьемъ и она краснѣла отъ того. Нѣтъ — она знала, что находится далѣе ихъ прекрасной рощи; знала — откуда получаются матеріи, ленты; вѣдала — какія моды въ Москвѣ и Петербургѣ; ко всему этому — пѣла,

танцовала, играла на фортепіано и ужъ безъ сомнѣнія говорила — по Французски! Но сіи познанія были почти ничто предъ милымъ ея нравомъ и кроткой, Ангельской душею — такъ повидимому казалось, говорятъ иные, что дѣвушка до замужства — тайна неисповѣдимая!...

Нашъ Ротмистръ пилъ блаженство въ присутствіи Елисаветы; позабылъ что такое деревенская скука и надобно согласиться, что съ милой вмѣстѣ, самая Камчатка покажется раемъ! — Мало по малу его начали принимать какъ семьянина, какъ родственника и вдругъ, ему пришло въ голову, что этихъ титуловъ недостаточно для его благополучія; захотѣлось, подражая Елисаветѣ назвать Б-го — папенькой!

Теперь не лишнее знать, произвелъ ли Ротмистръ какое либо впечатлѣніе въ Елисаветѣ? — Въ этомъ казалось,

нельзя было сомнѣваться: у какой дѣвушки не забьется сердечко, не вылетитъ лишній вздохъ, положимъ хоть отъ тѣсноты корсета, — при видѣ стройнаго, ловкаго мужчины; при взглядѣ на блестящій мундиръ и пару прекрасныхъ, черныхъ усовъ? . . . . — Что за дерзость, какая наглая самонадѣянность! — воскликнула бы, можетъ быть, иная изъ прекрасныхъ, услышавъ мое рѣшительное о нихъ заключеніе; но я сказалъ бы ей: Милостивая Государыня! позвольте за выговоръ заплатить вамъ простосердечною откровенностію. Мы всѣ безъ исключенія дѣти Адама и Евы; а она первая начала прельщаться и прельщать. Вѣроятно, пестрый костюмъ змѣя соблазнителя, былъ вовсе не по Журналу и гораздо хуже Уланскаго мундира: за чѣмъ же притворствовать и не сказать искрен-

но, что мы наслѣдовали всѣ недостатки прародителей и также любимъ все пестрое? Непостоянная наклонность наша къ перемѣнѣ мыслей, чувствованій, забавъ — по моему таже пестрота; назовите ее — разсѣяніемъ, развлеченіемъ, мнѣ все равно какъ вамъ угодно: но, касательно себя, я не почту за униженіе признаться, что мужчины не рѣже дѣвушекъ вздыхаютъ при встрѣчѣ съ Ангельскою красотою; при блескѣ очей, въ коихъ имъ часто отверзается небо со всѣмъ райскимъ блаженствомъ; при видѣ зефирной ножки летающей по паркету и бѣглыхъ пальчиковъ, вызывающихъ небесную гармонію изъ неодушевленныхъ косточекъ и — много, много еще, они находятъ кой-чего очаровательнаго въ дѣвушкахъ; почему жъ имъ не платить намъ

той же монетою и не подтвердить слова одного Поэта:

Всегда военные мундиры
Для милыхъ дѣвушекъ — кумиры,
И для блестящихъ эполетъ,
Друзья! несбыточнаго нѣтъ! —

Впрочемъ, къ чести моего пріятеля скажу, что не одинъ мундиръ и усы составляли его достоинство: его умъ, образованный вкусъ, благородный характеръ и, неистощимый кошелекъ — о, это бы могло имѣть цѣну въ глазахъ первѣйшихъ красавицъ! —

И вотъ Ротмистръ дѣйствуетъ. Однажды пріѣхавъ по утру, онъ отзываетъ Б — го въ сторону и объявляетъ дѣло .... Сильно встрепенулось сердце у невѣсты; она взглянула, вспыхнула и — скрылась .... Б — ій, зная Ротмистра съ хорошей стороны и давно замѣчая расположеніе къ нему

дочери, былъ обрадованъ такимъ предложеніемъ. — «Мы согласны, любезный Ротмистръ, если только Елисавета....» сказала мать. — «Когда такъ, я счастливъ!» — восклицаетъ онъ за ранѣе увѣренный въ успѣхѣ. Призываютъ Елисавету — и страстный обожатель у ногъ ея! —

— «Что вамъ угодно, Г. Ротмистръ?»

— «Я люблю васъ, Елисавета! — и при родителяхъ вашихъ, говорю вамъ о искренней, вѣчной, пламенной любви моей! Согласитесь ли отвѣчать мнѣ тѣмъ же? . . . .»

Молчаніе. — Розовыя уста Елисаветы прошептали что-то невнятное; щечки запылали и глазки проворно опустились внизъ; но въ нихъ мимолетомъ, улыбнулась надежда Ротмистру.

— «Не откажите составить мое сча-

стіе!» продолжалъ Уланъ жалобнымъ, умоляющимъ тономъ.

— «Я васъ право не понимаю, объяснитесь:» рѣшилась наконецъ вымолвить Елисавета.

— «Заклинаю, поймите! Въ жертву, вмѣстѣ съ сердцемъ, приношу вамъ все — мою жизнь. Вручите мнѣ руку вашу, будьте моимъ вѣчнымъ, неразлучнымъ спутникомъ — моимъ Ангеломъ-хранителемъ!» . . . .

Онъ льстится мыслію, что достигъ уже своего блаженства; ловитъ — *да*, на устахъ ея: но прошу вообразить отчаяніе моего Ротмистра, когда вмѣсто толь усладительнаго словечка, вдругъ раздалось роковое — *нѣтъ!* . . . Если бы свинцовый горохъ осыпалъ его нечаянно, вдругъ лопнуло сто гранатъ и цѣлой бы лѣсъ Уланскихъ пикъ съ шумящими флюгерами, устремил-

ся на его грудь, онъ менѣе бы ужаснулся. И въ самомъ дѣлѣ — *отказъ, какъ длинный шестъ* — выражаясь Русской пословицей, кого съ ума не сведетъ? Я думаю, что отчаяніе въ такомъ случаѣ должно быть несравненно превосходнѣе того, когда во время дождливаго похода, неосторожный деньщикъ разобьетъ завѣтную фляжку съ ромомъ и нечѣмъ будетъ возстановить истощенныя силы? . . .

Недоумѣніе было общее. Никто не могъ придумать причины столь мало ожиданному отказу; но Елисавета не умедлила вразумить всѣхъ, сказавъ: «вы курите трубку, Г. Ротмистръ! Хоть это и странно нѣсколько съ моей стороны, но что же дѣлать, я должна быть теперь откровенною и признаться вамъ въ непреодолимомъ отвращеніи къ табачному дыму. И такъ бла-

годарю васъ за честь; я не могу раздѣлять съ вами счастія, мнѣ предлагаемаго! . . . »

Суди же о удивленіи всѣхъ, по открытіи такой необыкновенной тайны. Теперь женихъ припомнилъ, что Елисавета всегда уходила, когда онъ послѣ обѣда принимался за трубку. Ему ли не пожертвовать для милой, своей привычкою? Хоть правду сказать, не курить — Улану то же, что брить всегда усы и промѣнять лихую свою шапку на пѣхотной киверъ; да дѣлать было нечего — любовь изстари творила и будетъ творить чудеса!

— «Я на всегда отрекаюсь отъ трубки!» — сказалъ онъ торжественно, опомнившись.

— «Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ?» спросила Елисавета съ лукавою улыбкою —

«позвольте не много не повѣрить вамъ и предложить испытаніе. »

— « Согласенъ! » — возгласилъ онъ, точно какъ Наполеонъ, когда ему прислали подорожную съ прогонами на островъ Эльбу и онъ вздумалъ отказываться отъ престола въ пользу своего сына. Потеря Ротмистра была для него, одинаковой почти важности!

Договорныя статьи скоро кончились и цѣлый мѣсяцъ, назначенъ для искуса. Вѣкомъ казались эти тридцать дней: но они вели къ счастію — товарищъ мой твердо сносилъ испытаніе, онъ не только не курилъ трубки, даже не глядѣлъ на нее. Прошелъ наконецъ ненавистный срокъ и, торжествующій страдалецъ явился побѣдителемъ — требуя награды . . . .

— «Точно ли вы не курите болѣе?» — спросила недовѣрчиво Елисавета, при-

творяясь строгою. — Утверждают, что женщины, рѣшившись даже увѣнчать нашу вѣрность и постоянство, часто имѣют привычку — напередъ помучить хоть не множко! Жестокосердіе ли это, или иное что — право не знаю.

— «Нѣтъ, милая Елисавета — клянусь вамъ, нѣтъ — я не курю!» боязливо увѣрялъ Ротмистръ . . . . Она подала ему руку и, первый поцѣлуй запечаталъ его счастіе.

Нужно ли сказывать, что потомъ слѣдовало? Безъ сомнѣнія свадьба. Я, какъ старый его товарищъ, былъ провозглашенъ шаферомъ; Шампанскаго было вдоволь и все шло своимъ чередомъ, какъ нельзя лучше. Этимъ бы я могъ и кончить разсказъ свой, развѣ прибавивъ еще поговорку изъ Русскихъ сказокъ — *я тамъ былъ*, *вино медъ пилъ*

и прочая: но исторія моя только что начинается и такъ — любезный другъ, вооружись терпѣніемъ и дослушай все.

Какъ мило смотрѣть на молодыхъ супруговъ — это настоящая парочка нѣжныхъ горлицъ! И моя чета была завидная; — оба въ цвѣтѣ лѣтъ, обогащенные дарами любви и фортуны; они долго не могли довольно наглядѣться, нарадоваться другъ на друга: но всему есть очередь — *улыбка съ слезою въ сосѣдствѣ живутъ* — сказалъ Карамзинъ, и у Елисаветы вдругъ недѣли черезъ двѣ, крупная слезка отуманила прелестные, черные глазки; потомъ далѣе и далѣе — она познакомилась съ грустію . . . .

Что жъ бы, казалось, могло огорчить ее? Говорятъ — Гименъ до тѣхъ только поръ улыбается, пока живетъ подъ надзоромъ Амура; а когда сей,

кончивъ курсъ оставляетъ своего питомца: то брачный божокъ отъ безделья начинаетъ зевать, делается угрюмымъ, своенравнымъ и даже злымъ. Но сего нельзя было ожидать отъ моихъ новобрачныхъ: Елисавета была прелестна, Ротмистръ любилъ ее до обожанія, чему уже слишкомъ достаточнымъ доказательствомъ служило пожертвованіе его первейшимъ наслажденіемъ своимъ — трубкою, до которой онъ въ угодность ей даже не дотрогивался; можно ли же было думать, чтобъ онъ отказалъ ей еще въ чемъ нибудь? — Долго бы все это оставалось загадкою, если бъ горесть женская всегда не скромная, сама всего не обнаружила: она у нихъ не утаится и часто когда молчитъ языкъ, взоръ ихъ красноречивее высказываетъ скрытое на сердце! . . . Нетъ онъ не любитъ

меня: — можно было читать въ пламенныхъ прежде, а теперь нѣсколько померкшихъ глазахъ Елисаветы — другая, отнимаетъ у меня сердце моего супруга! Отъ того онъ такъ и нѣженъ со мною, внимателенъ при свидѣтеляхъ, старается предупредить даже малѣйшія мои желанія; а наединѣ такъ несносно сухъ и холоденъ. Точно, онъ притворяется, хочетъ обмануть всѣхъ и поддѣльною нѣжностію, отклонить всякую мысль о недовѣрчивости! Впрочемъ — онъ не любитъ меня! . . . .

Во что бы то ни стало Елисавета рѣшилась проникнуть въ ужасную тайну.

Кто не знаетъ всей магической власти женщинъ, которую употребляютъ онѣ, чтобы достигнуть желаемаго; тотъ пусть попробуетъ возбудить въ нихъ любопытство; я посмотрѣлъ бы какъ-то онъ отдѣлается — осо-

бенно же когда въ дѣло впутается любовь? — Такъ случилось и съ моимъ Ротмистромъ; онъ не устоялъ противъ искушеній прелестной супруги: — « Я не курю трубки » — признался онъ наконецъ — « и вотъ отъ чего мнѣ иногда до крайности бываетъ скучно; я даже замѣчаю, что здоровье мое отъ того разстроивается! »

Радость блеснула въ глазахъ Елисаветы; подозрѣнія разсѣяны и нѣжный поцѣлуй заключилъ примиреніе супруговъ. — « Ахъ, другъ мой, какъ долго ты страдалъ для меня? Нечего дѣлать — на этотъ разъ можно позволить тебѣ курить по одной трубкѣ въ недѣлю:» — сказала Елисавета улыбаясь — но слышишь ли, одинъ только разъ въ недѣлю? . . . »

Все это случилось вечеромъ. Ротмистру подали давно забытую трубку и

съ какимъ наслажденіемъ онъ вдыхалъ въ себя ея ароматы! Слѣдствія отъ ней были удивительны; онъ вдругъ сдѣлался веселѣе и будто чрезъ электричество, сообщилъ удовольствіе свое даже Елисаветѣ. На другой день по утру она порхала какъ весенняя птичка; что-то чудное, особенно прелестное выражалось въ ея глазахъ; на щекахъ расцвѣли новыя свѣжія розы, увядшія нѣсколько отъ холода супружескаго. Восторгъ ея почти не имѣлъ границъ — и я согласенъ, что она имѣла достаточную причину къ тому: какая добрая жена не обрадуется нашедши талисманъ, которымъ по произволу можетъ развеселять мужа, и какая изъ нихъ не захочетъ употреблять его, даже часто, въ свою пользу? По моему, это есть одно изъ первыхъ обязанностей въ супружествѣ; гдѣ все дол-

жно быть по поламъ — и радость и печаль? — Елисавета исполняла долгъ свой всегда съ точностію; она до того восторжествовала надъ своею слабостію, что не смотря на прежній уговоръ, сама уже довольно часто спрашивала: « Будешь ли, мой милый, нынѣ курить трубку? » — « Отъ чего же и не такъ! » — всегда отвѣчалъ ей довольный супругъ и съ его удовольствіемъ, вкушала удовольствіе и Елисавета. Вскорѣ она вспомнила, что мужъ ея, будучи еще женихомъ, послѣ каждаго стола выкуривалъ по трубкѣ и твердо рѣшилась пересиливъ совершенно свое отвращеніе, подарить его снова этимъ правомъ; посему послѣ ужина, она собственными руками стала накладывать трубку и подавать ее милому: — не правда ли, что поступокъ сей, ставитъ Елисавету на ряду съ великими,

ея пола и я удивляясь ей, торжественно провозглашаю ее Героинею! —

Послѣ сего событія, достойнаго быть напечатаннымъ золотыми буквами въ лѣтописяхъ супружества, Гименъ началъ улыбаться для моей четы; ихъ согласіе ни чѣмъ не нарушалось — Ротмистръ всегда курилъ трубку и Елисавета всегда была довольна.

Одно обстоятельство въ жизни сихъ счастливцевъ, обращаетъ на себя невольное вниманіе. Однажды, въ жаркій полдень, Елисавета съ мужемъ сидѣла въ прохладной тѣни акацій, какъ вдругъ крикъ: пожаръ! пожаръ! -- пробудилъ супруговъ изъ сладостнаго усыпленія.— Не буду описывать тебѣ подробностей суматохи: — люди приверженные и любившіе своихъ господъ, старались неутомимо; вещи были выбраны и огонь скоро погашенъ — обращусь къ Елиса-

ветѣ. Ей сначала сдѣлалось дурно отъ испуга; но нѣжная заботливость мужа и увѣренія, что почти все осталось въ цѣлости, скоро успокоили ее. Она обратила только что открывшіеся глаза на сложенныя въ кучу вещи, вдругъ опять поблѣднѣла и закричавъ: «спасите, ради самаго Бога, спасите!» — стремительно бросилась въ домъ, еще наполненный дымомъ и горящими обломками. Изумленный и испуганный мужъ побѣжалъ за нею, не понимая, что можетъ быть ей столь драгоцѣнно. Она безъ памяти вбѣгаетъ въ его кабинетъ и съ радостнымъ восклицаніемъ: ««спасла, спасла!» — хватаетъ шкатулку, точно забытую въ пожарѣ . . . Что жъ, думаешь ты, было въ ней? — Трубка и кисетъ Ротмистра!

Счастливый супругъ! — Онъ улыбнулся и прижалъ Елисавету къ своему сердцу . . . . *А. Б.*

КАКЪ Я СДѢЛАЛСЯ ПОЭТОМЪ.

(При посылкѣ моихъ стиховъ).

Отъ васъ, голубинькіе глазки,
Отъ васъ — я сдѣлался Поэтомъ! —
Привѣты вашей милой ласки,
Зажгли въ умѣ моемъ тотъ свѣтъ,
Который въ радугѣ сіяетъ,
Играетъ радостно въ волнахъ;
Глубоко въ душу проницаетъ,
Горитъ въ чувствительныхъ сердцахъ.
То даръ Поэзіи священной —
То нашихъ чувствъ — языкъ живой
Душа — блаженствомъ упоенной,
Иль безотрадною тоской. —
И мнится мнѣ: онъ такъ прекрасенъ
Какъ цвѣтъ безоблачныхъ небесъ;
И также тихъ, и также ясенъ,
Какъ капля чистыхъ вашихъ слезъ;

Какъ ваша горесть — благороденъ;
Какъ радость ваша — онъ живой;
Какъ вы, въ мечтахъ своихъ — свободенъ;
Какъ всѣ вы, въ цѣломъ — не земной!...

Давно въ семъ мірѣ, одинокой —
Бродилъ я грустнымъ сиротой;
И дѣвы милой, свѣтлоокой
Не встрѣтилъ съ радостной слезой.
Душей унылою, томился
И свѣтъ любить переставалъ;
Тебя, мой Ангелъ, увидалъ —
И съ жизнью снова примирился!
Увидѣлъ — и мечты златыя
Не разлучаются со мной;
И чувства въ грудь мою живыя,
Какъ воды райскія, святыя
Влились съ отрадною тоской! . . .

И отъ чего, я самъ не знаю —
Всегда, когда на васъ гляжу:
Все горе жизни забываю
Свободнѣй, кажется, дышу? —
Лишь день не вижу васъ — и грустно,
Увижу васъ — и веселъ вновь? —
Конечно угадать не трудно,
То духъ Поэзіи — Любовь . . .

Примите жъ, лиры вы моей
Труды, въ свободный часъ отъ службы;
Въ замѣнъ отъ васъ прошу — лишь дружбы —
Откажете ль Поэту въ ней? . . .

В. С * * *

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Ахъ, Нина! — вѣрь, Амуръ порукой,
Съ тѣхъ поръ, какъ лишь тебя узналъ;
Дремотой глазъ я не смыкалъ
И день и ночь терзаюсь мукой!

Не хочешь вѣрить? Ты смѣешься
Словамъ отчаянной любви;
Одинъ отвѣтъ — лишь улыбнешься,
На всѣ моленія мои.

Въ послѣдній разъ — для увѣренья,
Позволь сего дня, вечеркомъ,
Когда съ полей придутъ въ селенье,
Прокрасться въ рощицу тайкомъ?

Тамъ на травѣ, березъ подъ сѣнью,
У водъ серебряныхъ ручья;
Гдѣ въ зной, ты нѣжишься подъ тѣнью;
Для испытанья — жду тебя! —

Журчанье струй, луны свѣтъ томной
И шопотъ листьевъ съ вѣтеркомъ;
Къ дремотѣ склонитъ все, невольной,
Уснетъ и Аргусъ крѣпкимъ сномъ:

Мнѣ одному лишь не возможно —
И если при тебѣ солгу,
Коль я — на мигъ одинъ засну —
То накажи меня безбожно!

Б . . .

1829 С. Красное.

ВЪ ПОСЛѢДНІЙ РАЗЪ.

Въ послѣдній разъ,
Съ твоихъ очей волшебныхъ,
Съ твоихъ персей лилейныхъ,
Я не сводилъ слезящихъ глазъ;
И тутъ въ послѣдній разъ
Сказалъ: — прости — моей надеждѣ!

Въ послѣдній разъ,
Твои уста молчали;
Но взоры отвѣчали,
Что въ жизни разлучаютъ насъ;
И тутъ въ послѣдній разъ
Сказалъ: — прости — моей надеждѣ!

Въ послѣдній разъ,
Слеза твоя скатилась,
Мнѣ въ сердце заронилась
И счастья свѣтлый лучъ угасъ;
Я тутъ въ послѣдній разъ
Сказалъ: — прости — моей надеждѣ!

Въ послѣдній разъ,
Сказалъ: прости, надеждѣ;
Но ахъ, зачѣмъ, не прежде
Ты несчастливцу не сбылась?
Зачѣмъ не въ первый разъ
Могу сказать: — живи — надеждѣ? . . .

А. Б.

НОЧЬ ВЪ ЛАГЕРѢ.

(Отрывокъ изъ Журнала).

Спутница грустнаго Меланхолика, прелестное свѣтило ночи — полная луна, обтекала дозоромъ эѳиръ голубой; и какъ застѣнчивая сельская красавица, которая слушая похвалу себѣ въ присутствіи милаго, съ улыбкою довольствія скрываетъ розы стыдливости на груди подруги; такъ и она, по временамъ пряталась за прозрачныя облака и улыбалась изъ-за нихъ привѣтно.

Тихо было подъ небомъ открытымъ; едва дышалъ вѣтерокъ, разнося всюду бальзамическое дыханіе ночи. Величественный Дудергоѳъ — сей черный ис-

полинъ, медленно качая главою, шепталъ засыпая; въ его кудряхъ соловей, громкою трелью и томнымъ журчаньемъ, оглашалъ окрестность и будилъ дремлющее безмолвіе. Пронзительный крикъ филина, кваканье безпокойной лягушки и уканье водянаго барашка; — все это не согласовалось съ его усладительною мелодіею: но сливаясь вмѣстѣ, раждало какую-то непонятную прелесть и разливало удоволъствіе въ нашей бесѣдѣ — бесѣдѣ лагерныхъ товарищей.

Частый кустарникъ окружалъ площадку, на которой кругъ друзей праздновалъ уже прошедшій день имянинъ, одного изъ любимыхъ товарищей. Серебряный лучъ задумчивой луны, дробился преломляясь въ прозрачномъ хрусталѣ, наполненномъ живительнымъ сокомъ винограда; дымъ кольцами вился

изъ трубокъ и произведеніе Америки превращалось въ пепелъ; веселый разговоръ одушевлялъ наше дружеское общество — анекдотъ летѣлъ за анекдотомъ; никто не уставалъ говорить, нужно было только слушать.

Всѣ шумѣли, всѣ были въ восторгѣ. Одинъ Августъ, любезный мой товарищъ, сидѣлъ задумавшись. — Что ты нахмурился? — сказалъ я — такъ весело, что пиръ горой, какъ говорится; ты лишь носъ повѣсилъ? О романическая голова! чуть только выглянулъ мѣсяцъ, завыла жалобно сова, а онъ и разнѣжился! —

— «Убирайся къ ч . . . . съ своими шутками, безтолковой! — Какъ поворачивается у тебя языкъ — я бы оторвалъ его!» — отвѣчалъ Августъ, тяжело вздохнувши.

— Вотъ прекрасно! Не за то ли,

что онъ пускаетъ иногда красное словцо, какъ стрѣлу, въ твое и безъ того израненое сердце? Ну, такъ ступай въ отставку и проси пансіонъ. Развѣ я виноватъ, что ты не носишь Рыцарскихъ латъ, которыя бы тебя защищали; а не то стрѣляй также и въ меня!

Унылый и умоляющій взглядъ Августа, заставилъ меня замолчать; мнѣ вдругъ стало совѣстно, что я оскорбилъ несчастнаго. Со мной вмѣстѣ все умолкло: трубка погасла, круговая чара перестала ходить рундомъ и стояла смирно, налитая вровень съ краями. Всѣ съ участіемъ смотрѣли на Августа, какъ бы выпытывая причину его грустной задумчивости; всѣ взоромъ укоряли меня, за недостатокъ сострадапія и приступили къ нему съ просьбами, открыть имъ свое горе. Наконецъ,

кто-то умѣлъ тронуть чувствительную струну его нѣжнаго сердца; несчастные всегда находятъ утѣшеніе повѣрять дружбѣ любезное минувшее, и Августъ началъ вздохнувши:

Быстро промчалось мое время счастливое, товарищи, — время восторговъ юной любви моей! Угасъ лучъ надежды, какъ гаснетъ заря вечерняя во мракѣ ночи; не сбылись сладкія мечты, которыми какъ цвѣтами, усыпалъ я неизвѣстность будущаго: но все это глубоко заронилось въ моей памяти и забудется лишь съ концемъ земнаго моего страданія. Слово — люблю, долго мною таимое отъ прелестной, и теперь еще будто раздается въ моемъ слухѣ; взоръ Маріи и теперь еще — горитъ для меня огнемъ небеснымъ!...

Я помню ночь, утвердившую мое блаженство; она сходна была съ нынѣшнею, возбудившею во мнѣ воспоминаніе прошедшаго, невозвратимаго....

— «Люблю тебя!» — сказала мнѣ несравненная, когда я нашелъ ее одну погруженною въ задумчивость, и упалъ къ ногамъ ея — съ мольбою любви....

Мгновенно промчались тогда тѣни ночныя; для насъ не было времени — оно не замѣтно, его нѣтъ для пылкой любви! Уже загорѣлся востокъ, слезы Авроры заблистали на душистомъ левкое и житель эфира, звонкою пѣснію привѣтствовалъ свѣтозарнаго Царя природы — мы пробудились отъ восторговъ.

— «Пойдемъ» — сказала Марія, подавая мнѣ лилейную руку: «пойдемъ къ отцу моему; онъ благословитъ союзъ сердецъ невинныхъ. Любя свою Марію, онъ

не захочетъ, чтобы увялъ цвѣтъ моей жизни въ веснѣ своей. Нѣтъ не погибну я отъ любви безнадежной — милый Августъ, мы будемъ счастливы — онъ благословитъ насъ!.....» Единственный другъ, исполнились слова твои! Ты вознеслась на небо, окриленная божественною надеждою: но счастливъ ли твой Августъ на землѣ; зачѣмъ не вполнѣ сбылись твои предвѣщанія? . . . .

— «Вручаю тебѣ мою Марію; будь для нее всѣмъ милымъ! драгоцѣннымъ въ жизни!» — сказалъ растроганный родитель, соединяя наши руки. «Ты еще молодъ. Пять лѣтъ назначенныя для твоей службы, пусть будутъ и испытаніемъ для тебя. Помни всегда, Августъ, что одна лишь добродѣтель, можетъ довести тебя до сердца моей Маріи; будь добръ, постояненъ и будешь счастливъ съ нею вмѣстѣ!»

Друзья мои испытали ль вы блаженство любви? Оно неизъяснимо — слова, всѣ земныя понятія, теряются въ этомъ — всемогущемъ чувствѣ! Мнѣ кажется, оно въ состояніи вознести въ горняя — духовъ отверженныхъ; вывести закоренѣлыхъ злодѣевъ на стезю добродѣтели, если только порочные могутъ любить; но чистѣйшая, восхитительная дщерь неба — Любовь, избираетъ лишь души, доступныя свѣту небесной благодати! . . . .

Я испыталъ это съ Маріею. Даже на землѣ, мы съ нею предвкушали блаженство райской вѣчности. Составляя одну душу и сердце, мы весело взглядывали на будущность; и довольствуясь настоящимъ, не хотѣли прикасаться къ непроницаемому покрову судебъ: но какъ непрочны въ семъ мірѣ радости

и надежды наши — знали ли мы, что таитъ сія грозная завѣса? . . .

— «Какъ милы мнѣ» — сказала однажды Марія — «тѣ мѣста, въ которыхъ началась любовь наша — онѣ питаютъ ее. Пойдемъ, Августъ, на прелестную долину въ липовой рощѣ; она была свидѣтельницею дѣтскихъ игръ нашихъ и первыхъ порывовъ сердца, доставившихъ намъ счастіе любви. Я хочу, чтобъ ты еще разъ увидѣлъ ее до нашей разлуки.» — Я подалъ ей руку и мы пошли . . . .

Могу ли сказать вамъ, какъ неизъяснимо прелестна была она въ сей вечеръ? Очаровательная роза, какъ бы нарочно блистала красою своей передъ бурею, сломившею нѣжный ея стебелекъ... Мы приближались уже къ желаемому мѣсту — рука ея покоилась въ моей.—«Посмотри, посмотри — сколько

незабудокъ вмѣстѣ! Я сорву ихъ нѣсколько и подарю тебѣ на память, милый другъ!» — сказала она, вырвавшись отъ меня съ живостію; побѣжала къ цвѣтамъ, наклонилась и вдругъ вскрикнувъ, поблѣднѣла. Я спѣшу — змѣя, съ шипѣніемъ удалялась отъ нее, при моемъ приближеніи. Въ порывѣ ужаса, не зная еще вполнѣ своего бѣдствія, я стремительно выдергиваю съ корнемъ молодое дерево и убиваю имъ злое животное: но поздно — ядовитые зубы коснулись уже прелестной руки и Марія, лишившись чувствъ, упала подлѣ обѣщанныхъ цвѣтовъ! . . . Ахъ, какой ужасный памятникъ, мнѣ она ими по себѣ оставила! . . . .

Несчастный Августъ содрогнулся сказавъ это и онѣмѣлъ. Глаза его блуждали вокругъ безъ цѣли, слезы пролились

изъ нихъ, но онъ не могъ плакать — дыханіе его стѣснилось. Наконецъ благодѣтельный вздохъ, облегчилъ грудь страдальца и онъ продолжалъ такъ:

Испугъ и ядъ, сильно подѣйствовали на нѣжныя нервы Маріи. Нѣтъ словъ для скорби и мученія быть свидѣтелемъ смертныхъ страданій, существа любезнаго! . . . Искуство и стараніе Докторовъ были напрасны и въ пятый день болѣзни, Ангельская душа Маріи, воспарила въ свою небесную обитель, откуда она на краткій лишь мигъ, прилетала порадовать смертныхъ, недостойныхъ ея сообщества . . . . . Какъ были томны очи ея, при кончинѣ на меня обращенныя; онѣ созерцали блаженную вѣчность и съ высоты уготованнаго величія для праведницы, съ благостію еще смотрѣли на меня, пресмы-

кающагося во прахѣ! Я прочелъ въ нихъ — прости!

Марія, Марія — единственный, незабвенный другъ мой! — восклицалъ я; она вздохнула и этотъ вздохъ ея, былъ послѣднимъ! . . . .

Ангелъ Небесный! ты тамъ — какъ же я безъ тебя существую? . . . Несчастный — что я тогда чувствовалъ! Нѣтъ, нѣтъ, я ничего не чувствовалъ: ни одна слеза не оросила лица моего, ни одинъ вздохъ не облегчилъ скаменѣвшей груди. Я ничего не видѣлъ, не слышалъ — вокругъ меня былъ тогда первобытный хаосъ; я былъ какъ бы еще не созданъ въ это грозное мгновеніе — не существовалъ если бы во мнѣ, блеснулъ тогда хоть малѣйшій лучъ разсудка; я бы постигъ ужасную мысль о ничтожествѣ, чувствуя себя несозданнымъ! . . . .

Вотъ уже третья весна украшаетъ незабудками, могилу Маріи и время, мало по малу, облегчаетъ мои страданія: но цѣлыя столѣтія, не исцѣлятъ меня отъ убійственнаго равнодушія, съ которымъ смотрю я на всѣ радости жизни; что онѣ въ сравненіи съ минувшими? Меня томитъ тоска, я гасну медленно, какъ догарающій свѣтильникъ, и безъ Маріи кто поддержитъ угасающій свѣтъ его? Малѣйшее о ней воспоминаніе, возбужденное какъ и теперь чѣмъ нибудь, раскрываетъ всегда снова не заживающія раны моего сердца! — О какъ сильна любовь первая — любовь юноши; какъ памятны ея наслажденія! Такъ, друзья мои, и мечтать, грустить о нихъ, есть уже мое утѣшеніе — послѣднее, которое мнѣ отъ всѣхъ благъ, столь щедро судьбою обѣщанныхъ, осталось на землѣ! . . .

———

Августъ умолкъ и тихая слеза — признакъ постоянной грусти, выкатилась изъ глазъ его.

«Перестань тосковать, товарищъ!» сказалъ я, подавая ему стаканъ: «выпей лучше въ память любезной и забудь ее, сколько можешь и сколько должно — живымъ не губить же себя для мертвыхъ? Впрочемъ, сердце человѣческое тотъ же термометръ; красавицъ много на свѣтѣ, онѣ еще заставятъ его у тебя показывать жаръ и холодъ! — Время всесильно; оно залѣчитъ твою рану и вотъ первый рецептъ его — Шампанское!» —

Августъ улыбнулся, принялъ стаканъ и выпилъ. — «Вотъ теперь такъ, какъ надобно!» — продолжалъ я, обнимая его. «Наливайте жъ друзья, и пейте здоровье всѣхъ влюбленныхъ, но веселыхъ; терпѣть не могу тѣхъ, которые смотрятъ

Сентябремъ, въ веселой бесѣдѣ, гдѣ пѣнистой струей брызжетъ янтарная влага!» —

Все вдругъ ожило — захлопали пробки, зашипѣло вино. Длинные фронты стакановъ, то растянутые, то сомкнутые въ густое каре, безпрестанно являлись предъ нами; мы всегда мужественно атаковали ихъ, опрокидывали, опустошали, истребляли и чтобъ счастливѣе были влюбленные, окончили весь праздничный запасъ, за здоровье ихъ прелестныхъ.

— «Къ чему эти безполезныя, бездушныя вещи?» — сказалъ одинъ изъ весельчаковъ, указывая на пустыя бутылки. — «Пали!» — закричалъ другой: — «разъ, два, три!»

Между тѣмъ мѣсяцъ спрятался, нашли небольшія тучи и мѣлкій дождь накрапывалъ. — «Друзья! не пора ли

по палаткамъ?» — Общая трубка, какъ символъ единодушія, обошла еще одинъ разъ кругъ пирующихъ и мы разошлись. Августъ ночевалъ со мною. Первый рецептъ имѣлъ надъ нимъ счастливое дѣйствіе; онъ заснулъ скоро, во снѣ не вздыхалъ и такъ успокоился, что на другой день чуть было не проспалъ ученья! . . .

А. Б.

1826. Іюль.
Лагерь при Красномъ Селѣ.

ТОСКА.

Мнѣ не съ кѣмъ, ахъ, не съ кѣмъ тоски раздѣлить!
Мнѣ не кому выплакать душу;
Мнѣ не съ кѣмъ, ахъ, не съ кѣмъ любви раздѣлить!
Мнѣ не кому выплакать сердце.

Какъ утлый челнокъ среди бурь океана,
Средь грозныхъ, кипучихъ валовъ:
Такъ жизнь безъ привѣта, такъ жизнь безъ желаній
Моя протечетъ средь людей.

Къ кому обращуся, ахъ, гдѣ же найду я
И сладкаго счастья покой,
И въ счастьи, въ отрадѣ — привѣта живаго
И въ горѣ — участной слезы?

Любовь обманула и дружба исчезла,
Надежда увяла средь розъ;
Лишь горе со мною, а счастье далече!
И слезы струею текутъ . . . .

О слезы, о слезы! отрадныя слезы;
Вы сладки и тягостны мнѣ;
Вы лейтесь и лейтесь, живите со мною,
Меня проводите во гробъ.

Мнѣ не съ кѣмъ, ахъ, не съ кѣмъ тоски раздѣлить!
Мнѣ не кому выплакать душу;
Мнѣ не съ кѣмъ, ахъ, не съ кѣмъ любви раздѣлить!
Мнѣ не кому выплакать сердце.

I. XI.

1833.

ОТВѢТЪ НА ЗАДАННУЮ МЫСЛЬ:

Удовольствія исчезаютъ, какъ ракета и лишь дымъ воспоминанія остается на сердцѣ.

Я съ этой истиной согласенъ,
Давно твержу, что бѣлый свѣтъ,
Хоть по наружности прекрасенъ;
Но много въ немъ таится бѣдъ.

Гоняясь тщетно за мечтою,
Мы пылью лишь глаза слѣпимъ;
А счастье, изгнано судьбою
Мы здѣсь не насладимся имъ!

Едва коснемся — улетаетъ!
И сердце въ новой пустотѣ,
Воспоминанья тѣнь хватаетъ
И съ нимъ — отраву лишь себѣ! . . .

Съ утратой радости и счастья,
Намъ въ жизни надобно бъ желать,
Къ былому не имѣть пристрастья
И память съ нимъ же потерять!...

И. П.

КЪ НЕСЧАСТНОЙ.

Ты увядаешь въ цвѣтѣ лѣтъ,
Не зная въ мірѣ дней счастливыхъ;
Какъ вянетъ въ осень поздній цвѣтъ,
Отъ хлада, бурь неукротимыхъ!

Не льститъ надежды ясный лучъ,
Душѣ печалью омраченной;
И изъ-за черныхъ, грозныхъ тучъ,
Онъ не блеститъ для огорченной.

Отрадный, чуждъ тебѣ привѣтъ;
Вся жизнь твоя — какъ мракъ темницы,
Гдѣ чуть мерцаетъ блѣдный свѣтъ,
Съ трудомъ проникнувшей денницы? . . .

А. М.

КЪ Д . . . . у.

Въ восторгѣ пылкаго забвенья,
Я самъ какъ будто бы не свой;
Не ужъ ли намъ для наслажденья,
Пять только чувствъ даны судьбой? —

Какъ арфы томное бряцанье,
Мнѣ рѣчи дѣвы молодой;
И какъ весны благоуханье,
Я страстный пью ея дыханье
Изъ устъ цвѣтущихъ красотой.
Смотрю — нѣтъ словъ для выраженья,
Она, всѣхъ Грацій милѣй;
И счастливый — въ пылу волненья,
Моя рука среди лилей,
Какъ бы ручей вдали журчитъ,
Ея такъ лепетъ слышенъ страстный,
Цѣлую — Делія молчитъ! . . .
И съ чѣмъ сравнить ея лобзанье?
Что эту сладость замѣнитъ?
И прелесть — груди колебанья
И розы — пламенныхъ ланитъ? . . .

Б . . .

1829. Апрѣль.

СОЛОВЕЙ.

(Пѣсня).

Какъ пѣвунъ соловей,
На кусточикъ сѣлъ,
Щебеталъ соловей,
Горько, горестно;
Онъ свисталъ, напѣвалъ
Пѣсню жалкую:
— Наступила весна,
Съ нею радости;
Покрывались луга,
Яркой зеленью;
Согрѣвались сердца,
Жаркимъ пламенемъ;
Утѣшались друзья
Всѣ взаимностью . . .
У меня жъ, соловья,
Нѣтъ молодушки;
Нѣтъ гнѣзда преклонить

Мнѣ головушки! . . .
Полечу жъ, соловей
Я въ далекій край;
Поищу я себѣ,
Тамъ подруженьку,
Не найду коль ее;
То послѣднюю,
Пѣснь спою я тогда,
Громкимъ голосомъ
И прежалостнымъ
Передъ смертію! . . .

И. П.

НАДЕЖДА и ВОСПОМИНАНІЕ.

(Въ Альбомъ товарищу).

Сердце въ будущемъ живетъ,
Настоящее уныло;
Все мгновенно, все пройдетъ
Что пройдетъ, то будетъ мило!...

А. Пушкинъ.

Кто не встрѣчалъ тебя, Непостижимая? Кому среди несчастій, когда сердце страдаетъ о невозвратномъ, не являлась ты въ отдаленномъ мерцаніи, какъ безутѣшному пловцу, мгновенный блескъ звѣзды на помраченномъ горизонтѣ? — Ты часто, Всемогущая, ведешь насъ по зыбкимъ путямъ смерти, къ твердому пристанищу! — Надежда —

ты изъ хаоса творишь бытіе, изъ гроба вызываешь жизнь и преселяешь сыновъ земли, въ горнее жилище свое — Небесная! . . . Но тамъ, лишь тамъ — вѣнцы твоимъ поклонникамъ, исполненіе твоихъ обѣтованій; а здѣсь, ты промчишься какъ легкое дыханіе вѣтерка, чтобъ заманить къ себѣ земныхъ страдальцевъ и, улетаешь опять на небо! Такъ быстротечная, часто усталый труженикъ жизни, чувствуетъ въ огорченной душѣ своей, одинъ слабый отблескъ твоей славы, когда оставивъ сіяющій чертогъ, ты къ утѣшенью смертныхъ, съ заманчивой улыбкой, вздумаешь пролетѣть надъ мрачною планетой; и этотъ лучъ лампадный, этотъ быстрый метеоръ сверкнувшій такъ мгновенно, не ручаясь за вѣрность счастія въ будущемъ, освѣщаетъ лишь предъ нимъ — очаровательную карти-

ну прошедшаго. Долго вотще мечтая о томъ, что сокрыто сквозящею завѣсою твоею, въ туманахъ неизвѣстности; утомленный напраснымъ усиліемъ проникнуть въ тайное твое святилище и разгадать свой жребій, который всегда и всѣмъ, ты сулишь съ такимъ очарованіемъ: страдалецъ съ грустію обращается къ прошедшему и, вдругъ — радость оживляетъ отуманенный взоръ его, улыбка пробѣгаетъ на сжатыхъ доселѣ устахъ! — Несчастный — онъ встрѣчаетъ ихъ тогда опять, друзей минувшихъ лѣтъ своихъ — прошедшія радости, въ той же красѣ привѣтной, въ той же прелести волшебной! Онѣ, кажется, тронутыя его моленьемъ, оставивъ райскій свой пріютъ, опять слетѣли шумною толпою, погостить у прежняго своего любимца, освѣжить увядшее его сердце. И онъ, прости-

раетъ къ нимъ радостныя объятія, слеза утѣшенной грусти, блеститъ на рѣсницѣ; онъ забывается и еще живетъ — жизнью былою! . . .

Воспоминаніе! какая чарующая мечта надежды, часто невѣрной; какая будущая радость, сравнится съ твоею тихою, сладкою грустію? — Ахъ, гдѣ ты время милое, время радостей плѣнительныхъ! — говоримъ мы всегда, раздумаясь о прежнемъ, слезами въ глазахъ и сердце отъ скорби, будто готово летѣть изъ груди: но тихое мечтаніе, покоитъ насъ видѣніемъ дней незабвенныхъ и мы снова въ блаженствѣ — какъ въ небѣ седьмомъ! — Опять обнимаемъ безцѣннаго друга, съ которымъ дѣлились душей, съ которымъ знали цѣль жизни, и горе и радость считали сноснѣй и веселѣй! Опять пламенѣемъ, срывая живой поцѣ-

луй, съ алыхъ устъ несравненной Эльмины и какъ будто въ правду, въ объятіяхъ ея, забывая все на свѣтѣ, читаемъ въ томныхъ очахъ: мой милый, я люблю тебя! . . . Не правда ль, что въ этомъ мечтаньѣ и съ этою грустью въ осиротѣлой душѣ, мы и тогда даже дышемъ жизнью молодою, когда злой Сатурнъ, машетъ надъ нами мертвящей косой; когда признакъ преклонныхъ лѣтъ — старости хладъ, не юности жаръ льется въ жилахъ у насъ, и близокъ часъ ужасный разрушенья? —

Кто же захочетъ разстаться съ такимъ усладительнымъ сномъ, чтобы проснуться для горькой существенности? Кто въ жизни будетъ ждать невозвратнаго, или подобнаго лишь прежнему счастья, желать отъ надежды; когда небесные дары ее такъ отдален-

ны, а здѣшніе невѣрны? Или кто и ввѣрившись надеждѣ, пожелаетъ принять ихъ не избравъ изъ прежнихъ; кто мечтая о будущемъ блаженствѣ, не украшаетъ его цвѣтами воспоминанія?.....

Да будетъ же, любезный мой товарищъ, да будетъ неизмѣнная надежда, на продолженье прежнихъ благъ, твоимъ путеводителемъ, а спутникомъ — сладостное воспоминаніе о томъ, чего уже нѣтъ и что мило твоему сердцу! — Да составятъ эти богини, для тебя вѣрный между собою союзъ, и по скользкой тропинкѣ жизни, приводятъ безмятежно до дальнихъ тѣхъ предѣловъ, гдѣ божественная Надежда, въ послѣдній вечеръ твоей жизни, эфирными перстами отворитъ тебѣ дверь неба и ты, улетая въ міръ лучшій, бросишь

съ улыбкой на устахъ — ужъ не земною, довольный взоръ на прошедшее!...

Б * * *

Елецъ. 1827.

ПРОБУЖДЕНІЕ.

Лазурныя очи
Вселили въ меня,
Желанье съ полночи
Сидѣть у окна.
Мечтами носился,
Вкругъ звѣздъ и луны,
И вдругъ очутился
У ней на груди.
И милую ручку
Къ устамъ прижималъ;
И алыя губки
Ея цѣловалъ;
И Ангела — очи
Ласкала меня . . . .
За чѣмъ просыпался? —
Я спалъ у окна! . . .

*В. С****

ПРИЗНАНІЕ ДРУГУ.

Блаженъ, блаженъ, кто не родился
Съ душею пылкою на свѣтъ;
Чей умъ ни въ чемъ не измѣнился
И чувствамъ не давалъ отвѣтъ.
Счастливъ, кто могъ не предаваться,
Влеченью сердца своего;
Мечтой отрадной не прельщаться,
Не довѣрять ей ничего.
Кто могъ владѣть всегда собою,
Страстямъ мятежнымъ не внимать;
Не утѣшаться мыслью тою,
Какую долженъ забывать . . .

Прости, о другъ мой, за признанье,
Прости мнѣ то, что разскажу;
Я можетъ быть, мое страданье,
Твоимъ участьемъ облегчу! . . .

Ахъ, я люблю — безъ всякой цѣли,
Созданье съ Ангельской душой! —
Собравъ всѣ мысли, всѣ идеи —
Я заключилъ ихъ въ ней одной.
И приучилъ мое вниманье
Къ однѣмъ волшебницы словамъ;
Я полюбилъ одно желанье,
Одно стремленіе къ мечтамъ:
Въ ея очахъ лишь жизнь сіяла,
Какъ солнца лучъ, какъ блескъ звѣзды!
Она — какъ роза расцвѣтала,
Съ разсвѣтомъ утренней зари! . . .

Но ахъ, зачѣмъ? — Не для меня,
Съ ней благо въ жизни безмятежной;
Въ душѣ моей одна тоска,
Любви напрасной — безнадежной! . . .

И что жъ въ отраду мнѣ осталось,
Мечтой ли горесть услаждать?
Съ любовью сердце коль сзналось
Ужели можетъ забывать? —

Теперь, какъ плѣнникъ на чужбинѣ
Среди неволи, средь цѣпей,

Воспоминаетъ о равнинѣ,
Гдѣ онъ возросъ въ кругу друзей:
И я такъ, милый другъ, мечтаю
Живу лишь мыслью о быломъ;
И съ грустнымъ сердцемъ вспоминаю,
О прежнемъ счастіи своемъ! . . .

П. З.

1 Мая, 1833.
Курскъ.

СЕСТРѢ.

(При посылкѣ ей бѣлой тетради для стиховъ.)

Тетрадку для стиховъ
И нѣжныхъ пустяковъ,
Желала ты имѣть;
Изволь же ей владѣть.
Въ часы отдохновенья,
Пиши въ ней пѣснопѣнья;
Поэзіи цвѣты,
Срывай — Элиза, ты;
Умѣй лишь выбирать,
Какой цвѣтокъ сорвать; —
Красивѣе всѣхъ розы:
Но въ нихъ есть и занозы,
Смотри же — берегись,
Мой другъ — не уколись!

И. П.

КЛЕЙСТЪ (*).

Эвалдъ Христіанъ фонъ Клейстъ, родился въ Помераніи, въ Цеблинѣ, не далеко отъ Кеслина, 1715 года, Марта 5 дня. Мать его была изъ фамиліи Мантейфелей, равной Клейстамъ и славой и заслугами. Съ раннихъ лѣтъ, родители старались о его образованіи: на девятомъ году своего возраста, онъ отданъ былъ въ школу Іезуитовъ Польскихъ, на пятнадцатомъ поступилъ въ Данцигскую Гимназію, а оттуда на семнадцатомъ въ Кенигсбергскій Уни-

(*) Извлечено изъ жизнеописанія его, помѣщеннаго въ сочиненіяхъ сего же Автора.

верситетъ, гдѣ съ примѣрнымъ прилежаніемъ обучался: Правамъ, Философіи и Математикѣ. По окончаніи курса, Клейстъ поѣхалъ къ роднымъ своимъ въ Данію, которые и упросили его у нихъ остаться. Тамъ послѣ многихъ тщетныхъ исканій, вступить на службу по части ученой, къ чему познанія, умъ и благородный, прямой характеръ, дѣлали молодаго студента вполнѣ способнымъ; родственники его Штаффельтъ и Фолькерзамъ, присовѣтовали ему опредѣлиться въ военную. Онъ послѣдовалъ сему и на 21 году получивъ чинъ Офицера, съ такимъ же рвеніемъ, съ которымъ прежде изучалъ Права, занялся науками военными. Въ 1740 году, при возшествіи на престолъ Великаго Фридриха, прибылъ онъ въ Берлинъ, явился къ Королю, который принялъ его Поручикомъ въ полкъ брата своего

Гейнриха. Съ нимъ находился онъ во всѣхъ походахъ, вѣчно прославившихъ первое пятилѣтіе царствованія сего Монарха, и имѣлъ случай, примѣнить теорію военныхъ правилъ, къ опытности на полѣ битвы; стараясь всегда обогащать себя познаніями и заслужить имя отличнаго Офицера.

Въ 1749 году, будучи Капитаномъ, издалъ онъ стихотвореніе свое: *весна*, почерпнувъ для онаго идеи, во время уединенныхъ прогулокъ, которые всегда называлъ — *стихотворною своею охотою;* въ послѣдствіи сочиненія его умножились разными мелкими піэсами. Предъ началомъ слѣдующей войны, Король въ числѣ нѣкоторыхъ другихъ Офицеровъ, избралъ Клейста въ собесѣдники молодому Принцу Фридриху Вильгельму, и 1756 года пожаловалъ Маіоромъ въ полкъ Генерала фонъ Гаузена, предна-

значетный къ защитѣ Лейпцига. Здѣсь пользуясь досугомъ, онъ написалъ многое, что послѣ печаталъ и въ 1758 году исправивъ, отослалъ въ Берлинъ къ друзьямъ своимъ.

Послѣ битвы при Росбахѣ, Фридрихъ Великій, собственноручнымъ рескриптомъ ввѣрилъ Клейсту, большой лазаретъ въ Лейпцигѣ. Безкорыстіе его въ семъ случаѣ и примѣрное человѣколюбіе, безъ различія какъ къ своимъ, такъ и непріятельскимъ страждущимъ воинамъ, единогласно превозносится жителями сего города.

Въ Февралѣ 1758, онъ былъ отправленъ съ отрядомъ въ Цербстъ, арестовать Маркиза де Френъ, (de Fraignes) и вскорѣ за симъ на экзекуцію въ Бернбургъ. Сколько привязанности и уваженія, доставили ему сіи, хотя сами по себѣ и ненавистныя порученія, сви-

дѣтельствуютъ даже тѣ, противъ кого онѣ были назначены.

Кампанію 1758 года, провелъ онъ подъ начальствомъ Принца Гейнриха, упросивъ его еще въ Лейпцигѣ, присоединить къ главной Арміи полкъ Гаузена, въ которомъ находился. Ему никогда не было недостатка въ случаяхъ къ отличію; отважное мужество, сообщаемое примѣромъ начальника, всегда одушевляло командуемый имъ баталіонъ. Когда передъ концемъ сего похода, Австрійская Армія наступала къ Дрездену и Прусскія войска проходили чрезъ этотъ городъ; то полкъ Гаузена и еще другой, составляя аррієргардъ, въ самой невыгодной позиціи, съ удивительнымъ хладнокровіемъ, выдержали, нѣсколько часовъ, огонь цѣлой непріятельской артиллеріи, не тронувшись съ мѣста. Маіоръ Клейстъ былъ тогда

однимъ изъ первыхъ, кому принадлежитъ слава удержанія сей важной и опасной позиціи, остановившей наступленіе всей Австрійской Арміи.

Въ началѣ кампаніи 1759 года, онъ находился у Принца Гейнриха въ Франконіи до тѣхъ поръ, пока вызванъ былъ съ корпусомъ Генерала фонъ Финка къ войску Короля, дѣйствовавшаго противъ Россіянъ. Августа 12, загорѣлась кровавая битва при Кунесдорфѣ, гдѣ суждено было исполниться желанію его — умереть славною смертію за отечество!

Очевидцы, говорившіе съ Клейстомъ за день до сраженія и поутру того самаго дня, когда еще войска сближались съ наступающимъ непріятелемъ, утверждаютъ, что онъ былъ веселъ и доволенъ сверхъ обыкновеннаго. Клейстъ никогда не дорожилъ жизнію, въ осо-

бенности же тогда, когда ему предстоялъ выборъ — побѣдить, или умереть со славою, предъ глазами Великаго Фридриха! — Подъ предводительствомъ Генерала Финка, въ началѣ сраженія, онъ стремительно напалъ на флангъ Русскихъ. Овладѣвъ съ своимъ баталіономъ, тремя батареями и получивъ двѣнадцать ранъ, изъ коихъ одна лишила его двухъ пальцевъ правой руки, онъ схватилъ шпагу лѣвою и не хотѣлъ оставаться за фронтомъ, какъ Маіору надлежало: но напротивъ не пропустилъ мгновенія явиться предъ баталіономъ, когда враждебная пуля, повергла начальника онаго. Подъ ужаснѣйшимъ, нестерпимымъ огнемъ, онъ повелъ его на четвертую батарею, вызвавъ впередъ знамена своего полка и самъ, взявъ подъ руку Портупей-Юнкера. Тутъ пуля поранила ему лѣвую

руку, онъ взялъ шпагу остальными пальцами правой, не удерживая ни мало своего нападенія и уже находился шагахъ въ 30 отъ цѣли, какъ картечь раздробила ему правую ногу; тогда онъ не могъ болѣе держаться на лошади и упалъ съ нее, закричавъ своимъ: «Дѣти, не оставьте вашего Короля!» —

Съ помощію другихъ, мужественный Клейстъ нѣсколько разъ покушался сѣсть опять на лошадь; но силы оставили его и обморокъ лишилъ чувствъ. Два солдата одного съ нимъ полка и третій изъ прежняго Принца Гейнриха, приверженный къ любимому начальнику, вынесли его за фронтъ. Докторъ только что приступилъ къ перевязкѣ, какъ пуля, самому ему попала въ голову. Клейстъ, собравъ всѣ силы, сдѣлалъ движеніе поддержать падающаго Доктора; но тщетно — безжизненный, онъ

повергся подлѣ того, кому хотѣлъ помочь.

Вскорѣ послѣ сего прискакали Казаки, раздѣли Клейста и бросили въ болото. Изнеможенный, отъ сильнаго напряженія и отъ истекшей въ большомъ количествѣ крови, герой заснулъ тамъ также покойно, какъ бы въ своей палаткѣ.

Ночью, нашли его случайно Русскіе гусары, вынесли на сухое мѣсто, положили подлѣ огня на клочекъ соломы, покрыли плащемъ и надѣли шляпу, подкрѣпивъ пищею его силы. Одинъ изъ нихъ, хотѣлъ даже подарить ему мѣдную монету; но какъ раненый отказывался отъ принятія, то Гусаръ бросилъ оную подлѣ него съ видомъ благороднаго негодованія и удалился съ своими товарищами. По утру явились опять Казаки и отобрали снова, данное со-

страдательными Гусарами. Такимъ образомъ въ другой разъ обнаженный, лежалъ онъ до полдня распростертый на землѣ; до тѣхъ поръ, пока проѣзжавшій мимо Русскій Офицеръ, услышавъ его стенаніе, приказалъ положить на телѣгу и отвезти по желанію его въ Франкфуртъ на Одерѣ, къ Профессору Николаи.

«Сей благородный человѣкъ, (пишетъ Докторъ Криниць) соединявшій съ основательною ученостію, чистѣйшую любовь къ человѣчеству и бывшій въ полномъ смыслѣ сердечнымъ моимъ другомъ; принялъ страдальца подъ свое покровительство и не щадилъ ничего возможнаго, чтобъ спасти драгоцѣнную его жизнь. Докторъ Эберти и я съ другими искусными операторами, день и ночь не отходили отъ его постели. Безъ сомнѣнія, наши старанія не оста-

лись бы напрасными, если бъ Г. Клейстъ, позволилъ отнять себѣ ногу: но никакія просьбы и представленія неминуемой опасности, не могли убѣдить его. Онъ считалъ операцію сію вовсе не нужною и занимался лишь одною любимою мыслію, которая часто встрѣчается въ Литературныхъ трудахъ его:

Der Tod für's Vaterland ist ewiger
Verehrung werth. — Wie gern sterb' ich ihn auch
Den edlen Tod, wenn mein Verhängniss ruft (*)!

Смерть за отечество, даже и во время мирной тишины, составляла одно изъ пламенныхъ его желаній.»

«Желаніе это исполнилось. Онъ переносилъ десятидневное страданіе свое съ удивительною твердостію и при-

(*) Изъ поэмы Cissides und Paches. Смерть за отечество достойна вѣчнаго почтенія. Какъ охотно умру я, сею благородною смертію, когда позоветъ меня судьба.

судствіемъ духа; бесѣдуя часто съ нами (между посѣщавшими его, было много Русскихъ Офицеровъ, уважавшихъ и цѣнившихъ достоинства своего плѣнника) о предметахъ ученыхъ. Предвидѣвъ, что смерть его неизбѣжна, я упросилъ больнаго оставить мнѣ что нибудь въ памятной книгѣ. Онъ взялъ ее и развернулъ случайно тамъ, гдѣ написалъ Прусскій Принцъ (*). Поцѣловавъ сію страницу, Клейстъ воскликнулъ съ восторгомъ: «Вотъ цѣлительный бальзамъ для ранъ моихъ! Вотъ истинно достойный престола — Наслѣдникъ!» — Послѣ перебирая листы, къ удовольствію своему находилъ онъ име-

---

(*) Принцъ написалъ слѣдующія превосходныя слова изъ Виргилія:

— — Animo repetentem exempla meorum
Et Pater Aeneas, et Avunculus excitat Hector.

на: Эйлера, Вольфа, Галлера, Эрнести, Лессинга и многихъ другихъ, дѣлая о твореніяхъ ихъ, самыя основательныя замѣчанія. — «Что же я, солдатъ, напишу вамъ?» — спросилъ онъ наконецъ — Напишите Сатиру на врачей! отвѣчалъ я: — мнѣ досадно на нихъ и на всю свою Медицину за то, что она до сихъ поръ не приноситъ вамъ пользы. — «И такъ я напишу вамъ изъ Сенеки» продолжалъ онъ: «Innumerabiles morbos miraris? Medicos numera.» — Прекрасно! сказалъ я. Но у Сенеки было написано не Medicos, а Coquos; мнѣ не хотѣлось ему о томъ напомнить; я полагалъ, что память его ослабѣла и къ тому же самъ подалъ ему поводъ къ такой укоризнѣ. Онъ потребовалъ большой фоліантъ, положилъ его на раздробленную свою ногу, развернулъ на немъ памятную книгу и къ изумленію

моему, написалъ настоящій текстъ: Innumerabiles esse morbos miraris? Coquos numera (*).

Franc. d. 23 Aug. 1759.

Hisce Nobilissimo Domino Possesori memoriam sui commendat.

E. C. de Kleist.

«Послѣ сей ученой шутки, въ слѣдующій день, онъ умеръ на 45 году отъ рожденія, съ безпримѣрнымъ присудствіемъ духа и вѣрою въ безсмертіе. Даже непріятельскіе Офицеры, находившіеся при кончинѣ Героя, плакали о немъ съ нами вмѣстѣ.»

«Чтобъ сохранить въ памяти, драгоцѣнныя черты лица его и по смерти не потерявшія дружественнаго и привѣтливаго своего выраженія; я сдѣлалъ

(*) Ты удивляешься, отъ чего такъ много болѣзней? — Сочти же поваровъ.

съ него гипсовой слѣпокъ. Супруга Профессора Николаи, сестра извѣстнаго Доктора Цикерти, положила на грудь его черную ленту, съ вышитыми бѣлымъ шелкомъ буквами E. C. v. K. Сія самая лента, въ 1777 году, слѣдственно чрезъ 18 лѣтъ, найдена цѣлою, когда отыскивали гробъ Клейста и по ней, также и по раздробленному берцу увѣрились, кому принадлежали найденные остатки.»

«Г. Николаи, говорилъ почившему надгробную рѣчь. Всеобщее рыданіе друзей и враговъ, прерывало растроганнаго Оратора.»

«Шесть Русскихъ Штабъ-Офицеровъ, нѣсколько Профессоровъ, члены Магистрата и многіе изъ Студентовъ, провожали бренные остатки Клейста на мѣсто вѣчнаго успокоенія. При подцятіи гроба непріятельскими Гренадера-

ми, Русскій Комендантъ Маіоръ фонъ Гаудрингъ, замѣтилъ, что на немъ нѣтъ шпаги; вѣроятно позабывъ, что Офицеръ, найденный обнаженнымъ на полѣ сраженія, не можетъ имѣть никакихъ знаковъ своего достоинства. — «У насъ нѣтъ теперь никакого оружія! — отвѣчалъ Г. Николаи.» — «Нѣтъ!» — возразилъ великодушный Комендантъ: «такому достойному Офицеру, и по смерти нельзя отказать въ уваженіи и воинскихъ почестяхъ!» — Съ сими словами, онъ снялъ съ себя шпагу и положилъ ее на гробъ покойнаго. Стоявшая у городскихъ воротъ Русская стража, отдала должную почесть тѣлу; слѣдуя за нимъ, мы достигли кладбища и Клейстъ, сокрылся на немъ отъ нашихъ взоровъ, оставивъ по себѣ вѣчную память въ сердцахъ....»

Разсматривая превосходные остатки его пѣснопѣній, трудно опредѣлить, къ какому роду Поэзіи исключительно, стремился его Геній; во многихъ ему удалось достигнуть изящнаго. Съ восхитительною прелестію воспѣваетъ онъ въ своей *веснѣ*, чудеса возраждающейся природы; съ торжественною возвышенностію и пламенною признательностію, славитъ въ Гимнахъ, благость Виновника всего существующаго; нѣжны и трогательны жалобы его Элегій; духъ воинственный высокъ въ Одахъ; а въ Идилліи, съ неподражаемою простотою изображены нравы невиннаго человѣчества. Піитическій восторгъ его, часто снисходилъ также къ изображеніямъ не столь отвлеченнымъ; онъ питалъ его вѣрнымъ разсматриваніемъ и наслажденіями, прелестной природы. Всѣ его сильныя и радостныя чувство-

нія, соединены или съ забавнымъ представленіемъ, или съ важнымъ, убѣдительнымъ правоученіемъ: и сей восторгъ, сія привлекательная смѣсь, придаютъ Музѣ его какой-то отличительный, особенный отпечатокъ. Выразительность и пріятность языка, новость и полнота прилагательныхъ и производныхъ именъ, неподражаемое благозвучіе стиховъ, легкость и непринужденность риѳмъ, все являетъ въ немъ Поэта съ здравымъ вкусомъ и утонченными чувствами И при всемъ томъ, нигдѣ не видно у него изысканности, или затрудненія; все смѣется и чаруетъ нежданою прелестію, изумляетъ возвышенною простотою; все благородно, прекрасно и совершенно до малѣйшей даже черты! . . .

Б * * *

ВЪ АЛЬБОМЪ ТОВАРИЩУ.

Перестань, товарищъ юности,
Сокрушаться тоской, горестью;
Жизнь земная есть не вѣчная,
Протечетъ она быстрѣй рѣки.
Какъ свѣтило ночи темныя,
Свѣтъ теряетъ за туманами,
При восходѣ красна солнышка:
Такъ промчится время младости,
Наслажденье и восторгъ любви! —
Все земное наше счастіе,
Заметется вихремъ вѣчности,
Какъ песокъ въ степяхъ Аравіи;
Пролетитъ и горесть лютая,
Какъ стрѣла Черкеса хищнаго! . . .
Ты знакомъ былъ въ жизни съ радостью
И судьба тебя лелѣяла;
Не гнѣви жъ ее ты ропотомъ,
Не круши себя печалію!

И. П.

Къ Н* Н* З*

Я знаю, сладко жить былымъ — воспоминаньемъ;
Но милый другъ, зачѣмъ не вѣрить и мечтамъ?
Когда мы въ юности, простимся съ упованьемъ;
То что жъ опъ счастія, впредь уцѣлѣетъ намъ?
Оно при насъ всегда — но знай, что нужно прежде:
Съ душею чистою и *Вѣрѣ* вѣрнымъ быть,
Колѣно преклонить, отрадной намъ *Надеждѣ*;
А сердцемъ пламеннымъ, *Любви* не измѣнить!

А. Б.

РОМАНСЪ.

Увы — пройдетъ оно, то время золотое,
Когда, прекрасный другъ, смотрѣлъ я на тебя;
Плѣнялся взорами, небесной добротою
И съ грустію мечталъ: за чѣмъ ты не моя?

И для кого, Богъ далъ тебѣ прелестны очи;
Зачѣмъ не каждый мигъ ихъ созерцаю я?
Зачѣмъ ихъ красота, милѣе тихой ночи —
Зачѣмъ онѣ блестятъ, какъ Майская заря? —

Разставшися съ тобой, сей жизни наслажденье
На вѣки улетитъ, какъ призракъ тьмы ночной;
Пройдетъ оно быстрѣй, чѣмъ прелесть сновидѣнья
И снова буду я — преслѣдуемъ тоской! . . .

О милый другъ! судьбой мнѣ не дана отрада;
Но горести въ удѣлъ достались лишь однѣ —
И за любовь къ тебѣ — небесная награда,
Не усладитъ во вѣкъ, печальны дни мои! . . .

*В. С * * **

ОПАСНОСТИ ШЕСТНАДЦАТИ-ЛѢТНЯГО ВОЗРАСТА.

Повѣсть.

Посвящаю другу и брату моему И. М. Пасынкову.

I.

А все Кузнецкій мостъ, и вѣчные Французы!
Откуда Моды къ намъ, и Авторы, и Музы;
Губители кармановъ и сердецъ!
Когда избавитъ насъ Творецъ
Отъ шляпокъ ихъ, чепцовъ, и шпилекъ, и булавокъ,
И книжныхъ, и бисквитныхъ лавокъ?

Ком. Горе отъ ума.

Багряная полоса, протянутая по горизонту западнаго неба, означала конецъ морознаго зимняго дня; а два, по обѣимъ сторонамъ почти скрывшагося

солнца, радужныхъ столба, предвѣщали на завтра такой же; алмазныя искорки, примѣтно потухали и только изрѣдка блестѣли на тесовыхъ кровляхъ флигелей и двухъ-этажнаго господскаго дома; первая звѣзда, взошла уже довольно высоко и мирный селянинъ готовился послѣ дневныхъ трудовъ и стужи, погрѣться въ теплѣ; а молодыя дѣвушки, спѣшили съ рукодѣльемъ, на посидѣлки другъ къ другу — словомъ: въ деревнѣ, начинался долгій зимній вечеръ, который вамъ, Гг. читатели, и безъ описанія извѣстенъ?

Не всѣ же вы, привыкли видѣть истертый, желтый снѣгъ въ столицахъ?— Думаю; иному изъ васъ удалось, промѣнявъ щегольскія съ медвѣжей полстью саночки, прокатиться на одной лошадкѣ въ простыхъ обшивняхъ, по бѣлоснѣжнымъ деревенскимъ равнинамъ и, по

этому -- воображеніе ваше безъ труда, дополнитъ скудную мою картину? . . .

Въ такой-то вечеръ, пользуясь свѣтлыми сумерками, изъ бережливости — безъ свѣчи, сидѣлъ Бригадиръ N., одинъ въ своемъ кабинетѣ; небрежно раскинувшись на Волтеровскихъ креслахъ и въ глубокой задумчивости, изрѣдка пуская дымокъ, изъ огромной, серебромъ оправленной, пѣнковой трубки.

Я разсказываю теперь недавнюю быль, слѣдственно благосклонные читатели мои поймутъ, что новый знакомецъ ихъ, судя по старинному титулу — человѣкъ не нашего вѣка; а я прибавлю, что онъ даже Маѳусаилъ нашихъ временъ, прожившій до половины другаго своего полустолѣтія; но не пользующійся подобно древнему, ни душевною, ни тѣлесною крѣпостію — по обстоятельствамъ! Эти-то обстоя-

тельства, омрачили отъ природы добрый и веселый его характеръ и провели много лишнихъ морщинъ на челѣ, осѣненномъ парикомъ! Женившись въ 50 слишкомъ лѣтъ отъ роду, на небогатой, но — *воспитанной* дѣвушкѣ, онъ одряхлѣлъ съ нею раньше надлежащаго, въ шумной столичной жизни; отъ ревности и Аргусовой безсонницы, сдѣлалась у него мигрень; а отъ шарканья, церемоніальныхъ визитовъ и званыхъ обѣдовъ, пожаловала подагра! — Къ довершенію же бѣдъ и напастей — вѣтреная дочка, копія маменьки, — своимъ полу-Русскимъ воспитаніемъ, своими заморскими костюмами, которымъ названій на православномъ Русскомъ языкѣ, еще не выдумала наша Академія; — ввела его, а болѣе кошелекъ, каждогодно до верху наполняемый пятью стами тружениками, въ неизлѣчимую почти

чахотку и онъ, не смотря на жалобы обожаемой супруги, на слезы милой дочери, которая изнывала отъ горести, получая отъ кузинъ, описанія блестящихъ Московскихъ баловъ, новыхъ модъ, театральныхъ піэсъ: рѣшился наконецъ, провести всю зиму въ своей Подмосковной, чтобъ тамъ на досугѣ поразсудить какъ слѣдуетъ, о будущемъ, въ тиши уютнаго Кабинета, гдѣ мы и видимъ его теперь.

На одной сторонѣ онаго, стройными рядами, висѣли ржавыя оружія храбрыхъ праотцевъ и между ними, шпаги достойнаго потомка ихъ съ массивнымъ золотымъ темлякомъ; на другой, преузорной родовой гербъ, увѣнчанный олеными рогами, вѣроятно включенными какимъ либо несчастнымъ супругомъ сей фамиліи; далѣе грамоты и патенты отъ Прапорщичьяго чина до Бригадир-

скаго, въ хронологическомъ порядкѣ, а надъ ними вмѣсто короны изображаемой на арматурахъ, худая трехъугольная шляпа, по словамъ владѣтеля ея, простѣленная при взятіи Очакова! Въ углу, стоялъ письменный столъ, прикрытый бывалымъ нѣкогда краснымъ сукномъ; на немъ въ безпорядкѣ находились: пуки перьевъ, почернѣлая бронзовая чернильница, нѣсколько томовъ поваренпаго Словаря, Брюсовъ календарь и раскрытыя приходо-расходныя книги, съ лежащими на нихъ очками; изъ чего и можно было догадываться, что Г. Бригадиръ, чаще справлялся о прошедшемъ урожаѣ, нежели о будущемъ у колдуна Якова Брюса; и хоть въ комнатѣ не совсѣмъ было свѣтло, но онъ хорошо видѣлъ, что въ расходѣ итоги и транспорты далеко превышали приходъ; видѣлъ — и поглаживая

янтарнымъ мундштукомъ свои сѣдые бакенбарды, старикъ морщился и вздыхалъ изъ глубины душевной.

Стукъ отворяющейся двери, засталъ его на половинѣ самаго тяжелаго вздоха и привлекъ все вниманіе. — Средняго роста фигура, съ зачесанными назадъ волосами, взошла въ комнату и чинно остановилась подлѣ двери . . . Не подумайте, что я хочу вывесть на сцену одно изъ привидѣній Г-жи Радклифъ! Страшилищи охотники гулять въ полночь, а теперь еще только смерклось и вмѣсто окровавленной мантіи, преопоясанной адскою змѣею, вы видите суконный сюртукъ, съ свѣтлыми въ пятахъ пуговицами, запыленный мукою и для тепла подпоясанный кушакомъ, на коемъ висѣло съ дюжину огромныхъ ключей. Просто — это былъ управитель и старинный Бригадирскій дво-

рецкій, смѣнившій въ плохихъ обстоятельствахъ Г. Акермана, искуснаго заграничнаго эконома.

«Что Сысоичъ — а ты ужъ и изъ Москвы?» — надѣвая очки и принимаясь за счеты, сказалъ Бригадиръ. — «На сколько же продалъ?» — и указательный перстъ его по давнишней привычкѣ, какъ магнитная стрѣлка всегда указывающая сѣверъ, остановился на тысячныхъ косточкахъ. — Ставъ въ позицію, вѣроятно не причисленную ни къ какимъ танцовальнымъ па, и положивъ руку за лацканъ, новопожалованный управитель, безъ запинки началъ высказывать проданныя четверти и гарнцы, полученные рубли и копѣйки, и стукъ счетовъ вторилъ словамъ его. Окончивъ сотню, или тысячу, обрадованный помѣщикъ выражалъ удовольствіе свое прищелкивая по крѣпче

десятую косточку и пришептывая: «вотъ это женѣ, — это Юлинькѣ на дюжину бальныхъ платьевъ, — столько Доктору, а это на прожитокъ въ Л — кѣ, куда непремѣнно затащитъ меня проклятая подагра!» — и каждый такой звукъ, рублемъ, или даже цѣлымъ десяткомъ оныхъ, отзывался въ корыстолюбивомъ карманѣ управителя! Оба они очень исправно дѣлали свои выкладки, и Сысоичъ, напередъ уже смѣкнувшій, сколько у него должно остаться отъ барскихъ расчетовъ, на цыпочкахъ приближась къ столу, положилъ на него связки двѣ, три Ассигнацій; съ самою простодушною миною почесалъ голову, не спуская глазъ съ пестрыхъ пучковъ, поклонился и дверь опять скрыпнула за нимъ; но разбогатѣвшій вдругъ помѣщикъ, не вздохнулъ и не взглянулъ на нее, какъ прежде.

Оставимъ нашего чадолюбиваго папеньку и нѣжнаго супруга одного. Пусть онъ занимается своими проэктами и раскладываетъ красненькія и бѣленькія по пустымъ шкатулкамъ: да вы, думаю, и сами испытали, какъ бываетъ досадно, когда другой кто нибудь, влюбленными глазами смотритъ на наши деньги, ежели онѣ паче-чаянія у насъ заведутся. И такъ, Господа, пожалуйте за мною — я поведу васъ далѣе ....

II.

Твои плѣнительныя очи
Яснѣе дня, чернѣе ночи;
Чей голосъ выразитъ сильнѣй
Порывы пламенныхъ желаній?
Чей страстный поцѣлуй живѣй
Твоихъ пронзительныхъ лобзаній?
Какъ сердце полное тобой,
Забьется для красы чужой?

Бахчис. фонтанъ.

Не въ первый разъ вамъ влетать зефиромъ въ пышную гостиную! молодые мои читатели — не въ первый разъ, легкой ногѣ вашей, воспитанной, взлелѣянной въ мазуркѣ, скользить по зеркальному паркету! — Вы смѣло, ловко входите за мной и вѣрно про себя, шопотомъ — не щадите меня

за неповоротливость. Все кругомъ окинули бѣглымъ взглядомъ и увѣряю васъ — своимъ костюмомъ, своей любезностью и Парижскимъ комплиментомъ, заинтересовали всѣхъ въ свою пользу, и приготовили новые мирты для будущихъ побѣдъ! — Но все ли вы видѣли, все ли поняли? . . . Вижу, что безъ меня вамъ трудно обойтиться; вы смягчаетесь, посматриваете на кого-то и послѣ на меня, какъ на стараго ея знакомца и хотите изъясненія? Извольте — не съ той ли начать мнѣ, на которую съ перваго взгляда обращено все ваше вниманіе; которой вы не могли выговорить выученнаго привѣтствія не заикнувшись и которой кланяясь, вы спотыкнулись — не много не ловко? Извиняю васъ, друзья мои — это не отъ незнанья свѣтской жизни; но вы поражены, изумлены моей краса-

вицей, и я въ старые годы, еще хуже васъ — просто молчалъ какъ Несмѣяна-Царевна и благоговѣлъ предъ моею богинею! Но что вамъ нужды до меня теперь! — Вы видите Юлію, шестнадцатилѣтнюю милую Юлію, единственную наслѣдницу пятисотъ душъ и всѣхъ сокровищъ давишняго Кабинета. Взгляните — но вы ужъ смотрите, какой огонь блеститъ въ большихъ, черныхъ глазахъ ея! Не льется ль онъ вамъ прямо въ сердце, не жжетъ ли его? — берегитесь! — Какой очаровательный привѣтъ, вь этихъ величественныхъ взорахъ изъ за длинныхъ, густыхъ рѣсницъ! — Вы млѣете? — Какой нѣжный цвѣтъ лица, полузакрытой сквозною косыночкой, шейки — груди! — Гдѣ растутъ такія розы и лилеи? . . . . А талія — а темные, віющіеся локоны! — Не сама ли это,

богиня Любви? . . . . Но друзья мои, друзья мои, а ножки-то! — Что пророчествуютъ онѣ вамъ? Какія восхитительныя прелести, предвѣщаютъ онѣ вашему мечтательному взору? Увидавъ ихъ хоть разъ, не почтетель за счастье ту минуту; забудете ли ихъ въ отдаленіи — за тридевять земель? — Нѣтъ не повѣрю вашему равнодушію, и теперь будто раздается въ ушахъ моихъ, какъ вы вспомнивъ о нихъ, въ припадкѣ изступленія, восклицаете вмѣстѣ съ Пушкинымъ: *Ахъ ножки, ножки, гдѣ вы нынѣ?* . . .

Но, довольно — прекрасную какъ ни хвали, все мало! Льзяли говорить о томъ, что можно только чувствовать? Представляйте сами, рисуйте кистью смѣлой фантазіи обворожительный идеалъ и — восхищайтесь! — Намекну вамъ о душевныхъ ея способностяхъ;

объ нихъ разсказываешь какъ-то равнодушнѣе. Послушайте же. Съ 14 лѣтъ, Юлія начала уже играть свою ролю. Примѣры большаго свѣта и опытной матери, (въ которую, скажу мимоходомъ, избавляя себя труда говорить особо, нельзя было поспорить, чтобъ не влюбиться), заставили эту розу, въ ранней веснѣ, развернуть свои прелести; надѣлили ее колючими шипами — спасительнымъ средствомъ отъ дерзкихъ похитителей всего прекраснаго, невозвратимаго; научили чувствовать не по влеченію сердца, но по общепринятому тону: смѣяться тогда, когда нѣжныя души содрагаются и плакать, когда добрыя дѣти природы, смѣются отъ всего сердца; словомъ сказать, сдѣлали изъ нее дѣвушку нынѣшняго свѣта, строго подчиненную всѣмъ приличіямъ, всѣмъ причудамъ непостоян-

ной Моды и такъ называемаго — *лучшаго тона!*

Вотъ какою была Юлія въ 16 лѣтъ, и какъ подумаешь, приступить къ такой крѣпости, чтобъ покорить ее законамъ любви; не останутся ли тщетными всѣ покушенія? — Напротивъ, давно доказано, что природа сильнѣе искуства, и какой дѣвушкѣ, скромной ли, воспитанной какъ должно, или *перевоспитанной* — не пріятно пріобрѣсть милаго покровителя, добровольно, по неволѣ, или даже нечаянно; если скромность, самолюбіе, или даже перевоспитаніе ея, черезъ чуръ уже велико? — Я называю мужчинъ — покровителями. Хоть мы и становимся въ танцахъ съ лѣвой руки; величаемъ женщинъ владычицами своими; присягаемъ имъ въ вѣрности и прочая и прочая: но что ни говори, все ихъ величіе — мишурное,

рано ли, поздно ли — теряетъ свой блескъ. Это аксіома, и настоящій вѣнецъ творенія есть мужчина; а женщина — лучшій, драгоцѣннѣйшій бриліантъ его! . . . Все бываетъ до времени на свѣтѣ — и Юлія, не искала себѣ покровителя, слѣдуя совѣту матери, которая увѣряла ее, что еще думать о томъ, ей рано: однако жъ, чтобъ не впасть въ затрудненіе, когда придется выбирать, что по законамъ Природы, какъ я уже говорилъ, совершенно необходимо; она любила видѣть и даже пріучать къ себѣ, толпы обожателей, льстецовъ и тѣхъ Селадоновъ, которые разнѣживаясь, превращаются въ томный вздохъ, или въ слезный ручеекъ; чему въ древности, мы видимъ множество трогательныхъ примѣровъ и утверждаютъ, что во время превращенія, они бываютъ слиш-

комъ смирны и покорны; слѣдовательно Юлія могла и такъ распоряжалась деспотически, такими мягкими, восковыми сердечками.

Строгіе Моралисты, конечно не преминутъ разсердиться на милую мою вѣтреницу. Но разсудите сами: для какой же цѣли, въ наше просвѣщенное время, женщины — сіи неземныя существа, образуютъ свои дарованія, даютъ восхитительную прелесть своимъ словамъ, движеніямъ, взорамъ? Взорамъ — ахъ друзья, кто изъ васъ неиспыталъ плѣнительной силы этого, особеннаго рода ихъ волшебства; тотъ не жилъ — не наслаждался! — Не уже ли всѣ сокровища ихъ, полученныя чрезъ воспитаніе, которое въ наше время еще и не дешево обходится, должны храниться подъ завѣсою тайны, для одного какого нибудь хладнокровнаго

счастливца, который, кто знаетъ — еще и не оцѣнитъ ихъ? Кто зажигая свѣчу, прячетъ ее въ скрытое мѣсто, чтобъ никто не пользовался свѣтомъ? Не уже ли эти нелюдимы, захотятъ предоставить одну только наружную, природную красоту женщинамъ, не увеличивъ ее прелестію нынѣшняго воспитанія? Какая польза въ красивой куклѣ — безъ души, безъ сердца? . . . Я ручаюсь, что съ такими злобными предразсудками, они сами вовѣки вѣковъ останутся безъ подруги и наша участь — будетъ прегорькая, если послушаемся ихъ: хоть правда, тогда померкнетъ гибельная для старыхъ, и нечего грѣха таить, для многихъ мужей, слава Кузнецкаго моста и Французскихъ магазиновъ; но — одно ли еще это зло въ нашемъ мірѣ? . . . Чтобъ убѣдить сихъ несговорчивыхъ людей, попробуемъ

согласиться съ ними на минуту. Положимъ, женщины могутъ быть образованы, о чемъ они не много спорятъ; но не должны имѣть желанія нравиться, названнаго ими какимъ-то варварскимъ именемъ: такъ развѣ, для ихъ прихотей, надобно перемѣнять весь порядокъ природы и какая же женщина, найдетъ себѣ кого по̀ сердцу, если будетъ Весталкою? Кто отнялъ у нихъ право, искать счастія въ мужчинахъ; не общее ли это, какъ ихъ, такъ и наше врожденное стремленіе къ одной цѣли? . . . . Прямо сказать: они закупорившись въ своемъ ученомъ чердакѣ, не знаютъ, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ и омраченные всегдашними сумерками толкуютъ — на *авось*; не вѣдаютъ, бѣдные, что тамъ растутъ цвѣты, назначенные Натурою, также и для ихъ наслажденія! — «Въ немъ

есть злоупотребленіе» — скажутъ они: «мы послѣдователи истины, далеки отъ всего вреднаго и не подражаемъ дерзкимъ хищникамъ, не довольнымъ однимъ ароматомъ цвѣтовъ; которые, срываютъ ихъ цѣлыми букетами и — измявъ бросаютъ!» — А ваши толстые томы наставленій — Господа Философы! на что же они, какъ не для избавленія отъ лукаваго? Вы и того не знаете, что мадамы преподаютъ по вашимъ книгамъ, нашимъ дѣвицамъ, нравственность, или что-либо подобное въ этомъ родѣ, одинъ часъ въ недѣлю? — Что, скажете, мало? — Нѣтъ, нѣтъ, ихъ можно напугать вашею непомѣрною строгостію; а онѣ, у насъ такія робкія! . . .

Но я отдалился отъ настоящаго предмета; — извините, усердіе къ милой моей Героинѣ, завело меня въ сто-

рону. Въ надеждѣ, что вы не ненавистники женщинъ, прерываю мой диспутъ, который могъ бы завести меня еще дальше и постараюсь, выбраться на прежній путь — начну скорѣе свой разсказъ . . .

Мы кажется, остановились на томъ, что Юлія, какъ планета всегда послѣдуема была спутниками и ими — вертѣла, какъ хотѣла? — Въ похвалу ей, открою вамъ Гг. читатели, что сердце у нее было чисто, какъ бѣлый голубокъ и стрѣлы Амуровы, пролетая мимо, лишь только скользили по немъ. — А почему? Въ 16 лѣтъ, дѣвушка, при всей теоріи и практикѣ въ *наукѣ нравиться*, рѣдко выступаетъ изъ періода невинности и Юлія желала нравиться отъ того, что это, непонятнымъ ей самой образомъ, льстило ея самолюбію; а болѣе изъ подражанія другимъ: при-

мѣры бываютъ полезны или вредны, но всегда дѣйствительны. Лишь изрѣдка, вспыхивало въ ней чувство невѣдомое, непонятное юному сердцу и, скоро исчезало. Воображеніе рисовало неясный какой-то, но милый идеалъ и изъ окружающихъ ее мужчинъ, она не находила ему подобія. Можетъ быть, все это было предчувствіемъ рѣшительной минуты! . . .

О умѣ Юліи, о ловкости, талантахъ ея, не стану распространяться; вы думаю, сами уже замѣтили блистательныя въ ней совершенства? — Довольно, когда скажу вамъ, что всѣ Московскія красавицы умирали отъ зависти къ ней; а молодые люди отъ чего-то другаго! Жаль, что она при всей своей обширной теоріи, не имѣла достаточной опытности; что она слишкомъ была невинна! . . .

И такъ, вы познакомились съ моею Юліею, а если мало, то постараюсь угодить вамъ въ другой разъ. — Теперь не хотите ли узнать прочихъ особъ? Начну уже по старшинству..... Эта пожилая дама, ошибся — дѣвушка; престарѣлыя не всегда бываютъ замужними — сидящая за круглымъ столомъ средь гостиной, съ чулкомъ въ рукахъ, съ очками на носу, и предъ которою горятъ двѣ свѣчи, такъ близко, что чуть не подожгутъ ея чепчика, — рекомендую: сестрица Господина Бригадира и тетушка Юліи; сѣдая дѣвственница и слѣдовательно непримиримый врагъ всѣхъ молодыхъ дѣвицъ, не исключая кровныхъ, даже и родной племянницы, которую бы она совсѣмъ зажурила и заперла бъ въ монастырь, если бъ та привыкла болѣе ее слушаться. Можетъ быть, вы захотите

узнать, почему такъ бываетъ съ невинными старухами? Въ отвѣтъ скажу вамъ Русскую пословицу: собака лежа на сѣнѣ, сама не ѣстъ и другимъ не даетъ. Она, то есть тетушка, по цѣлымъ днямъ перебирая свои четки, за которыя принялась также по необходимости, ворчала противъ нынѣшнихъ обычаевъ, воспитанія, противъ, по мнѣнію ея, уродливыхъ модъ и прически волосъ и, когда бъ ей дать волю, она всѣхъ бы напудрила и нарядила въ фижмы! — Съ лѣвой стороны, подлѣ нее, Г-жа N. маменька Юліи, вязала филе; а съ правой, наша Героиня, читала въ слухъ новый какой-то романъ и читала — по Французски! — Восхищаясь отличными фразами, она часто такъ неосторожно декламировала руками, что чуть было не сронила очковъ съ носа почтенной тетки, ко-

торая изъ подъ занавѣсовъ своего ватошнаго чепчика, долго бросала на нее ужасные взгляды; наконецъ потерявъ терпѣніе понюхала табаку и какъ бы воспламенясь отъ него, начала:

«Долго, милая моя — я терпѣла твои проказы! Не льзя ли быть по учтивѣе? Ты словно, прости Господи, какъ..... какъ бишь по вашему-то — ну просто, толкаешься, кружась съ вѣтрогономъ! — Видишь — я чрезъ тебя спустила петлю?»

— «И chère tante, что за петли! Узнайте сперва, что тутъ написано: — вы извините мой энтузіазмъ и оставите — спускаться всѣмъ петлямъ на свѣтѣ!» — сказала съ живостію Юлія.

Отвѣтъ сей, какъ громомъ поразилъ вспыльчивую тетушку. Мигомъ, очки на столъ — клубокъ покатился по полу; она растеряла спицы — выпрями-

лась какъ солдатъ и уставя пылающіе глаза, продолжала:

«Какъ, сударыня! чтобъ я бросивъ работу, начала заниматься, прости Господи, какими нибудь еретическими книгами? Чтобъ я оставила свой православный Славянскій языкъ и заболтала бы по иноплеменному? — Не изволите ль вы, приказать мнѣ, величать васъ, вмѣсто Юліи, какимъ нибудь не Христіанскимъ именемъ? Царица небесная! вотъ нынѣ до чего дошло просвѣщеніе, что ужъ старую шестидесятилѣтную тетку, называютъ одинаково съ моею косматою, Шарманкою, которую, какъ не чистую тварь, по закону Моисееву и въ церковъ пускать не велѣно!»

— «Но, милая тетинька — вы не знаете по Французски; а иначе не нашли бы ничего дурнаго въ словѣ: char-

mante:» — прервала съ неудовольствіемъ Юлія, которую разговоръ этотъ начиналъ безпокоить.

«Какъ ничего дурнаго? — Да есть ли что хорошее во всѣхъ вашихъ милыхъ Французахъ? Не они ли рядятъ васъ въ Крещенскіе морозы по весеннему? Не они ли, злодѣи, не вѣрные вывели изъ моды старинную нашу одежду: пышный робронъ и фуро, которыя по ихъ милости, я принуждена была продать за безцѣнокъ? — Воздай имъ Господи, за всѣ ихъ злодѣянія! — О себѣ я ужъ не толкую — мнѣ не долго осталось смотрѣть на суету мірскую: но какъ ты не сердишь меня, Юлія, а право мнѣ жаль тебя. — Что будетъ съ тобою впередъ, когда уже въ 16 лѣтъ, ты такъ рѣчиста и по Французскому соловьюшкомъ распѣваешь? А какъ въ наши го-

ды — красная дѣвица въ твою пору и слыхомъ не слыхала, что такое за вещь — книга; ты же безпрестанно читаешь, да пишешь, да лепечешь пустяки! — Ну, что тутъ дѣльнаго? Я чай ни весь, о чемъ не написано — по неволѣ согрѣшишь! — Эй племянница — быть бѣдѣ, вспокаешься — да поздно! . . .»

Напророчь себѣ, злая вѣщунья, подумала Юлія и закраснѣвшись спросила въ полголоса: «какой же, тетинька?»

— «Такой, что — ну какъ бы мнѣ это выразить по вашему? Вы нынѣ и по Русски-то говорите не Русскимъ языкомъ: — согрѣшили мы грѣшные, обусурманилась матушка, святая Русь! Да вотъ какая бѣда: читай ты напримѣръ — Прологъ, Четь-Минею, вмѣсто твоего несчастнаго Никанора, или Маркиза Глаголь; ей ей — избавишься

всякаго бѣсовскаго мечтанія! А то какъ наберешь въ голову всякаго вздору, да еще глядя на ночь — и пойдутъ бродить не свѣжія мысли. То подушки разгорятся, то постель сомнется; то вдругъ сдѣлается страшно одной. Размечешься, разкинешься и спишь не смирно: а отъ этого можно во-первыхъ, простудиться и во-вторыхъ — на душѣ будетъ грѣхъ, когда приснится какой нибудь вертопрахъ, съ которымъ цѣлый день безъ умолку проболтала; съ свѣтлыми кружечками на плечахъ — какъ бишь ихъ называютъ? — Потомъ посмотришь — и сонъ въ руку — а тамъ . . . .»

Громкій смѣхъ, раздавшійся въ одномъ углу комнаты, не далъ докончить красноречивой теткѣ; и къ сожалѣнію до насъ не дойдутъ ужь ея золотыя правила! — Юлія краснѣла, блѣднѣла по-

перемѣнно, слушая такое поученіе и закрывъ лице руками — молчала. Mademoiselle Jeannette, компаніонка Юліи, бросивъ ноты, которыя во все это время разыгрывала на фортепіано, убѣжала изъ гостиной, чтобъ въ волю похохотать на единѣ; или боясь, чтобъ злость нравоучительницы не обратилась на нее, какъ прежде не рѣдко случалось . . . . Но вамъ, читатели, надобно сказать что нибудь и о Жаннетѣ? — Она живая, прехорошенькая Француженка — родомъ изъ самаго Парижа, послѣдовательница славной Нинны Ланкло; воспитанная и образованная по новѣйшей методѣ въ чертогахъ Пале-Ролля, въ притворѣ храма богини Пафосской и ко всему этому, по несчастію — повѣренная чистосердечной нашей Юліи: но мы объ ней послѣ услышимъ и Парижанки же на

Руси не въ диковину! — Теперь Господа, что намъ за охота, слушать бормотанье капризной тетки, которая зла какъ оса, если ее раздразнятъ? Пожелаемъ милой нашей Юліи добраго вечера и потомъ покойной ночи; не такой разумѣется, какую предвѣщала ей злая старуха; пусть Ангелъ тишины, паритъ надъ невинною . . .

Благослови, всесильный Боже,
Ея полунощный покой!
Алтарь невинности святой
Есть непорочной дѣвы ложе.

III.

Ты освѣжительной дремотой —
Ужъ не сомкнешь своихъ очей;
Слетятъ на ложе сновидѣнья,
Тебѣ безвѣстныя досель,
Иль долго жаркая постель
Тебѣ не дастъ успокоенья.

Эда. Часть I.

Чтобы такое вамъ разсказать, друзья мои? — Времени еще много, зимніе вечера долги. — Понимаю, вы хотите знать болѣе объ Юліи и сердитесь, что я такъ долго вожу васъ по кабинетамъ, по гостинымъ и заставляю слушать, разсказы управителей, да старыхъ тетушекъ и безъ того вѣрно вамъ наскучившихъ; вы конечно, нетерпѣливо желаете увидѣть и Героя моей повѣсти, по выраженію тет-

ки — съ кружечками на плечахъ; умнаго, ловкаго, словомъ такого какъ сами вы — плѣнителя сердецъ! Ахъ, молодые люди, погодите — будьте основательнѣе! Вы все судите по себѣ: какъ вы привыкли съ быстротою начинать и оканчивать ваши сердечныя исторійки, ваши семидневные романы! Мнѣ о концѣ говорить долго нечего — помните, что сказывалъ намъ славный Поэтъ, о красавицѣ почивавшей въ шелковомъ шатрѣ, съ золотою маковкой?

Двѣ минуты продолжается,
Ихъ глубокое молчаніе,
Въ третью чудо совершается! —

Совершится, да и полно; не о чемъ и поговорить... А мы покамѣстъ подождемъ, еще рано — займемся чѣмъ нибудь, да и пойдемъ туда, куда вы и въ тысячу лѣтъ не придумаете? — въ

спальню Юліи! . . . «Ахъ, что ты затѣялъ?» — воскликнете вы, остолбенѣвъ отъ удивленія. Знаю, вамъ это покажется дерзко, странно и неприлично. Вы приведете на память совѣты батюшки, матушки вашей; а спросите-ка по чистой совѣсти вашего батюшку, каковъ онъ былъ молодой? Если ему сто лѣтъ теперь, то ручаюсь, не откажется намъ сдѣлать компанію и надѣвъ очки, заглянуть хоть однимъ глазкомъ, въ райской уголокъ, куда я веду васъ! Да полноте притворяться и скромничать; вамъ не перво-учинка такіе походы: къ тому жъ вы идете со мною; а я — Историкъ Юліи и имѣю полное право подслушать, какъ она почиваетъ, не вздыхаетъ ли во снѣ, не говоритъ ли въ просонкахъ, — помолилась ли ложась въ постелю! . . . . Ну, теперь пора, маршъ! . . . .

Уже за полночь. Московскіе господа и въ деревнѣ, ложатся спать не ранѣе. Все покоится. — Горничныя дѣвушки кончили хлопоты о завтрашнемъ нарядѣ своей барышни; все разгладили, накрахмалили, уложили и спятъ сномъ непробуднымъ. Усталые лакеи, побранивъ въ волю неугомонныхъ господъ, мечтаютъ объ отпускной — въ объятіяхъ Морфея! — Вездѣ мертвое молчаніе . . . . даже слышно, какъ пролетитъ муха: тѣмъ болѣе намъ надобно увеличить осторожность, любезные спутники, чтобъ насъ не услышали.... Мы теперь въ корридорѣ — вотъ вправо лѣстница — не оступитесь — считайте двѣнадцать ступеней — онѣ приведутъ васъ прямо къ Эдему! . . . Русскія барышни, подражая старинѣ, почиваютъ все еще въ теремахъ; хоть и перемѣнилось ихъ названіе . . . . Нако-

нецъ мы пришли — я тихонько отворю дверь . . . . Смотрите — слушайте и — восхищайтесь! . . . .

Нѣжный пѣвецъ любви, пламенный Парни! вдохни въ меня, хоть одну искорку твоего восторга; оживи перо мое — оно ослабѣваетъ, готовясь начертать волшебную картину, превышающую мои силы и воображеніе! . . .

Запахъ розъ и лилій, запахъ восточныхъ ароматовъ, несется къ намъ на встрѣчу — это воздухъ райской атмосферы, которымъ дышетъ — прелестная . . . . Меланхолическая лампа, стоящая на столѣ, среди изображеній вкуса и роскоши, распространяя дремлющее мерцаніе въ уединенной комнатѣ, бросаетъ томный лучь свой на всѣ предметы и придаетъ имъ какой-то чудный, очаровательный видъ! — Не-

вольно чувствуешь усладительный трепетъ, — чувства млѣютъ, — душа разнѣживается, ждетъ зрѣлища не земнаго и — благоговѣетъ, какъ въ святилищѣ! Сердце рвется отъ восторга и плаваетъ въ блаженствѣ!.... Какъ здѣсь все прелестно — какъ все дышетъ нѣгою и наслажденіемъ, и счастливъ тотъ, друзья мои, счастливъ неограниченно, съ кѣмъ милая Юлія, раздѣлитъ уютный уголокъ свой!...

Но вотъ, она — очаровательница, подъ сѣнію бѣлаго занавѣса, покоится на мягкомъ ложѣ! — Освобожденная отъ тягостныхъ приличій свѣта — душный корсетъ не тѣснитъ ея лебединую грудь, которая полу-открытая — дышетъ на свободѣ! Есть ли что прелестнѣе въ поднебесной? —

Юлія не спитъ. Положивъ розовую

щечку, на нѣжную, полную ручку, она кажется, погружена въ мечтанье. Черные глаза ея, устремленные на дремлющій свѣтъ, блистаютъ и выражаютъ грусть сердечную, и темные локоны, віяся, струями падаютъ на бѣлую грудь, оттѣняя собою болѣе — несравненную бѣлизну! — Наконецъ, сладкая мечта пролетѣла въ воображеніи красавицы; она улыбнулась, какъ улыбаются Ангелы и послышался тихій голосъ ея, какъ пѣнье малиновки, послѣ унылыхъ зимнихъ дней: — «Я не сплю, милая Жанетта!» вздохнувъ сказала она компаніонкѣ, тутъ же въ комнатѣ спавшей. «Сонъ бѣжитъ отъ меня, съ тѣхъ поръ, какъ оно, (указывая на сердце) — стало биться сильнѣе; съ тѣхъ поръ, какъ оно узнало одиночество свое въ мірѣ! И, удивляйся, милая, смѣйся надъ моею странностію: я стремлюсь къ

чему-то неизвѣстному; вижу въ немъ единственное мое счастіе и оно-то всегда наполняетъ всѣ мои мысли, всѣ мечты мои!»

— «Вольно же вамъ, любезная мечтательница!» — отвѣчала Француженка — «залетать далеко въ міръ идеальный. Правду говоритъ тетушка, что вы читаете много. Вѣрно Геснеровы Идилліи васъ плѣнили? Но повѣрьте — Аркадія давно ужъ стала походить на вашу Саратовскую деревню; а пастушки нынѣ не такъ нѣжны и позабыли вовсе поэзію и музыку . . . Да и безъ всѣхъ этихъ сентиментальностей, кто жъ мѣшаетъ вамъ воскресить ваши надежды, оживотворить вашъ раззолоченный идеалъ; словомъ — перенести ваше небо на нашу землю?»

«Но какъ?» — приподнявшись съ жи-

востію спросила Юлія. — «Жанетта! заклинаю тебя нашею дружбою — прими участіе въ моей грусти!»

— «Извольте — я бы и безъ заклинанія все сдѣлала. Развѣ Москва бѣдна молодыми людьми, похожими на вашъ идеалъ? Будущей весною, вы найдете ихъ и въ Л . . . кѣ; выбирайте, сравнивайте съ вашимъ образцемъ и на похожихъ налагайте ваши цѣпи!»

«Ты не понимаешь меня, Жаннета! Я ищу одного — несравненнаго, которому бъ повѣрилась; — ищу друга, одинокому сердцу! Развѣ можно раздѣлить со многими искренную привязанность? . . .»

— «И очень можно. — Смѣшно бъ было привязаться на всегда къ одному — Однообразіе наскучитъ! . . . Взгляните на розу въ Майскіе ея дни: около нее

летаютъ тысячи мотыльковъ, высасывающихъ сладкій ея нектаръ; но роза остается розою по прежнему — и мотыльки довольны! . . . »

«Такъ, милая Жаннета — лишь въ Майскіе дни! А когда улетятъ зефиры и мотыльки съ цвѣтущихъ луговъ; когда сѣверный холодъ повѣетъ съ зимой: алые листочки поблѣднѣютъ, что станется съ бѣдною розой; — найдется ли тогда вѣрный мотылекъ? . . . Слѣдуя вѣтреному свѣту, я горжусь побѣдами; умножаю число плѣнниковъ моихъ; но, вѣрь — это одно пустое тщеславіе — сердце не беретъ въ немъ участія! — Если меня въ этомъ обвиняютъ — сознаюсь, справедливо: но при всемъ томъ, я постигаю высокую цѣну отрадной взаимности; я разгадала, хоть не ясно, блаженство чистой любви и, съ тѣхъ поръ, она одна —

меня плѣняетъ! Рано встрепенулось это грустное сердце. Послушай — я была двѣнадцати лѣтъ, какъ милый Арисъ, товарищъ моего дѣтства, подкрался ко мнѣ, когда однажды, я дремала въ саду — въ бесѣдкѣ. Долго, остановясь въ дверяхъ, смотрѣлъ онъ на меня — такъ нѣжно, такъ мило; потомъ осторожно приблизился, чтобъ не разбудить меня и я не знаю — для чего мнѣ вздумалось притвориться сонною! Это придало ему смѣлости: онъ началъ тихо любоваться моими локонами, цѣловалъ ихъ и вдругъ — рѣшился напечатлѣть живой, огненный поцѣлуй на губахъ моихъ! . . . . Ахъ, милая Жаннета! Ариса нѣтъ — онъ умеръ — онъ въ лучшемъ свѣтѣ: но поцѣлуй его существуетъ, разливая во мнѣ быстрый пламень, когда теперь вспоминаю о немъ . . . Но за чѣмъ же

ты смѣешься, Жаннета, надъ моею откровенностію? — Я довѣряю дружбѣ все, что думаю тайно и кажется, не нарушаю тѣмъ стыдливости — обязанности нашего пола? — Скажи, не то ль называютъ любовію, когда желаешь жить и умереть вмѣстѣ съ Арисомъ; — и гдѣ опять найду его? . . .

— «А, бѣдная моя малютка!» вскричала насмѣшливо Парижанка. — «Такъ ты ищешь другаго Ариса?» — «И прекрасно, прекрасно — милая! Вы невольно слѣдуете моимъ правиламъ; хоть и наговорили много стихотворнаго: но я все надѣюсь опровергнуть простою прозою. — До зимы вашей еще далеко и при первомъ пятнадцатиградусномъ морозѣ, мы съ вами примемся за Библію и четки, какъ почтенная ваша тетушка, собравъ до того времени богатое воспоминаніе, о кружившихся надъ

нами мотылькахъ! — Въ старости, кромѣ покойнаго уголка, ничего не нужно; а пріятныя мечты о прошедшемъ — дѣлаютъ оттепель и въ ледяномъ сердцѣ! . . . Держу пари, что послѣдуете моему совѣту: вы двѣнадцати лѣтъ, уже умѣли притворяться сонною. Не замѣчаете ли тутъ особеннаго руководства справедливой природы, которая по видимому, отдавъ все славное, возвышенное, смѣлое и самый правильный разсудокъ — мужчинамъ; какъ будто въ замѣну всего, надѣлила насъ невинной хитростію, на которой, какъ на твердомъ основаніи, мы часто воздвигаемъ наши трофеи; и уничтожая ею всю дальновидную предусмотрительность, изумляемъ бѣдныхъ простячковъ, при всей ихъ хваленой премудрости — нашею магическою властію . . . . Вѣрьте, въ природѣ нѣтъ

ничего безъ цѣли, ничего жестокаго, — въ ней все дышетъ и творится для наслажденія: вы болѣе бы не существовали, еслибъ она назначала васъ одному Арису; но этотъ романъ вашъ, былъ первый урокъ ея; она показала малюткѣ, что у нее есть сердце — вѣрнѣйшій путь къ жизненному блаженству! — И такъ, милая Юлія, наслаждайтесь, пожинайте съ каждымъ днемъ новые мирты, украшая ими цвѣтущее чело. Не жалѣйте для жадныхъ мотыльковъ вашего нектара; вы однѣ не можете имъ пользоваться: да и не то ли значитъ быть счастливымъ, когда другіе дѣлятъ съ нами наше счастіе? . . . »

Долго говорила еще зловредная наставница; сладки были рѣчи ея; но перо мое отказывается повторить ужасныя слова. Пусть для пользы неопыт-

ныхъ дѣвицъ, если онѣ удостоятъ, вниманіемъ своимъ повѣсть мою; обольстительныя правила останутся въ неизвѣстности. Довольно съ нихъ примѣра несчастной Юліи: — она со вниманіемъ ловила каждое слово, отравлявшее новымъ ядомъ, невинное ея сердце. Легковѣрную, воспламенилъ первый поцѣлуй и она повѣрила, что можно воскресить восторги минувшей любви; повѣрила, что можно собирать наслажденія, какъ цвѣты въ полѣ, не лишаясь собственныхъ!... Вотъ какъ можно легко обмануться удачными подобіями, краснорѣчивыми сравненіями! Да будетъ же проклятъ тотъ, кто первый выдумалъ софизмъ!... Друзья мои! не полезнѣе ли слушаться старыхъ тетушекъ; хотя онѣ разсердясь и спускаютъ петли? — Истина всегда имѣетъ суровую наружность; а ковар-

ство и порокъ, какъ змѣи скрываются подъ цвѣтами: юность охотнѣе шествуетъ по нимъ и Юлія, увы — избрала сей обманчивый путь! . . . Пожалѣйте, вздохните о ней. Ну, да если сбудется роковое предвѣщаніе тетушки: — Эй племяненка — быть бѣдѣ!...

IV.

Вы также, маминьки, построже,
За дочерьми смотрите вслѣдъ:
Держите прямо свой лорнетъ!
Не то . . . не то избави, Боже! —

Онѣгинъ. Глава I.

Новизна всегда очаровательна; ей приписываются не рѣдко чудеса, сверхъестественныя явленія: но все въ мірѣ можетъ приглядѣться и потому описывать ли вамъ, когда-то бывалыя чудно-цѣлебныя Л . . . кія минеральныя воды? Разсказывать ли, что лѣтомъ въ этомъ маленькомъ городкѣ, вы могли найти: умъ и глупость, богатство и нищету, красоту и безобразіе — Венеръ и Медузъ, съѣзжавшихся на показъ со всѣхъ четырехъ странъ про-

страннаго Царства Русскаго? Какъ не знать вамъ, что туда собирались старики и старухи, искать здоровья, потеряннаго, можетъ быть, отъ Л... ка же, въ ихъ бурной молодости; а папеньки и маменьки, поиграть въ бостонъ и вистъ и налагать оковы на простачковъ, наскучившихъ свободною, одинакою жизнію? — Тамъ находился ядъ и противуядіе. Для молодыхъ людей въ особенности, Л. былъ опасенъ; имъ на всякомъ шагу предстояли новыя сѣти и для кармана, и для сердца. Не говоря о дороговизнѣ квартиръ, деньги на другіе предметы, сыпались изъ ихъ кошельковъ, какъ изъ рога изобилія. — Въ восемь часовъ утра, — на примѣръ — отпускной Кавалеристъ, нафабривъ лихіе усы, оставя звонкія шпоры, надѣваетъ башмаки, чтобъ легче было преслѣдовать красавицъ, питающихся

утреннимъ воздухомъ, въ саду у минеральныхъ водъ. Онъ проходитъ мимо моднаго магазина; покупаетъ у Monsieur лорнетъ, брилліантовую булавку; желая блестѣть и глазами и брилліантами предъ своею Плѣнирою. Запасается орудіемъ, необходимымъ для тона и для возбужденія въ ней ревности — *лорнетируя* другихъ въ случаѣ маленькой размолвки и, за все это платитъ деньги! — Уставъ топтать песокъ въ аллеяхъ и показывая, что онъ не даромъ отпущенъ на четыре мѣсяца, пьетъ стаканъ минеральной воды, морщится — но платитъ Доктору деньги! — Потомъ, для услажденія горечи, непріятной его изнѣженному вкусу, идетъ къ Цукерини, котораго роскошная ресторація въ нѣсколькихъ шагахъ отъ цѣлебнаго кладезя; распиваетъ съ друзьями одну, другую бутылку Шампанскаго;

завтракаетъ, ему предлагаютъ билетъ въ лотерею, въ которой нечего выиграть; онъ беретъ два и съ важностію богача, поправивъ усъ — бросаетъ за все это деньги! — Стукъ билліарда обворожаетъ слухъ его, а зеленое сукно зрѣніе; въ немъ вдругъ раждается надежда понировать во весь остатокъ отпуска на чужой счетъ: но неловкій кій и измѣнникъ — пиковый тузъ, разрушаютъ воздушные замки и онъ медленно принимается за кошелекъ и вздыхая — платитъ послѣднія деньги! — Послѣ неудачи, обѣдаетъ уже въ долгъ; кой какъ достаетъ билетъ въ театръ и тамъ, или въ собраніи — въ вихрѣ вальса, теряетъ послѣднее родовое имущество — сердце: обольщенный фермуаромъ и браслетами, пышнымъ экипажемъ и ливреею съ гербами, своей красавицы, у которой смѣтливый па-

пенька, все это взялъ на прокатъ; или досталъ, заложивъ послѣднюю сотню душъ и который, самъ во свою очередь, ошибается въ расчетахъ, обманутый блескомъ бриліантовой булавки!... Но такіе случаи не рѣдкость; люди вездѣ обманываютъ другъ друга и кто кого перехитритъ, тотъ и кричитъ — ура: обратимся лучше къ нашему предмету.

Вы видѣли приготовленіе по хозяйственной части, нашего почтеннаго Бригадира. Старикъ, накопивъ съ помощію Сысоича нѣсколько тысячъ и выписавъ изъ Петербурга модную карету послѣдняго фасона, черезъ силу притащился весною въ Л. чтобъ поправить разстроенное здоровье; а Юлію, по примѣру прочихъ — приискать мѣстечко, или правильнѣе сказать — пристроить ее къ мѣстечку! — Господа

читатели! если бъ вы знали, какъ она была мила тогда; казалось, съ весною вмѣстѣ и она расцвѣла — новыми прелестями! Вездѣ и всѣ въ Л . . . кѣ, говорили объ одной Юліи: даже и больные старики жалѣли, что у нихъ зима на головѣ! . . . Тетушка хлопотала по прежнему; но племянница подъ руководствомъ Жаннеты, вовсе отбилась отъ рукъ и будто на зло ей, сіяла межь пріѣзжими красавицами, какъ полный мѣсяцъ, средь чуть видимыхъ звѣздочекъ. — Молодой Гвардеецъ — Миловъ, Адъютантъ Графа S, былъ тѣмъ же, въ кругу молодыхъ людей, которыми изобиловалъ тогда Л. Онъ своимъ блестящимъ аксельбантомъ, какъ цѣпями оковывалъ сердца дѣвицъ. Но гордый предметъ ихъ тайныхъ вздоховъ, а иногда, и слезъ; идеалъ Французскихъ стишковъ, которыми онѣ исписали свои

Альбомы;—блистательный Адонисъ сей, ни кѣмъ не побѣжденный: палъ наконецъ предъ могуществомъ Юліи, лишь только она обратила на него вниманіе и съ восторгомъ призналъ свою зависимость. Тріумфъ Юліи былъ совершенный — она привела въ отчаяніе своихъ соперницъ; да и нельзя имъ было и не горевать! Посмотрѣли бы вы ловкость Адъютанта, въ обращеніи съ прекрасными; какъ онъ отлично танцовалъ, какъ превосходно говорилъ по Французски, какія остроты: каламбуры, комплименты сыпались всегда у него. У Милова было тысяча душъ — это также много придавало ему вѣсу! Короче сказать — Юлія нашла то, чего желала и всѣмъ одолжена была зимнимъ урокамъ усердной Жаннеты, которые теперь на дѣлѣ, повторяла съ неподражаемымъ успѣхомъ.

Какъ все это сбылось, не могу подробно разсказать вамъ, Господа: я не большой знатокъ въ наукѣ любви, хоть и читывалъ кой-когда Назона; да въ ней столько различныхъ, одно на другое не похожихъ средствъ, къ достиженію главной цѣли, что всѣ онѣ, какъ многочисленная Китайская Азбука, не удобны для памяти и каждый, пользуется правиломъ своимъ, которое найдетъ лучшимъ. Миловъ квартировалъ въ одномъ домѣ съ Юліею; всякій день бывалъ съ нею вмѣстѣ; угождалъ, льстилъ, предугадывалъ даже малѣйшія ея желанія и наконецъ, они сдѣлались, такъ другъ для друга необходимы, какъ и для всѣхъ насъ — воздухъ! —

Не льзя однако жъ, чтобъ въ любви всегда были ясные дни. Кто любилъ изъ васъ, друзья мои; тотъ знаетъ небесную радость, когда милая пода-

ритъ его взоромъ, въ которомъ — видна вся душа! Ему также знакомы и адскія муки, если красавица не взглянетъ во все время бала; въ танцахъ не пожметъ ему руки, или не улыбнется слушая комплиментъ, дня за три еще приготовленный, изъ желанія угодить ей! . . . Такая размолвка случилась и между нашими влюбленными. Кто виноватъ былъ изъ нихъ, разобрать трудно: но за истину выдаютъ многіе умные люди, что женщины въ любви самовластны, когда найдутъ профана; а если замѣтятъ, что нѣжный ихъ пастушокъ, почувствовавъ тяжесть неволи, начинаетъ пробовать, какъ бы разорвать оковы; то по врожденной имъ робости, первыя говорятъ — пардонъ! Эти справедливыя, а можетъ быть, не ручаюсь — и ложныя о женщинахъ заключенія, какимъ-то обра-

зомъ дошли до Милова: но и безъ нихъ, ему не въ новость было, соображать съ практикою, теорію любви и онъ съ успѣхомъ, произвелъ неожиданный Юліею — маневръ.

На первомъ же балѣ, послѣ ихъ ссоры, хитрый Гвардеецъ не сказалъ Юліи ни слова, ни разу не танцовалъ съ нею; былъ такъ милъ, такъ ловокъ, что казался летающимъ въ мазуркѣ; старался угодить всѣмъ дамамъ, а ее какъ будто не замѣчалъ и наконецъ въ котильонѣ — довершилъ пораженіе...

Нечего распространяться, что это такой танецъ, отъ котораго всѣ набожныя тетушки и бабушки, ахнули бы; если бъ могли видѣть и слышать получше, и что дѣвушки, жаждутъ его, какъ увядающій цвѣтокъ — росы прохладной. Извѣстно также, что въ продолженіи двухъ часовъ, можно выска-

зать всѣ учтивости изъ сентиментальныхъ Словарей и даже непреклонную или непреклоннаго — обворожить, разнѣжить и сдѣлать, мягче воска!... Какъ же Юліи пропустить такой дорогой случай; въ которомъ однимъ умильнымъ взглядомъ, не только что словомъ, она возвратила бы назадъ своего плѣнника? — Мгновенія, кажутся ей часами.... Наконецъ оркестръ гремитъ — взгляды дамъ и кавалеровъ встрѣчаются; — каждый спѣшитъ къ своей, съ нетерпѣніемъ излить предъ ней свою душу — раскрыть сердце; иной уже заранѣе торжествуетъ побѣду и восторгъ написанъ на лицѣ! — Между ними и Миловъ — подходитъ прямо къ Юліи, чего она и ожидала: котильонъ похожъ нѣсколько на откупъ и танцуется по договору всегда съ одною дамою, что и называется — *ангажировать* на ко-

тильонъ, на столько-то баловъ. Юлія, какъ всякій догадается, была ангажирована Миловымъ и потому надѣялась на примиреніе; она чувствуетъ себя вдругъ веселѣе, встаетъ — хочетъ подать руку: но, обманщикъ относится къ сидѣвшей подлѣ нее дѣвушкѣ, которая смѣло могла вступить въ соперничество съ нею и котильонъ — начался . . . .

Кто опишетъ состояніе оскорбленной красавицы? — Долго, изумленная, униженная — сидѣла Юлія, какъ Принцесса, заколдованная на тысячу лѣтъ не шевелиться! — Въ груди ея кипѣли ревность, любовь, ненависть, мщеніе — и такія страсти, въ которыхъ она сама не могла дать себѣ отчета. То яркій румянецъ, то смертная блѣдность выступала у ней на лицѣ, при всякомъ движеніи танцующей пары

сердце ея разрывалось — хотѣло выскочить изъ груди! То казалось ей, что Миловъ пожалъ руку своей дамѣ; то слышала, что наклонившись, онъ прошепталъ ей признаніе, и обыкновенную отвѣтную улыбку дамъ, принимала за знакъ согласія. — Ей даже послышалось, — чего не сдѣлаетъ ревность — роковое: люблю васъ! — и силы вовсе ее оставили! . . . Желая скрыть отъ Милова слѣды душевнаго волненія, а передъ обществомъ не показаться странною, Юлія старалась ободрять себя; но напрасно — обморокъ былъ близокъ, въ жилахъ застывала кровь и поддерживаемая Жаннетою, она вышла въ садъ, въ который дверь была изъ танцовальной залы, чтобъ тамъ скрыть свое смущеніе и стыдъ уязвленнаго самолюбія.

Ночь была тихая. Свѣжій вѣтерокъ

развѣвалъ по воздуху ароматы травъ и цвѣтовъ. Полная луна свѣтила съ безоблачныхъ небесъ и меланхолическій свѣтъ ея, прелестно рисовалъ тѣни, чуть колеблющихся деревъ, на песчаныхъ дорожкахъ . . . . Юлія съ подругою, сѣли на дерновой софѣ, подъ наклономъ вѣтвей, которыя сплетаясь, составляли родъ зеленаго грота. Здѣсь-то она дала волю слезамъ; но это, были слезы одной грусти: кому неизвѣстно, что видъ природы, покоющейся въ роскошныхъ объятіяхъ ночи, разнѣживаетъ душу и подавляя бурныя страсти, вселяетъ лишь чувства высокія, нѣжныя, благородныя — и Юлія, забыла недавно прошедшее . . . . — «Я буду любить его — онъ тронется моимъ постоянствомъ — прощаю тебѣ, милый измѣнникъ! . . . .» думала она, при каждомъ отголоскѣ музыки, которую насмѣшли-

вый вѣтерокъ, будто съ намѣреніемъ доносилъ къ ней, напоминая ею, невѣрность любезнаго. — Она молчала, почти не внимая утѣшеніямъ Жаннеты и лишь изрѣдка, тяжелый вздохъ, облегчалъ стѣсненную грудь и вмѣстѣ съ нимъ, бриліантовая слезка падала на Турецкую шаль!.... Какъ прелестенъ образъ печальной красавицы! Друзья мои — и я нѣкогда, на единѣ съ милою Эльминою, въ тишинѣ лунной ночи, внималъ ея грусти! Она казалась мнѣ тогда самимъ Геніемъ печали, слетѣвшимъ съ неба раздѣлить со мною мое горе — и какъ усладительна эта задумчивость; какъ поражаютъ душу томныя очи прелестной, обращенныя къ лунѣ — подругѣ всѣхъ страдальцевъ; какъ очаровательна грустная улыбка сѣтующаго Ангела и какъ отрадно, прильнувъ устами къ трепетной гру-

ди — утѣшать огорченную! — ни одно, вѣрьте, недостойное чувство, не пылало тогда въ крови моей! . . . Но простите меня, за небольшое отступленіе; виноватъ ли я, что не могу забыть прошедшаго? . . .

Между тѣмъ, какъ я занялъ васъ своею исповѣдью — и котильонъ кончился. Миловъ замѣтилъ удаленіе Юліи; отъ него не скрылось малѣйшее ея движеніе во все время бала; хотя онъ, казалось и не смотрѣлъ на нее: но и мужчины иногда видятъ все что нужно, не всматриваясь пристально; говорятъ — они у женщинъ, переняли это искуство? ... — «Пора — подумалъ онъ — «преслѣдовать побѣжденную; а иначе она отретируется далеко, не настигнешь!» — и чрезъ минуту очутился подлѣ зеленаго грота . . . .

— «А, Юлія! — вскричалъ хитрецъ,

притворяясь изумленнымъ нечаянностію: «извините, что не ожидая найти васъ здѣсь; осмѣлился помѣшать вашему уединенію!» — И хотѣлъ идти, окончивъ извиненіе ироническою улыбкою и взглянувъ значительно на Жаннету. — Француженкѣ не нужно многихъ объясненій: — она исчезла какъ молнія и бѣлое ея платье, въ нѣсколько секундъ, мелькало уже далеко въ концѣ аллеи. Надобно полагать, что она приготовила Юлію къ этой сценѣ, предузнавъ ее по своей опытности; или даже была въ согласіи съ Адъютантомъ: но подумала ли о слѣдствіяхъ — эта коварная! . . . .

— «Ахъ, постойте — жестокой!» — вскричала торопливо встревоженная Юлія, не понимая сама, что говоритъ, на что рѣшается: — «выслушайте, я не виновата .... » и замеръ голосъ ея;

чувства обезсилили даръ слова. Обольститель садится подлѣ своей жертвы и бѣдняжка, въ восторгѣ отъ примиренія, съ невинностію младенца, склоняетъ голову на грудь безнравственнаго измѣнника, обращая къ нему глаза полные слезъ. — Она хотѣла упрекать его; но слова прерывались поцѣлуями, увлекавшими часъ отъ часу ближе, къ безднѣ гибели — невинную. Въ сладостномъ безсиліи, она падаетъ наконецъ въ его объятія и, слабый ропотъ — едва внятные звуки, были отвѣтомъ на просьбу коварной любви — умолкая все тише и тише.... Вѣтра не было — но отъ чего то пошатнулись деревья — послышался шорохъ .... — «Юлія! Юлія! гдѣ вы?» — раздалось вдругъ вблизи и, Ангелъ невинности, снова осѣнилъ спасительными крылами — жертву предательства . . .

Миловъ, съ яростію побѣжденнаго тигра, оставилъ свою добычу — разсерженный неожиданнымъ появленіемъ Жанетты. — «Нынѣ ночью» — сказалъ онъ отрывисто, въ полголоса — «въ вашей комнатѣ, вы должны выслушать меня непремѣнно — или . . . .» Это грозное — или, заставило вздохнуть несчастную и пожатіе руки, было ея отвѣтомъ. — Они всѣ трое явились въ залѣ и Юлія, во весь остатокъ вечера, летала какъ птичка, въ танцахъ съ Миловымъ, изумляя восхищенныхъ зрителей.

V.

Стучаться будетъ онъ теперь.
Зачѣмъ задвинула я дверь?
Я своенравна въ самомъ дѣлѣ.
Пущу его: вѣдь мигъ со мной
Пробудетъ здѣсь любезный мой ....

Эда. Часть III.

Приступая къ развязкѣ, мнѣ бы надлежало призвать въ помощь Музы печали: перо у многихъ подъ конецъ устаетъ. Читатели, вы это замѣчаете по моей повѣсти и такъ, чтобы скорѣе избавить отъ труда себя и васъ — начинаю безъ воззванія.

Съ бала пріѣхали ранѣе обыкновеннаго. Госпожа N., маменька Юліи, замѣтивъ блѣдность въ лицѣ дочери и са-

ма, для тона, вдругъ разнемогшись — рѣшилась уѣхать. Услужливый Миловъ, въ одно мгновеніе отыскалъ ихъ карету; не упустилъ случая, помогая Юліи садиться въ экипажъ, шепнуть: «буду — ждите» — и вотъ онѣ дома и покоятся — утомленныя . . . .

Но почиваетъ ли наша Юлія? или также, какъ мы однажды подкравшись видѣли, мечтаетъ о своемъ чудесномъ идеалѣ? — Нѣтъ, друзья мои, то время было райскимъ, въ сравненіи съ настоящимъ! Тогда она только безпокоилась какъ найти мечту свою; а теперь одушевила ее и все, какое-то тайное предчувствіе шепчетъ ей: — ты будешь съ нимъ несчастна! Особливо, когда она строго начинала разсматривать свой неосторожный поступокъ въ саду: не такъ ли докучаетъ

совѣсть, когда съ нею кто не поладитъ?

И вѣтреной, веселой Жанеты, какъ нарочно, въ то время не было съ нею; она съ бала уѣхала къ одной своей пріятельницѣ . . . .

Бьетъ два часа. — Каждый ударъ съ ужасомъ отозвался въ душѣ Юліи; унылый стукъ маятника приводилъ ее въ трепетъ, напоминая каждымъ движеніемъ своимъ — приближеніе гибельной минуты... Погасивъ лампу, Юлія бросается на постель, старается заснуть; напрасно — не заснешь, коль есть что на сердцѣ!... — «Что я дѣлаю? безразсудная!» — вскричала она, стремительно вскочивъ: — «нѣтъ, ему не должно быть здѣсь!» — и заперла дверь.... Но часто, мгновенны бываютъ добрыя мысли, когда обольстительное зло, подъ видомъ позволительнаго, насъ плѣняетъ:

такъ и Юлія не нашла въ себѣ рѣшительности — лечь и успокоиться, послѣ такой благоразумной предосторожности. Вь раздумьѣ остановилась она передъ дверью, сложивъ руки и поникнувъ головою; какое-то неизъяснимое могущество, привлекало ее къ ней и отгоняло покой ея души. – Онъ придетъ, — твердила ей любовь — и найдетъ дверь запертою; его кто нибудь, можетъ увидѣть, когда онъ, безъ сомнѣнія, будетъ долго дожидаться и тогда — что подумаютъ, что скажутъ о тебѣ? — Не сама ли ты, первая подала ему надежду, и отъ чего бъ съ начала не отказать рѣшительно? — сердито шепталъ разсудокъ. Но первая заглушила его, дополнивъ тотчасъ же: — нѣтъ — Миловъ за это разсердился бы; а ты ужъ плакала разъ по его милости! — «Такъ чтоже?» — рѣшила

Юлія: — «онъ придетъ увѣрить меня въ любви своей; это мнѣ такъ нужно, такъ отрадно будетъ моему огорченному сердцу . . . . что жъ тутъ непозволительнаго? Къ тому же теперь ночь — никто не увидитъ и можетъ быть, отказывая ему, я сама удаляю свое счастіе? Пожертвованіе приличіемъ — для любви, столь святаго, необходимаго мнѣ чувства; рѣшимость на тайное свиданіе — предосудительное лишь по злобѣ людей — есть ли преступленіе? . . . . отопру! . . . .» и, роковой ключъ повернулся . . . . Вотъ Юлія отворяетъ тихонько дверь; робко ступаетъ шагъ впередъ; прислушивается — не шевелится ли что въ сосѣдственной комнатѣ. Нетерпѣніе замѣняетъ прежній страхъ; — она начинаетъ уже негодовать на медленность... Поминутно приходитъ, то въ какой-

то боязливый восторгъ, отъ малѣйшаго шороха — собственное движеніе чудится ей за его походку; то наконецъ, узнавъ свою ошибку, грустить и сказавъ вздохнувши: «онъ нейдетъ!» — тихо притворяетъ дверь не запирая; ложится опять въ постелю и обманутая такимъ образомъ нѣсколько разъ — забывается чуткимъ сномъ....

Не долго дремала, бѣдная Юлія; грозное предчувствіе и тогда ее не оставляло. Разметавшись лежала она; грудь дышала не покойно и не ровно — всѣ члены были какъ въ огнѣ.... Вдругъ, что-то пламенное, коснулось къ ея алымъ устамъ; она чувствуетъ это и въ просонкахъ поворачиваетъ лице къ подушкѣ; прикосновеніе повторяется на розовой щечкѣ, еще пламеннѣе и продолжительнѣе: открывъ глаза, она видитъ — Миловъ, стоялъ передъ нею!....

Ужасъ, было первое чувство Юліи; она невольно хотѣла закричать: но новый поцѣлуй помѣшалъ ей и — смолкло все . . . .

Закроемъ завѣсою тайны эту картину; — друзья мои, вздохните о несчастной обманутой жертвѣ! — Что мнѣ разсказывать вамъ болѣе: не слышите ль, какъ горько рыдаетъ, геній невинности? . . .

Быстро, въ восторгахъ, летѣли часы для злодѣя; наслаждаясь, онъ не замѣчалъ полета ихъ; не замѣчалъ ничего вокругъ происходящаго . . . . Вдругъ — о ужасъ! — огонекъ сверкнулъ въ замочную скважину — съ шумомъ дверь отворилась настежь и — старуха тетка, какъ мстительное привидѣніе, явилась съ свѣчею въ рукѣ! . . . — «Силы небесныя!» — возопила она, всплеснувъ руками и роняя на полъ четки и

свѣчу: — «что я вижу, до чего я дожила на старости лѣтъ? — Сонъ ли это, или на яву, діавольское навожденіе? — Извергъ! . . . Племянница! . . . Ахъ, зачѣмъ, ты читала еретическія книги? . . . .» и вопль ея, какъ окликъ часоваго, созвалъ папеньку, маменьку и всѣхъ домашнихъ....

Надобно же было случиться, что старая полунощница, оставшись одна дома, отъ скуки ранѣе окончила вечерній свой Канонъ и успѣла выспаться на бѣду Юліи! —

Я не берусь описывать вамъ, роли дѣйствующихъ лицъ, въ этой Трагико-Комедіи: выразить страхъ, стыдъ, смятеніе, слезы, угрозы и все — въ высшей степени, трудно. — Довольно сказать, что нѣжные родители узнали, но поздно — какъ строго смотрѣть должно за дочерью, въ опасный шесть-

надцатилѣтній возрастъ, когда развиваются всѣ силы души и сердца у дѣвушки; особливо же, когда развитіе это поручено Француженкѣ и какъ опасно, позволять ей, смѣяться надъ кропотуньею — тетушкою. —

Еще нѣсколько строкъ о послѣдствіяхъ. Изгнанный со стыдомъ и поношеніемъ — Миловъ, ускакалъ въ ту же ночь изъ города, обманывать другихъ и Правосудное небо — вѣроятно, покарало его. — Лишенная всей отрады, Юлія, скрыла стыдъ свой въ неприступныхъ стѣнахъ монастыря и ранѣе принялась за четки, чѣмъ обѣщала ей Жаннета. Коварная эта предательница не пріѣзжала изъ гостей назадъ. Огорченный отецъ, оплакавъ лишеніе дочери, не вылѣчился въ Л . . . кѣ отъ

своей подагры и взялъ ее съ собою въ землю. Г-жа N., слышно было, съ отчаянія, сама хотѣла сдѣлаться затворницею и раскаяться въ своей неосторожности. Надъ теткою, сбылось собственное ея пророчество; она послѣ сего происшествія, не долго смотрѣла на суету мірскую! . . . . Отъ чего жъ бы не присмотрѣть отцу и матери, за дочкою на балѣ? спросите вы. — Причина ясная: во первыхъ — родители не гувернеры, на то они не жалѣютъ денегъ, чтобъ умные иноземцы учили добру дѣтей ихъ; а во вторыхъ — старый подагрикъ радъ былъ, что усѣлся за вистъ — ему не ходить же было слѣдомъ за Юліею; а маменька заговорилась съ одною дамою; у которой богатый сынъ недавно вышелъ въ отставку; она съ ней совѣтовалась о приданомъ для дочери;

къ тому же она забыла взять съ собою лорнетъ и безъ него плохо видѣла: да и съ лорнетомъ, не часто ли въ свѣтѣ позабываютъ, что дочери уже, шестьнадцать лѣтъ!

Б * * *

Елецъ. 1827.

ДВА СОНЕТА.

I.

Цвѣтъ лазури неба ясенъ,
Какъ спокойствіе святыхъ;
Также свѣтелъ и прекрасенъ,
Какъ блескъ глазокъ голубыхъ:

Но душа моя томится
Безмятежной тишиной;
И къ ужасному стремится,
Сердце — полное тоской! —

Бури ревъ — раскаты грома —
Трескъ и ропотъ, въ тьмѣ ночной,
Вы милѣе, голубаго
Неба — утренней порой:
Оно радостно сіяетъ;
Но души — не согрѣваетъ!...

II.

Какъ веселъ я бывалъ, въ тотъ мигъ очарованья,
Когда забывъ весь міръ, въ глаза ея смотрѣлъ;
Внималъ словамъ ея нѣмаго ожиданья —
Душа полна была, огонь въ груди горѣлъ! —

О счастіи мечтавъ, я мыслью уносился,
Въ надзвѣздной вышинѣ, чего то все искалъ:
Но на очахъ ея полетъ остановился
И вновь небеснаго — искать я не дерзалъ! —

О счастье! нѣтъ тебя — лишь тѣнь твоя на
свѣтѣ!
Прошли минуты тѣ, я снова одинокъ:
Такъ ранній гость весны, на солнышкѣ, пригрѣ-
тый
Порхаетъ; но морозъ — и умеръ мотылекъ!...
И я душей унылъ, брожу и самъ не знаю,
Куда стремлюсь, за чѣмъ, чего я ожидаю? ...

*В. С****

П. Г. ВОЛКОВУ.

(Отвѣтъ на посланіе, въ которомъ онъ называетъ меня роднею по Музамъ и даритъ первую главу поэмы своей: Признаніе).

Мнѣ драгоцѣненъ даръ Поэта;
Мнѣ милъ съ нимъ родственный союзъ:
Но искрѣ далеко до свѣта
И я — пріемышекъ у Музъ!

Онѣ вамъ лиру поручили,
Лелѣя васъ съ весны младой;
А мнѣ — мнѣ только посулили
И скрыли даръ свой не земной!

Душѣ святое чувство дали,
Внимать возвышеннымъ пѣвцамъ;
Парить лишь мыслью за орлами,
Къ роднымъ, небеснымъ высотамъ.

Съ тѣхъ поръ, мнѣ сладостны ихъ звуки,
Какъ ласки матери родной ;
Они мнѣ радость и средь муки,
Ихъ голосъ — сердцу не чужой —

И сильны ихъ очарованья! . . .
Одинъ вашъ ласковый привѣтъ, —
Я — чуждый во все дарованья,
Сталъ вдругъ — признательный Поэтъ! —

Б * * *

СТАНСЫ.

Какъ мертвый, во гробѣ сыромъ, онѣмѣлый,
Точимый червями, ничтожество пьетъ;
Такъ точно и духъ мой, давно охладѣлый,
Источенный грустью — забвенія ждетъ.

Куда вы дѣвались, о дни золотые!
Куда улетѣли — далеко, иль нѣтъ,
Вы спутники, жизни моей молодыя?
О гдѣ ты, надежда безоблачныхъ лѣтъ?

Мнѣ душу, какъ камнемъ, здавило тоскою;
Мнѣ тягостно думать, мнѣ тягостно жить;
И сердце, питаясь привычной тоскою,
Одно лишь былое, душѣ говоритъ! . . .

*В. С****

МЫСЛИ и ЗАМѢЧАНІЯ.

Горести причиною тому, что мы живѣе ощущаемъ радость; также какъ чрезъ порокъ, лучше познается превосходство добродѣтели. Возможно ли для насъ, состояніе неизмѣняемаго удовольствія, когда мы безпрестанно желаемъ и надѣемся?

Люди, поперемѣнно очущающіе радость и печаль, не такъ счастливы какъ тѣ, которые по причинѣ большихъ заботъ, или по врожденному безпечному характеру, ничего изъ обѣихъ не чувствуютъ. Какъ счастливы мы бываемъ въ дѣтствѣ, не постигая се

бя! Какъ завидна участь поселянина, котораго дни улетаютъ среди трудовъ!

Если бы не было страданія на землѣ; — смерть, все бы истребила. Когда бъ меня не мучила рана; я бы не старался о исцѣленіи и умеръ бы отъ ней.

Между несчастными, обыкновенно менѣе жалѣютъ о тѣхъ, которые сами довели себя до того; но они, кажется, болѣе другихъ достойны сожалѣнія: имъ сверхъ всего, недостаетъ утѣшенія въ совѣсти.

Часто переносимъ мы терпѣливо величайшія бѣдствія, укрощаемъ яростный гнѣвъ; но вскорѣ за симъ, малѣйшій непріятный случай, малозначу-

щее оскорбленіе, выводитъ насъ изъ всякихъ границъ. Это значитъ, что душа наша до того времени, уже была преисполнена ощущеніями, которыя чрезъ прибавленіе хотя не многаго, уподобляются рѣкѣ, вырывающейся изъ береговъ своихъ и разрушающей всѣ оплоты.

Не возможно, чтобы добрый челоловѣкъ, менѣе злаго, имѣлъ удовольствія. Дружба, любовь, благотвореніе, страданіе, благодарность и великодушіе, попеременно посѣщающія добрую душу, — это такія пріятныя ощущенія, которыя не могутъ оставить въ ней по себѣ, ни малѣйшаго слѣда печали.

Отъ чего происходитъ, что мы охотнѣе оставляемъ безъ порицанія кривую

душу, чѣмъ не прямой, неловкій поклонъ? —

Никто не живетъ безъ мысли, что онъ когда либо достигнетъ покоя. Даже тѣ, которые для составленія своего счастія, трудятся день и ночь съ неутомимою заботою, имѣютъ то же предположеніе; но смерть — часто обгоняетъ ихъ!

Разнообразіе пріятно и необходимо бываетъ человѣку даже и тогда, когда имѣетъ злую наклонность.

Сластолюбцы обыкновенно имѣютъ столько ума, сколько нужно для удовлетворенія ничтожной ихъ страсти.

Извѣстный родъ людей — безъ ума почитающихъ себя умными, всегда при-

писываетъ заблужденію разсудка свои несчастія, претерпѣваемыя лишь отъ необузданныхъ страстей и пороковъ. Странное заключеніе! Не дѣлаетъ ли насъ добродѣтель счастливыми? И не все ли равно — поступать добродѣтельно, или разсудительно? —

Я знаю *одного* человѣка, который воображаетъ о себѣ слишкомъ много, хотя онъ такъ ничтоженъ, что написанное, заключающее что либо умственное, или піитическое, легко изображенное, — совершенно не понимаетъ. Онъ однажды шепнулъ мнѣ съ довѣренностію на ухо, когда кто-то говорилъ о Поэзіи, — что всѣ Поэты не понимаютъ сами о чемъ они пишутъ, и что всѣ тѣ, которые выдаютъ себя знатоками ихъ произведеній, дѣлаютъ то изъ одного тщеславія! . . . Какъ

много такихъ, которые скорѣе назовутъ весь свѣтъ глупымъ, чѣмъ отдадутъ кому либо преимущество предъ собою.

Кто желаетъ, чтобъ его уважали по богатству, тотъ имѣетъ полное право требовать, чтобъ чтили ту гору, въ которой родится золото.

Кто часто жалуется на неблагодарность, тотъ есть самый безполезный членъ общества; онъ благодѣтельствуетъ другимъ не изъ человѣколюбія, а изъ собственной корысти. Если принять за непремѣнный долгъ, дѣлать все возможное для блага ближняго; то за чѣмъ же безпокоиться, какое вліяніе, произведутъ на другихъ, добрыя дѣла? Благородный человѣкъ не можетъ подозрѣвать кого либо въ неблагодарности.

Люди, на первыхъ порахъ знакомства, истощающіе весь запасъ своихъ познаній, въ послѣдствіи бываютъ обыкновенно худые собесѣдники. У таковыхъ нѣтъ собственнаго, врожденнаго остроумія и истощивъ вдругъ чужое, отъ другихъ заимствованное, они принуждены бываютъ играть нѣмыя, самыя жалкія роли въ обществѣ.

Уменьшать наказаніе за преступленіе, въ первый разъ учиненное — есть совершенно ложное правило. Напротивъ надобно, чтобъ страхъ карающаго правосудія, дѣйствовалъ бы гораздо сильнѣе, чѣмъ заманчивое стремленіе къ преступленію. Пороки, обратившіеся въ обычай, неискоренимы. Позднее наказаніе, то же что позднее лекарство.

Смерть, по врожденному чувству, страшна всякому. Если воинъ презираетъ ее — его побуждаетъ къ тому честь. Быть мужественнымъ, значитъ — слишкомъ много бояться лишенія чести.

Молодые люди съ дурнымъ характеромъ, должны избирать такое званіе, которое понудило бы ихъ къ исправленію. Сколько зла надѣлалъ бы Клеонъ — хитрый, гордый, упрямый, врагъ человѣчества, если бы вступилъ въ гражданскую службу; но онъ сдѣлался отшельникомъ и служитъ Богу — Религія исправитъ его.

Характеры людей отпечатаны на ихъ лицахъ. Всѣ страсти производятъ особенныя на нихъ черты. Слѣды продол-

жительныхъ страстей, глубоки и неизгладимы.

Люди съ большими дарованіями, имѣютъ много и разсудка. Они всегда прежде разсматриваютъ, изслѣдываютъ всѣ науки и искуства; потомъ дѣлаютъ выборъ изъ столь многочисленнаго и тѣсно соединеннаго между собою семейства, и въ избранномъ пріобрѣтаютъ славу. — Скажутъ: N. N. имѣетъ большія музыкальныя способности, съ весьма ограниченнымъ разсудкомъ. Но какъ же велики дарованія N. N? — Онъ сочиняетъ. — Но какъ? Различаетъ ли онъ страсти одну отъ другой? Выражаетъ ли онъ ихъ какъ должно? Трогаетъ ли душу своими произведеніями? — У него столько же способности быть вторымъ Моцартомъ, сколько у обезьяны — сдѣлаться человѣкомъ!

Все, что только возможно, что состоитъ въ порядкѣ вещей — въ послѣдствіи исполняется. На семъ основываются измѣненія въ Царствахъ, нравахъ и наукахъ. Кто знаетъ хотя не много случаевъ, изъ тѣхъ безчисленныхъ, которые передаетъ намъ Исторія, обдумавъ притомъ слѣдствія возможности; тотъ не найдетъ ничего удивительнаго въ новыхъ происшествіяхъ, какъ бы они по видимому необыкновенны ни были.

Каждый человѣкъ имѣетъ, предположенную природой, мѣру разсудка. Воспитаніе развиваетъ только умственныя силы души, вмѣстѣ съ нею сотворенныя, не прибавляя новыхъ.

За неумѣреннымъ восхищеніемъ, необходимо слѣдуетъ печаль. Радость при-

водитъ въ волненіе кровь; а сіе причиняетъ непріятное, болѣзненное ощущеніе, производимое также и печалію. Человѣкъ, подверженный пылкимъ страстямъ согласится, что онъ даже среди высочайшаго восторга, чувствуетъ какую-то непріятность; то же бываетъ со всѣми сильными страстями. Вотъ доказательство, что одна лишь добродѣтель, проложившая путь свой по срединѣ, дѣлаетъ насъ счастливыми.

Дружба основывается сперва на уваженіи, въ послѣдствіи же на свойствахъ душевныхъ. Любовь утверждается свойствами внѣшними. Къ человѣку, одаренному прекрасною душею, можно питать дружбу, а не любовь; и такъ поцѣлуй, данный Шотландскою Королевою Маргаритою, ученому но безо-

бразному Аллану Шартье, былъ ничто иное, какъ насмѣшливая гримаса.

Люди, занятые всегда собственнымъ несчастіемъ, принадлежатъ къ числу самыхъ нечувствительныхъ и грубыхъ.

Чѣмъ кто добродѣтельнѣе, тѣмъ тотъ ласковѣе и пріятнѣе въ обращеніи.

Нѣкоторые критики до тѣхъ поръ не признаютъ никакихъ способностей въ новомъ Авторѣ, пока онъ огромнымъ фоліантомъ не докажетъ, что онъ глупецъ.

Весельчаки, способнѣе людей задумчивыхъ, дѣлать ошибки; но погрѣшности сихъ послѣднихъ, почти всегда бываютъ важнѣе.

Кто въ обществѣ друзей вникаетъ и вѣситъ, такъ сказать, каждое ихъ слово; тотъ рѣдко бываетъ истиннымъ другомъ и неспособенъ для этого чувства: онъ всегда думаетъ лишь о себѣ и любитъ одного себя. Надобно быть великимъ, чтобъ казаться друзьямъ въ настоящемъ своемъ видѣ. Потеря легкомысленныхъ друзей, можетъ назваться счастливою — они никогда не были и не могли быть ими.

*Б * * **

НЕЗАБУДКА.

Весны роскошной, гость невинный,
Воспитанникъ богинь Любви,
Цвѣтокъ лазурный, сердцу милый,
Для памяти всегда живи . . .
Твои листки, твой цвѣтъ, былое
Напоминаютъ живо мнѣ,
Для сердца милое, святое
И часто снится мнѣ во снѣ,
Она — съ своимъ очарованьемъ,
И съ блескомъ голубыхъ очей;
Тогда томитъ меня желанье
И сердце рвется на свиданье,
Съ подругой юности моей . . . .

Бывало, солнце закатится
И блѣдная луна въ волнахъ,
Съ высотъ небесныхъ отразится,

Катясь въ прозрачныхъ облакахъ,
И осребритъ ручей игривый,
И лугъ душистый, и лѣса:
Выходимъ съ нею — молчаливы
И въ самой радости унылы,
Мы слушать пѣнье соловья.
И я — восторгомъ упоенный,
Златистымъ локономъ игралъ,
Душею пылкой восхищенный,
Уста младыя цѣловалъ;
И грудь прекрасной, волновалась
Близъ пламенной груди моей;
Я счастливъ былъ — со мной казалось,
Сама природа наслаждалась
И пѣлъ пріятнѣй соловей!...

Я помню вечеръ: было ясно,
Блистала полная луна,
Кругомъ все тихо и прекрасно,
Душа усладою полна...
Мы съ нею на травѣ сидѣли,
Слѣдили взглядомъ бѣгъ ручья,
И незабудочекъ пестрѣла,
Вкругъ насъ, роскошная семья.
Не долго длилося молчанье —

«Мой другъ!» — сказала она мнѣ:
«Послѣдній вечеръ — на прощаньѣ
«До часа вѣчнаго свиданья,
«Возьми — и помни обо мнѣ!»
Сказала, и одной рукою
Мнѣ незабудку подала,
И тихо съ нѣжностью, другою
Меня съ улыбкой обняла;
Головкой Ангельской своей,
Ко мнѣ на грудь она склонилась,
И изъ лазоревыхъ очей,
Слеза прозрачная скатилась ....

Не стану далѣ продолжать;
Съ тѣхъ поръ, душей осиротѣлый
Безъ милой — тяжко мнѣ дышать!

. . . .

Какъ въ морѣ брошенный челнокъ,
Носимый бурными волнами;
Брожу, сопутствуемъ мечтами,
Въ печальномъ мірѣ одинокъ.
Ни что меня не утѣшаетъ,
Ни что меня не веселитъ,
Мнѣ въ душу — холодъ проницаетъ,

На сердцѣ — нѣсемъ лежитъ!
И часто мнѣ, въ полночный часъ,
Являлся образъ — незабвенной,
И райскимъ свѣтомъ ослѣпленный,
Не могъ свести съ него я глазъ.
Онъ былъ мнѣ радость — утѣшенье,
Я мнилъ, что Богъ его послалъ;
Онъ былъ — услада и мученье,
Онъ былъ — мой милый идеалъ! —
Гдѣ жъ онъ, сей Ангелъ обитаетъ,
Когда, и гдѣ, найду его?
Луна по прежнему сіяетъ,
И незабудки освѣщаетъ —
Но нѣтъ блаженства моего! . . .

*В. С****

ПРОСТИ.

Прости — ужъ утро; предъ зарею
Востокъ далекій засвѣтлѣлъ;
Прости — не мучь себя тоскою,
Не горе — вѣчный намъ удѣлъ!

Уже ли въ жизни радость,
Намъ болѣ съ солнцемъ не взойдетъ?
И въ горѣ наша младость,
Какъ ночь осенняя пройдетъ?

Скажи: всегда ли грозны тучи,
Мрачатъ лазурный неба сводъ?
Всегда ль волнуетъ вихрь летучій,
Спокойную равнину водъ? —

И намъ, вѣрь — счастье улыбнется,
Опять улыбкою живой:
Тогда — лишь вечерокъ начнется
Приду сказать тебѣ: — я твой!

Я твой — и въ сладкомъ упоеньѣ,
Паду въ объятія твои:
Тогда съ восторгомъ — въ восхищеньѣ,
Ты повторишь слова мои . . .

Ты мнѣ повѣришь, другъ мой милый!
И въ безмятежной тишинѣ,
Забудешь правъ свой боязливый,
Довѣрчиво отдашься мнѣ.

И страстный — я твоимъ лобзаньемъ,
Упьюсь до утреннихъ лучей!
И передъ грустнымъ ра ставаньемъ
Прижмусь опять, къ груди твоей!

Прощай же — утро; предъ зарею
Листочки вѣтеръ шевелитъ;
Прощай! и розно — но тобою
Мнѣ солнце на небѣ горитъ! . . .

Б * * *

К ъ * * *

(28 Февраля, 1830.)

Я доволенъ . . . Ты рѣшила
Жребій брошенный судьбой,
Ты, глаза мои открыла
И прощай же — Богъ съ тобой!

Полечу я на чужбину,
Вновь гоняться за мечтой;
И любовь тамъ, и кручину,
Я развѣю — суетой!

Въ шумѣ дружнемъ, ликованья,
Или въ битвѣ удалой;
Заглушу воспоминанья,
Я съ красавицей другой! . . .

ВЕЛИКОДУШІЕ НОВѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

Изъ Шиллера.

(1782).

Драматическія творенія и романы, изображаютъ намъ блистательнѣйшія черты человѣческаго сердца. Воображеніе наше ими воспламеняется, а сердце все таки остается холодно; или по крайней мѣрѣ пламень, возбуждаемый въ немъ такимъ образомъ, длится не долго и замерзаетъ послѣ въ дѣйствіяхъ жизни. Въ ту же минуту, когда насъ почти до слезъ растрогаетъ описаніе добросердечія какого нибудь милостивца, мы легко можемъ, съ примѣрною жестокостію, отказать умо-

ляющему бѣдняку. Почему знать, можетъ быть, эта самая искуственная возвышенность міра идеальнаго, и унижаетъ для насъ все высокое въ мірѣ дѣйствительномъ? Мы касаемся здѣсь однѣхъ только крайностей моральнаго: Ангеловъ и Демоновъ, а средину — людей — мы забываемъ!

Слѣдующій анекдотъ о двухъ Германцахъ, (съ восхищеніемъ я начинаю разсказывать его) имѣетъ неоспоримое право на преимущество: — онъ справедливъ и я надѣюсь, что растрогаетъ болѣе моихъ читателей, чѣмъ вымышленныя сентиментальности Грандиссона и Памелы.

Два брата — Бароны фонъ Врмб... были оба влюблены въ дѣвицу фонъ Вртр... не подозрѣвая въ сей наклонности одинъ другаго. Любовь обоихъ была сильная и нѣжная, потому,

что оба любили въ первый еще разъ. Дѣвица была прелестна и сотворена для нѣжныхъ ощущеній. Склонность ихъ возросла наконецъ до настоящей страсти; не удерживаемая опасеніемъ, которое бы заставило содрогнуться сердце каждаго, если бъ они знали его — имѣть соперникомъ брата . . . . Оба они медлили открытіемъ любви своей любезной, и такимъ образомъ, невольно вредили другъ другу; до тѣхъ поръ, пока неожиданный случай, не обнаружилъ всю тайну.

Любовь ихъ тогда, достигла уже той высочайшей своей степени, того несчастнаго состоянія, которое какъ и отвратительная ему противополож ность — ненависть, производитъ жестокое зло въ человѣческомъ родѣ; уже сердца обоихъ, въ то время были такъ преисполнены господствующимъ чув-

ствомъ, что ни одно пожертвованіе не оставалось возможнымъ. Дѣвица, равно сострадательная къ плачевному положенію обоихъ несчастныхъ, не отваживалась склониться исключительно на чью либо сторону и предоставила все, суду братней любви.

Старшій братъ, какъ побѣдитель въ сомнительной борьбѣ — чувствъ съ обязанностію, которыя наши хладнокровные мудрецы, всегда готовы заставить дѣйствоватъ раздѣльно; а подвластный имъ человѣкъ медленно на что нибудь рѣшается — сказалъ меньшему: « Я знаю, ты любишь мою милую пламенно, не меньше меня? Не хочу разсматривать, кому принадлежитъ преимущество. — Останься здѣсь; я удалюсь въ безвѣстное пространство свѣта, я хочу умереть, чтобъ забыть ее. Если это мнѣ будетъ возможно — то-

гда она твоя, любезный братъ! и Небо да благословитъ любовь твою. Когда же нѣтъ — то удались ты и послѣдуй моему примѣру . . . .»

Онъ оставилъ скрытно отечество и поспѣшилъ въ Голландію; но образъ любезной, спѣшилъ вслѣдъ за нимъ. Удаленный отъ роднаго неба, воспитавшаго любовь его; изгнанный изъ страны, заключавшей все блаженство его сердца, въ которой онъ только одной, могъ жить и дышать: — несчастный таялъ, какъ вянетъ и пропадаетъ растеніе, перенесенное властолюбивымъ Европейцемъ изъ родной Азіи; принужденное рости въ суровой землѣ, вдали отъ благотворнаго солнца. Съ отчаяніемъ въ душѣ, онъ достигъ Амстердама; тамъ жестокая горячка повергла его на одръ смерти. Образъ единственной, господствовалъ и въ воспламенен-

ныхъ болѣзнію мечтахъ, выздоровленіе, зависѣло отъ одной мысли — обладать ею. Врачи отчаявались въ его жизни; одно лишь увѣреніе въ возвращеніи къ милой, послѣ многихъ усилій, могло исторгнуть страдальца изъ челюстей смерти и чуть движущимся скелетомъ, ужасающей жертвою изнурительной грусти, возвратился онъ въ отечество, едва дыша предсталъ предъ своей любезной и обнялъ брата . . . .

« Вотъ я опять здѣсь, милый братъ! Одному Богу извѣстно, сколько перенесло мое сердце! — Болѣе я не могу.»

Лишенный чувствъ, онъ повергся въ объятія своей возлюбленной.

Другой братъ, поступилъ не менѣе его рѣшительно, чрезъ нѣсколько времени, онъ уже готовъ былъ къ отъѣзду.

«Братъ!» — говорилъ онъ: — «грусть

заставила тебя удалиться въ Голландію; я испытаю унести горе свое далѣе. Не приступай съ нею къ алтарю до тѣхъ поръ, пока я не напишу къ тебѣ. Лишь одно это условіе, позволяетъ мнѣ братняя любовь. Если я буду счастливѣе тебя? — Тогда, во имя Божіе, она пусть будетъ твоя и Небо да благословитъ союзъ вашъ. Если же нѣтъ? — То да судитъ оно между мною и тобою! — Прости, вручаю тебѣ запечатанный пакетъ, не открывай его до тѣхъ поръ, пока я не удалюсь. — Я ѣду въ Батавію.» —

Сказавъ сіе онъ поѣхалъ.

Лишившись полжизни, смотрѣли ему вслѣдъ остающіеся. Онъ прéвзошелъ брата въ великодушіи. Въ семъ послѣднемъ дѣйствовала любовь и вмѣстѣ грусть, о потерѣ благороднѣйшей души. Стукъ удаляющагося экипажа, какъ

громъ, разразилъ его сердце. Онъ былъ на краю гроба. А дѣвица — но — все объяснитъ конецъ..

Пакетъ распечатали. Въ немъ заключалось подробное описаніе всѣхъ его помѣстьевъ въ Германіи, наслѣдникомъ которыхъ, назначался братъ, когда уѣхавшему посчастливится въ Батавіи. Побѣдитель самаго себя отправился моремъ съ Голландскими купцами и прибылъ туда благополучно. Чрезъ нѣсколько недѣль онъ отправилъ къ брату слѣдующее письмо:

«Здѣсь, гдѣ я благодарю Бога — Всемогущаго; здѣсь, въ новой странѣ, я воспоминаю о тебѣ и о нашей любви, съ блаженною надеждою мученика. Новое зрѣлище и невѣдомое, мнѣ предстоящая судьба, разсширили мою душу; Богъ даровалъ мнѣ силы, принести дружбѣ высочайшую жертву: твоя — о Бо-

же! съ симъ словомъ падаетъ слеза — не послѣдняя — я побѣдилъ — она твоя . . . . Братъ, я не долженъ былъ владѣть ею; она никогда не была бы со мною счастлива! — Но милый братъ! какъ отяготитъ душу твою, принесенная мною жертва? Не забудь никогда, съ какою трудностію ты овладѣлъ ею. Поступай съ этимъ Ангеломъ, всегда по внушенію юной любви твоей; поступай съ нею, какъ съ драгоцѣннымъ замѣномъ брата, котораго уже никогда не обнимешь въ сей жизни. Прости. Не пиши ко мнѣ о времени твоего брака. Рана моего сердца еще не закрылась. Увѣдомь, когда будешь счастливъ съ нею. Поступокъ мой порукою, что Всевышній, не оставитъ воздать мнѣ за все въ вѣчности! . . . »

Бракъ совершился. Только одинъ годъ продолжалось счастливое супружество

— она умерла. Лишь смерть разрѣшила печальную тайну ея сердца; умирая она призналась, что любила сильнѣе отсутствующаго.

Оба брата живутъ еще. Старшій въ наслѣдственныхъ своихъ помѣстьяхъ и женатъ снова. Меньшій, остался въ Батавіи, гдѣ достигъ имени счастливаго и знатнаго человѣка. Онъ далъ клятву не вступать въ супружество и сдержалъ ее.

Б * * *

ПѢСНЯ.

Что ты, мой соловушекъ,
Что ты такъ не радостенъ?
Все грустишь, печалишься,
О подружкѣ миленькой;
И въ часы спокойные,
Майской тихой ноченьки,
Не поешь, не радуешь,
Насъ своею пѣсенькой!...
Что ты, ночь безлунная,
Такъ грустна и пасмурна?
Что вы, звѣзды ясныя,
Въ небѣ темно-яхонтномъ
Какъ глаза красавицы,
Слезкою печальною,
Омрачились — свѣтлыя
Пеленой туманною?...
Ахъ груститъ, соловушекъ
О подружкѣ миленькой;

И кому жъ онъ пѣсенку
Пропоетъ по прежнему?
Темны ему ноченьки,
Звѣзды скрылись — ясныя!...

Такъ и мнѣ, безъ дѣвицы
Нѣтъ на свѣтѣ радости:
Съ нею лишь являлося,
Мнѣ все съ райской прелестью;
Я въ очахъ красавицы,
Видѣлъ небо звѣздное,
Благо міра лучшаго;
Рѣчи дѣвы милыя,
Пѣснью были Ангельской!
Что жъ со мной, безъ Ангела,
Съ одинокимъ станется?
Кто же въ сердцѣ грустное,
Рай прольетъ по прежнему?:..

*В. С****

НА ПОЛУЧЕНІЕ ОТСТАВКИ.

Казалось мнѣ, что съ высоты,
Какой-то духъ меня низринулъ,
Во мракъ и бездну пустоты;
Что геній мой, меня покинулъ,
И міръ исчезнулъ предо мной,
Со всѣмъ своимъ очарованьемъ,
Съ блаженствомъ юности живой,
Съ надеждой сердца, упованьемъ;
И я исполненный страданьемъ,
Остался — съ горестью нѣмой! , . .

И. П.

18 Апрѣля 1828.
Елецъ.

АКРОСТИХЪ.

Пробилъ полночный часъ — давно
Обычный путь, луна свершила;
Лице земли, во мглѣ погребено
И спитъ покойно, какъ могила:
Нѣтъ сердцу лишь, отрады одному;
Ахъ кто жъ — отдастъ покой ему?...

А. Б.

НАДЕЖДА.

Кто ты, минутный обольститель,
Вечерней сумрачной порой,
Какъ легкій призракъ, не земной,
Кто мнѣ слетавшій посѣтитель?
Огонь въ очахъ твоихъ сверкалъ,
Пылали нѣжныя ланиты;
Твой станъ, весь розами обвитый
Мнѣ что-то милое являлъ.
Восторгъ тѣснилъ мое дыханье;
Нѣмой, но чудный твой привѣтъ,
Меня носилъ въ чудесный свѣтъ,
Разливъ въ душѣ очарованье! . . .

И долго въ жизни, я не зналъ
Ни думъ, дней черныхъ, ни печали:
Они блистали, какъ кристаллъ,
Какъ струи свѣтлыя бѣжали.

И вотъ однажды, предо мной
Явился снова, гость чудесный,
Неизъяснимый — но прелестный
И снѣгобѣлою рукой,
Лишь прикоснулся покрывала —
Ударилъ громъ . . . и засверкала
Стрѣла изъ тучи громовой,
И съ этой грозною стрѣлой,
Надежда — сгибла и увяла! . . .
Ея отраднымъ появленьемъ,
Досель душа была полна;
Зову ее, жду съ упоеньемъ —
Но не является она.
Лишь иногда, съ мечтой унылой
Былая радость посѣтитъ;
Но сей мгновенный призракъ, милой,
Какъ легкій паръ съ стекла — летитъ!. . .

А. М.

ВЪ АЛЬБОМЪ М...

Какъ часто, въ горести глубокой,
Полуночи, въ священный часъ,
Сижу я — грустный, одинокой,
Пишу — и думаю о васъ! —
Средь тишины уединенья,
Сбираю въ памяти моей,
Давно прошедшія мгновенья,
И въ лампѣ предо мной, елей
Свѣтильня съ жадностью вбираетъ,
И ярче, ярче, все горитъ;
Лишь скромный стихъ мой не пылаетъ,
Высокимъ слогомъ не паритъ:
Кто милой сердцу, цѣну знаетъ
Тотъ малымъ — много говоритъ!

* * *

СУДЪ МИНОСА.

(Изъ Клейста.)

Я читалъ не давно, предъ тѣмъ какъ ложился спать, разговоръ Боало подъ названіемъ: Плутонъ. Картины подземнаго міра, которыя чрезъ то впечатлѣлись въ моемъ воображеніи, были конечно причиною слѣдующаго сновидѣнія.

Мнѣ снилось, будто нахожусь при входѣ въ Царство тѣней, гдѣ Миносъ въ своемъ страшномъ судилищѣ, разбиралъ поступки душъ, приходящихъ изъ здѣшняго свѣта. По правую его сторону находился стражъ полей Елисейскихъ, по лѣвую стоялъ стражъ Ада.

«Чѣмъ вы изволили заниматься на

землѣ, Милостивый Государь?» спросилъ строгій судья, первую подошедшую къ нему тѣнь.

Молодой человѣкъ нѣсколько смѣшался, не ожидая такого допроса; но оправившись отвѣчалъ, не переставая какъ балетмейстеръ, дѣлать самыя трудныя па: — «Кто, я? — Я никогда не бывалъ безъ дѣла! Всякій день, съ помощію раскаленнаго желѣза, или чрезъ иныя другія средства, я приучалъ свои упрямыя волосы, извиваться кудрявыми локонами, старался усовершенствовать себя въ пріятной улыбкѣ, сидя передъ зеркаломъ и кланяясь скользить ногами, самымъ плѣнительнымъ образомъ — по паркету. Въ пируэтѣ, доведенномъ до возможной изящности, также передъ зеркаломъ, никто изъ молодыхъ людей, моихъ завистливыхъ современниковъ, не могъ со мною срав-

ниться! — Кромѣ того, я читалъ романы, любовныя сочиненія и разсказами изъ нихъ выбранными, смѣшилъ красавицъ за туалетомъ. Я спѣшилъ на концерты, балы — танцовалъ, игралъ въ карты, пѣлъ, свисталъ и прочая и прочая! . . .»

— «Да, ты не въ праздности провелъ жизнь» — сказалъ протяжно Миносъ: «прочь же, прочь, стань на лѣвую сторону! — Церберъ, займетъ тебя своими мастерскими пируэтами и мелодическимъ воемъ, чтобъ ты не разучился! . . . . А ты, то же былъ празднолюбецъ?» — вскричалъ онъ, обращаясь къ тучной румяной тѣни, заступившей мѣсто франта. — «Да — ты смотришь уже лѣнивцемъ — и спрашивать нечего!»

«Я не былъ имъ никогда,» — отвѣчалъ толстякъ: «напротивъ, ненавидѣлъ во

всю жизнь мою праздношатающихся. — Тѣ, которые живутъ безъ цѣли, безъ упражненія; гуляютъ всякой день и скитаются по полямъ и рощамъ, хотя бы это было, какъ они всегда говорятъ, для изслѣдованія чудесныхъ таинствъ Натуры, или для того, чтобы съ пріятностью заняться чтеніемъ въ прохладной тѣни: — вотъ сущіе празднолюбцы, вотъ лѣнивые трутни, не приносящіе рѣшительно никакой пользы; а я былъ Прелатомъ — у меня была цѣль и упражненія. Я долженъ былъ расчитывать свои доходы; два раза въ день отдавать приказанія повару и наблюдать за порядкомъ въ домѣ. Я никогда не нѣжился разслабленнымъ подъ тѣнью, развѣ только сиживалъ въ тѣни огромной своей винной бочки....»

— «Вѣроятно, даже и тогда не безъ дѣла?» возразилъ Миносъ. — «Нѣтъ

дружокъ! въ раю слишкомъ много для тебя тѣни. Отведите его въ жилище Эрева, къ бочкамъ Данаидъ! Онъ довольно ужъ поцѣдилъ въ жизни; пускай его потрудится долить хоть разъ, опять вровень съ краями! ..... Ну ты, что дѣлала на томъ свѣтѣ!» спросилъ судья, подошедшую къ нему старую, осанистую женщину.

«Я родила мужу моему, откупщику мызы, двѣнадцать человѣкъ дѣтей, которыхъ, трудами собственныхъ рукъ, помогала ему прокармливать, и воспитала всѣхъ добрыми и честными людьми. Заботы мои такъ вознаградились, что старшій сынъ сдѣлался теперь лучшимъ садовникомъ, землепашцемъ и пчеловодцемъ въ цѣломъ нашемъ околодкѣ; а старшая дочь моя, безъ хвастовства могу сказать, такъ умѣетъ сушить и готовить на зиму плоды, что

врядъ ли какая хозяйка, съ нею въ этомъ поравняется.»

Адскій судья расхохотался надъ простотою откупщицы и сказалъ: «Здѣсь не женятся и не сушатъ впрокъ на зиму плодовъ, милая моя! Но» — продолжалъ онъ — «твой мужъ скоро къ намъ пожалуетъ, и вы будете оба.....»

— «Хорошо, хорошо! Да если бъ онъ только по меньше курилъ табаку!» поспѣшно вскричала добрая женщина — и Миносъ, поручилъ ее стражу полей Елисейскихъ.

Далѣе слѣдовала чуть видимая тѣнь; она казалась призракомъ самой тѣни и начала шептать на вопросъ судьи: «Въ жизни моей, я старался исполнять свой долгъ и достигнуть того предназначенія, для котораго меня сотворили боги. Но я былъ несчастливъ. Съ болѣзненнымъ сложеніемъ тѣла, съ печаль-

нымъ расположеніемъ духа, при всей своей невинности, я перенесъ столько бѣдствій, что врядъ ли всѣ мученія ада, съ ними могутъ сравниться!»

— «Вижу, вижу — ты ипохондрикъ, изъ числа недовольныхъ. Перестань же, перестань жаловаться; здѣсь не приемлются аппеляціи. А что такое ты почиталъ своею обязанностію, которую, какъ говоришь, старался выполнить, позволь-ка узнать?»

«Все, что мнѣ повелѣвала добродѣтель, разсудокъ и честь,» отвѣчала изсохшая тѣнь: «поступать честно и исполнять волю боговъ, — я почиталъ за одно и то же.»

— «Онъ былъ» — начала подошедшая тѣнь его сосѣда: — «онъ былъ благополучіемъ и отрадою, всей своей стороны.»

«О, нѣтъ!» — вскричалъ ипохон-

дрикъ — «о нѣтъ — я на всѣхъ наводилъ уныніе собою! Я . . . . .»

— «Онъ дѣлился со всѣми бѣдными послѣднимъ;» продолжалъ защитникъ. «Безъ него, я бы провелъ жизнь свою въ крайней нищетѣ. Сосѣдъ мой былъ во всемъ умѣренъ, сострадателенъ, великодушенъ, признателенъ, не способенъ даже къ малѣйшей злобѣ; исполненъ чести и дружелюбія. Лишь только мрачность души его, умножаемая болѣзнями и гоненіями завистливыхъ злодѣевъ, тому причиною, что онъ не былъ счастливъ по заслугамъ.» —

«Нѣтъ, нѣтъ,» — продолжалъ меланхоликъ — «это былъ долгъ мой!....»

Миносъ далъ знакъ райскому стражу, принять обоихъ въ свое вѣдѣніе. — «Сосѣдъ жилъ также, какъ честной человѣкъ» — продолжалъ онъ: «отдавать должную справедливость доброде-

тели, есть уже само по себѣ, добродѣтель!» —

Блаженство и восхищеніе засіяли въ очахъ печальной тѣни, лишь только прикоснулся къ ней райскій придверникъ; грустное лице ея, вдругъ такъ прояснилось, какъ цвѣтокъ, смятый бурею и измоченный дождемъ, улыбается вновь озаряющему солнцу.

Вдругъ Церберъ завылъ и залаялъ громко. — «Онъ привѣтствуетъ своихъ новыхъ гостей!» сказалъ улыбаясь, Миносъ. Отъ страха, я проснулся....

Б * * *

СОЛДАТСКАЯ ПѢСНЯ.

Охъ жизнь, молодецкая,
Бравая, солдатская!
Какъ осенняя ноченька,
Ты грустна и пасмурна;
На чужой сторонушкѣ
Вдалекѣ отъ миленькой,
Нѣту сердцу радости;
А душѣ отрадушки! —
Одинъ Царь — намъ батюшка;
Полкъ — и домъ и родина,
Вся семья — товарищи;
Жены — сабли вострыя;
А сестра — смерть лютая!
Такъ о чемъ кручиниться?
Царь и кормитъ, поитъ насъ,
Одѣваетъ, любитъ всѣхъ.
Какъ же намъ за Батюшку
Не подраться радостно;
И кого же болѣе,

Полюбить сиротушкамъ?...
Нут-ка мы, по чарочкѣ,
За здоровье Царское,
Выпьемъ-ка — ребятушки;
И запьемъ кручинушку
По разлукѣ съ миленькой!...
Какъ труба призывная,
Прогремитъ свиданіе,
Намъ съ сестрою — смертію;
То-то ужъ раздолье намъ!
Что терять, товарищи,
И чего бояться намъ?
Мы на то и созданы,
Чтобъ стоя подъ ядрами,
Гибнуть припѣваючи:
Охъ Ты, Царь нашъ, Батюшка!
Ты люби солдатушекъ;
Они жизнью жертвуютъ,
За Тебя — и родину!...

*В. С****

ЧУВСТВА НЕСЧАСТНАГО.

Видали ль вы, какъ гаснетъ день въ туманѣ,
Когда заря на лонѣ тучъ горитъ;
Какъ огонекъ угаснувшій дымитъ,
Оставленный средь падшихъ въ ратномъ станѣ?
Такъ юношѣ, надежды лучъ блеститъ,
Коль съ грустію сдружится онъ за ранѣ.

Слыхали ль вы, полдневною порою
Стихаетъ какъ унылый арфы звонъ;
И молній блескъ, и грома страшный стонъ,
Вдругъ ужаснувъ — и молкнетъ за горою?
Такъ скоро жизнь, и то, какъ будто сонъ,
Кончаемъ мы, начавъ ее съ тоскою.

Лишь жизни духъ, въ насъ къ вѣчности проснется,
И слезы ужъ въ младенческихъ очахъ!

Иль вѣдаетъ птенецъ, что въ горѣ и бѣдахъ,
Она какъ вихрь по степи, пронесется?
Невинному, уже ль знакомъ тотъ страхъ,
Что сердце въ немъ — не къ радости ужъ бьется?....

Б * * *

ПРОЩАНІЕ съ МУЗАМИ.

Прощайте милыя подруги,
Кипящей юности моей!
Кому я посвящалъ досуги,
На службѣ беззаботныхъ дней;
Кому я открывалъ порывы
И сердца и души моей;
Съ кѣмъ сладостно внималъ отзывы,
Трубы вечерней средь полей. —
И сумракъ ночи молчаливой,
И утра радостный разсвѣтъ,
И блескъ луны въ волнахъ, игривый,
И дружбы ласковый привѣтъ,
Бывало — все дѣлилъ я съ вами;
Всегда любили вы меня —
Въ кругу красавицъ, въ шумномъ балѣ,
И на бивакахъ у огня! —

Прошли счастливыя тѣ ночи,
Какъ съ вами, пѣлъ мою любовь;
Я съ вами пѣлъ лазурны очи,
Отъ нихъ во мнѣ кипѣла кровь;
Мой духъ — парилъ и возносился
Превыше суеты земной:
Теперь я съ ними распростился,
Проститесь же и вы — со мной!

*В. С****

ЕСТЬ ЛИ НА СВѢТѢ ТАКІЯ ЖЕНЩИНЫ?

(Справедливый разговоръ.)

— «Здравствуй, новый Вертеръ! Ты вѣчно съ перомъ!» — сказалъ вошедшій Графъ Г. свѣтскій, довольно опытный, молодой человѣкъ, пріятелю своему, нѣжному, чувствительному Вольдемару: «И вѣрно слезное посланіе къ милой, къ какой нибудь сердитой Шарлоттѣ, которая не трогается твоими — *Элегическими куку?* »

Вольдемаръ. Не совсѣмъ угадалъ — пишу о ней, но не къ ней!

Графъ. Такъ я радъ спорить, что влюбленная Муза твоя, увлеченная страстію, ахаетъ и превозноситъ обыкно-

венное до небесъ! — Нельзя ли взглянуть, на ярко-размалеванный твой идеалъ совершенства?

Вольдемаръ. Послушай Графъ! Такой тонъ давно становится мнѣ несносенъ. Шутить надъ чувствами другаго, значитъ лить ядъ въ его сердце: ты конечно хочешь, чтобъ я на всегда закрылъ отъ тебя свою душу?

Графъ. Не сердись, любезный! — Клянусь уважать твои чувства; но мнѣ право жаль тебя: — ты съ недавняго времени, сдѣлался совсѣмъ другимъ человѣкомъ; — настоящій схимникъ — одинъ лишь мундиръ мѣшаетъ, подойти къ тебѣ подъ благословеніе!

Вольдемаръ. Что ты разумѣешь подъ этимъ?

Графъ. То, что ты нынѣ мертвецъ для общества, котораго всегда былъ душею: веселость твоя исчезла,

погасъ тотъ огонь, которымъ ты воспламенялся при встрѣчѣ съ миленькимъ личикомъ, или въ кругу товарищей Ты нынѣ сталъ задумчивъ, равнодушенъ ко всему веселому; блѣдность смѣнила прежній цвѣтущій румянецъ — и Богъ знаетъ, что съ тобой сдѣлалось; — а все это отъ любви, или — отъ *не земнаго блаженства*, какъ ты называешь!

Вольдемаръ. Правда твоя — я умеръ для свѣта, въ которомъ, движимый его приличіями, какъ инстинктомъ, былъ только ничтожною, выпускною куклою! За то теперь, ожилъ для себя; теперь я вполнѣ постигаю прелесть бытія и благословляю Провидѣніе за то, что существую.

Графъ. Такъ и есть — ты хочешь быть учредителемъ новаго монашескаго ордена; планъ готовъ, остается

только похлопотать у Святѣйшаго Отца — Папы, объ утвердительной буллѣ — жаль, что Римъ далеко! — Разскажи-ка, разскажи мнѣ свою чудесную тайну, быть счастливымъ самимъ собою, не кружась въ вихрѣ свѣта? А по моему, то и хорошо, что нѣкогда образумиться; нѣкогда подумать о томъ, что разломитъ голову! Если вдругъ войдетъ въ нее какая нибудь скучная мысль; на сердце ляжетъ тоска: начинаешь кружиться и отъ размаха, все лишнее — тяжелое какъ разъ вылетитъ вонъ и изъ сердца, и изъ головы! — Завтра то же, послѣ завтра опять то же — и такимъ образомъ, до послѣдняго котильона съ костяною дамою, которая такъ закружитъ, что уляжешься преспокойно въ шести доскахъ, накрывшись бѣлымъ, чистымъ покрываломъ! . . . .

Но я хочу послушать тебя и увѣряю — съ такимъ же терпѣніемъ, съ какимъ часто выслушивалъ твои Аркадскія мелодіи! —

Вольдемаръ. Одного терпѣнія мало; — надобно имѣть чувства благородныя, возвышенныя; сердце по нѣжнѣе твоего, и душу способную къ ощущеніямъ прекраснаго: словомъ — надобно любить и взаимно быть любимымъ.

Графъ. О благородныхъ чувствахъ ни полслова — я докажу, что имѣю ихъ, всякому, и какъ угодно: но мнѣ хотѣлось бы знать, почему влюбленный человѣкъ, счастливѣе свободнаго? — Можетъ быть, и мнѣ придетъ охота влюбиться!

Вольдемаръ. Для изъясненія этого вопроса, нужно напередъ знать, какъ ты понимаешь слово — влюбленный?

Графъ. Вотъ странно! это можно знать изъ ежеминутныхъ примѣровъ. Стоитъ только взглянуть на тебя и выдетъ, что влюбленный, долженъ быть всегда задумчивъ, разсѣянъ, на вопросы отвѣчать какъ придется, по зарямъ ходить на кладбище, вздыхая — зѣвать на луну, облекаться въ любимый цвѣтъ своей милой; — короче сказать, дѣлать многія подобныя симъ глупости; находить въ нихъ свое блаженство и воображать притомъ, что у него сердце по нѣжнѣе, чѣмъ у другихъ и душа способнѣе къ ощущеніямъ прекраснаго!

Вольдемаръ. Какое жалкое понятіе о первомъ благополучіи человѣка на землѣ!

Графъ. Ну, пусть такъ! Теперь твоя очередь — я слушаю . . . . .

Вольдемаръ. Любовь есть ничто иное,

какъ гармоническое сочетаніе двухъ душъ, стремящихся къ чему-то высшему, котораго малѣйшую лишь часть постигаемъ въ восторгахъ — и безъ того неизъяснимыхъ! Любовь есть влеченіе двухъ сердецъ къ единству наклонностей, чувствъ; наслажденіе пріобрѣтаемое искреннею довѣренностію особы, намъ драгоцѣнной и все это часто утверждается разностію половъ.

Графъ. Разностію половъ? — А, наконецъ ты добрался до главной пружины, безъ которой, вся твоя высокопарная гармонія, то же что испорченные часы — не станетъ стучать!

Вольдемаръ. Такъ говорятъ страсти, когда молчитъ разсудокъ. Я не отвергаю того, что уже находится въ порядкѣ вещей и установлено закономъ природы: но не соглашусь назвать глав-

нымъ то, что должно составлять — малѣйшую часть цѣлаго.

Графъ. И такъ по твоему — одному надобно быть въ Америкѣ, а другой въ Европѣ; или всего лучше, кому либо отправиться на тотъ свѣтъ, и фантазировать порознь, о сладостной гармоніи душъ и сердецъ? — Большое счастіе! — Признаюсь, наслажденіе ужъ чрезъ чуръ безтѣлесное! . . .

Вольдемаръ. Совсѣмъ нѣтъ. Можно избавиться отъ дальной поѣздки и заставить страсти молчать; а чувства приучить къ постоянству и твердости, подчинивъ ихъ разсудку.

Графъ. Самая ветхая, несбыточная философія! Опытъ говоритъ намъ, что одно и то же, до крайности скучно; въ особенности же, твое безжизненное наслажденіе! А для женщины, оно даже и невозможно; хоть бы напримѣръ —

и для твоей любезной! Развѣ ты забылъ, что она праправнучка Еввы? — Той, и самый рай наскучилъ; а въ немъ было по больше гармоническихъ наслажденій, чѣмъ въ наше время — захотѣлось же проказницѣ покушать запрещенныхъ яблочковъ? . . .

Вольдемаръ. Не бывъ въ чемъ либо увѣреннымъ совершенно, можно ли судить такъ рѣшительно?

Графъ. Ну полно — любезный! Ужъ всѣмъ извѣстно, что недостатки въ миломъ человѣкѣ, мы привыкли называть прелестію; и вѣтренность женскую, величать младенческою игривостію; а кто смотритъ безпристрастными глазами, тотъ все видитъ иначе!

Вольдемаръ. Графъ! Ты говоришь такимъ образомъ, основываясь можетъ быть, на какомъ либо опытѣ, который тебя разочаровалъ? Мнѣ нѣсколько

извѣстна твоя исторія — ты былъ влюбленъ въ даму; но все это, не общій примѣръ. — Зачѣмъ винить ее? Почему ты знаешь, что она имѣвъ уже супружескую обязанность, не въ первый еще разъ, пробудилась къ любви и какое же тутъ непостоянство? Кто осмѣлится сказать: природа — я не подъ твоимъ закономъ? — Нѣтъ, гордый разсудокъ замолчитъ, когда въ сердцѣ проснется нѣжное чувство; онъ удовольствуется неприкосновенностію первыхъ узъ, заключенныхъ, легко спаться, по неволѣ и склонится на моленіе всемогущей любви! — Но, объ этомъ довольно. Скажу только, какое блаженство, быть подъ вліяніемъ женщины умной, образованной, съ душею возвышенною и сердцемъ нѣжнымъ; любить ее и пользоваться тѣмъ же. Ея вниманіе, налагаетъ узду на страсти; умерц-

вляетъ при самомъ зародышѣ желанія, оскорбительныя для истинной любви; заставляетъ чаще разсматривать себя и быть за самимъ собою стражемъ. Она возвышаетъ душу, образуетъ характеръ, уничтожаетъ бурныя наклонности, словомъ — перераждаетъ человѣка, возведя его къ новой, лучшей жизни.

Графъ. Прекрасная рѣчь! Только бы сказать съ каѳедры! — Вѣроятно, ты заимствовалъ ее изъ описанія спасительнаго бальзама отъ всѣхъ вообще болѣзней, который разносятъ на спинѣ Венгерцы? . . . . Согласенъ, что деспотизмъ женщины приводитъ часто къ новой жизни; какъ бы и ты скоро не распростился съ здѣшнею! Несчастный Вольдемаръ! ты слишкомъ заслушался обольстительнаго пѣнія сирены! — Бе-

регись ея объятій — не вѣрь ей — женщина всегда останется женщиною!

Вольдемаръ. Удивительно — не вѣрить безъ причины! Мучить себя недовѣрчивостію, выдумывать для самаго себя безпокойство! Я вѣрю — и кажется ничего отъ того не теряю?

Графъ. Нѣтъ, любезный другъ! Ты худо, очень худо, знаешь женщинъ. Но почитаешь ли, оказываемое тебѣ вниманіе, слѣдствіемъ сердечной привязанности? Какъ ты ошибаешься! оно длится только до первой мазурки, съ другимъ обожателемъ; тогда вздохи твои не слышны и бабочка, съ восхищеніемъ потряхиваетъ крылышками, что сѣла на новый цвѣтокъ! — Самолюбіе — вотъ главная цѣль женщины; — точка, въ которой, сходятся всѣ тонкія нити ея хитрыхъ затѣй! Для твердаго мужчины, она готова

жертвовать всѣмъ, чтобъ только видѣть его у ногъ своихъ; для этого властолюбія, у нее нѣтъ ничего завѣтнаго! И что же послѣ? Нынѣ обманетъ тебя, завтра такая же участь, ждетъ другаго. А вздумай упрекнуть ее — она доведетъ тебя до раскаянія — самъ на себя взведешь небылицу! Одинъ нѣжный, до глубины сердца проницающій взглядъ — и ты признаешься, что оскорбилъ святую невинность, Ангельскую непорочность: но потрудись подслушать — и этотъ святой Ангелъ, отъ бездѣлья, въ своемъ будуарѣ, съ язвительнымъ смѣхомъ, разсказываетъ повѣренной, или даже горничной своей о хитрыхъ сѣтяхъ, которыми она опутала тебя, какъ паукъ муху! — Нѣтъ — ежели жертвовать собою такъ ужъ для дѣвицы съ свободнымъ сердцемъ. Чуждая самолюбія, съ дѣтской

невинностію, — она можетъ любить прямо, пламенно; но и то до перваго благопріятнаго случая къ измѣнѣ: я и забылъ было, что ежедневные примѣры непостоянства — та же нравственная чума; вѣрность и неизмѣнность, не въ женской природѣ! Новизна шляпокъ, ленточекъ, фасоновъ, любовниковъ; однимъ словомъ — новизна, вотъ все ихъ благополучіе! . . . . Почему-жъ и намъ не быть таковыми? Что вознаградитъ меня, когда пробужусь отъ очарованнаго сна? Мѣнять старое платье на новое, имѣетъ также свою пріятность и мое правило: нашелъ — наслаждаюсь, утратилъ — не жалѣю! . . .

Вольдемаръ. Ты разсуждаешь, какъ человѣкъ одинаково равнодушный къ прекрасному и худому; ты смотришь на дѣвушку, какъ на цвѣтокъ; хочешь сорвавъ его, насладиться минутно его

прелестію — это жестоко . . . . Я не спорю, пріятно снискать расположеніе милой дѣвушки; но за то какая разница, заслужить оное отъ женщины. Въ первой, дѣйствуетъ неопытная юность; восторгъ ея, есть вновь окриленный полетъ страсти, которая, какъ и вылетающій изъ гнѣзда въ первый разъ птенецъ, стремится часто не туда, куда надобно; мечты и надежды ея, еще такъ темны, сбивчивы; да и что за охота, раздувать искру, которая можетъ произвесть пожаръ? Съ другой напротивъ, раздѣляешь тихое и болѣе прочное наслажденіе: съ опытностію страсти теряютъ свою силу; дѣйствуетъ одно возвышенное чувство, управляемое разсудкомъ. Первую, нужно еще сперва образовать, приготовить, чтобъ раскрыть ей блаженство взаимности и почему знать, удачны

ли будутъ уроки? Не похвально, когда грѣхъ падетъ на совѣсть наставника. Послѣдняя, сама уже научаетъ меня, что съ нею я истинно — живу душею и сердцемъ!

Графъ. Искренно желаю тебѣ, жить по долѣе, въ такомъ счастливомъ невѣдѣніи. Мнѣ будетъ жаль тебя, когда Амуръ перестанетъ играть съ тобою въ жмурки; когда спадетъ съ глазъ твоихъ повязка, завязанная женщинами, и ты увидишь свое заблужденіе. Покуда ты правъ, что вѣришь имъ ничего не теряя; но и меня не называй хладнокровнымъ, или нечувствительнымъ. И я нѣкогда, подобно тебѣ, бредилъ, страдалъ, думалъ быть счастливымъ — и обманулся жестоко. Женщина сдѣлала меня таковымъ, какъ теперь видишь, и ничто въ свѣтѣ, не примирить меня съ коварнымъ ея поломъ!

Вольдемаръ. Но можно ли по одной судить о всѣхъ?

Графъ. Довольно, мой милый, не возражай. Я сказалъ уже, что всѣ онѣ праправнучки Еввы. Разсказалъ бы я тебѣ въ поученіе, разительный примѣръ ихъ хитрости и заказной чувствительности — да нѣкогда. Прощай, любезный дамскій угодникъ — до свиданія! . . .

«Зналъ ли ты Алину?» спросилъ Графъ у Вольдемара, при вторичномъ свиданіи.

Вольдемаръ. Алину? То прекрасное созданіе, которое, какъ кажется, не смотря на ненависть твою къ женщинамъ, тебя довольно долго занимала? — Не правда ли?

Графъ. Такъ; ту самую — прелестную Алину. Но кто могъ думать,

что въ семъ Ангельскомъ подобіи, обитало вѣроломство падшаго Ангела и неограниченная вѣтренность? Гордясь ея любовію, могъ ли я предполагать, что она отравитъ лучшіе дни моей жизни и сдѣлаетъ меня непримиримымъ врагомъ женщинъ? . . . . Выслушай же мою съ ней исторію. — Эта милая Алина, съ свободнымъ сердцемъ, по желанію своей матери, отдала руку человѣку, ею избранному. Не имѣя никакой склонности къ мужу и прикрытая именемъ супруги, она вскорѣ послѣ замужства, предалась вполнѣ влеченію пылкаго своего характера — мечтала любовію, замѣнить холодность Гименея; но только мечтала: истинной любви нѣтъ — говорю тебѣ, нѣтъ, а въ женщинахъ ее и вовсе не бывало; разсказъ мой покажетъ — правъ ли я. Далѣе. — Выборъ Алины, палъ на ме-

ня: предавшись ей всей душею и сердцемъ, убѣжденный въ неудачномъ ея замужствѣ, могъ ли я обвинять въ ней слабость, ни какъ не простительную другимъ? Нѣтъ — я думалъ, доказывалъ самому себѣ, что ей нельзя не любить; нельзя противиться сладостнымъ чувствамъ, внушаемымъ самою природою; короче — философствовалъ, также какъ и ты... Въ послѣдствіи, пріобрѣтая болѣе и болѣе ея благосклонность, я сталъ замѣчать, что съ нею вмѣстѣ, возрастало и расположеніе ея къ супругу. Это меня не удивляло — я полагалъ, что страсть уступаетъ наконецъ разсудку; священный долгъ торжествуетъ надъ сердцемъ. Съ тѣхъ поръ, я началъ боготворить мою Алину; чтилъ ее какъ небесную добродѣтель, какъ существо высшее, которое съ твердостію борется съ

страстями и — совѣсть моя пробудилась. Ты духъ искуситель — шептала неумолимая: ты камень претквовенія на пути добродѣтельнѣйшей изъ женщинъ; — во что бы то ни стало, послѣ многихъ усилій надъ самимъ собою, я рѣшился пожертвовать своей любовью. Такимъ образомъ, колеблемый противоположностями, я захотѣлъ однажды вдругъ узнать истину, и спросилъ ее, послѣ пламеннаго поцѣлуя: — Алина! На чьей же сторонѣ перевѣсъ: ты равно дѣлишь свою нѣжность, между мною и мужемъ? — «Не говори мнѣ о немъ!» — отвѣчала она, повторивъ лобзаніе: «клянусь — я не люблю, и не могу любить того, кто лишилъ меня свободы!» — Я замолчалъ, жаркій поцѣлуй, зажегъ мое сердце; въ немъ вспыхнула недовѣрчивость, и адская тоска впилась въ него со всею

своею злобою. — Такъ Алина умѣетъ притворяться; умѣетъ играть ролю кроткаго Ангела, питая въ сердцѣ ненависть, и все это для меня; но кто поручится, что другой не смѣнитъ меня у кокетки; кто разувѣритъ меня, если настанетъ и моя очередь пользоваться только поддѣльными нѣжностями, когда я уже теперь такъ ими обманулся? Бѣдный супругъ! бѣдный и я! Что ожидаетъ насъ впереди? — Вотъ были тогда мои мысли . . . . Не думай, чтобы я новичкомъ, попался въ ея сѣти — нѣтъ, предварительные опыты научили меня узнавать — силу взора, точное значеніе, какъ будто нечаянно сказаннаго словечка, читать чувства на лицѣ; но противъ Алины вся сія премудрость была напрасна, она до невѣроятности постигла тайну — очаровывать своихъ плѣнниковъ,

не давая имъ замѣчать собственнаго ихъ заблужденія. На этомъ же я основываю и недальновидность добренькихъ супруговъ, которые до женидьбы вытвердили наизусть весь курсъ Амура: въ обожаемой женщинѣ намъ все безъ исключенія кажется совершеннымъ — такова сила страсти, такъ и я, вѣрилъ Алинѣ, какъ бытію своему и радостно стремился туда, куда влекло меня обманутое сердце. — Она до того овладѣла мною, что я отказался отъ руки прелестной дѣвушки, которая, можетъ быть, сдѣлала бы меня счастливымъ; — я рѣшился умереть въ оковахъ Алины! . . .

Алина любила общество и разсѣяніе. Мнѣ было больно видѣть, что любовь ея часто уступала удовольствію, быть тамъ на балѣ, гдѣ я не знакомъ: но я охотно относилъ все сіе къ цвѣ-

тущей ея молодости, къ младенческой живости характера, и ослѣпленный, не замѣчалъ, что она не сотворена столько любить, сколько была хитра и самолюбива. Въ обществѣ то, она и находила всю пищу своему кокетству; а я, жалкое твореніе — я былъ только занятіемъ отъ бездѣлья; я былъ афишкою, на которую зѣвая, смотрѣла она, въ антр-актахъ своей комедіи.

Однажды мы были вмѣстѣ на балѣ у М. одного изъ короткихъ ея знакомыхъ. Общество было блестящее; но Алина была первымъ его украшеніемъ. Какъ Ангелъ жизни, она разливала на все непринужденную радость, что только удостоивала своего вниманія; она дышала восторгомъ и очарованіемъ. Лишь на лицѣ одного привлекательнаго молодаго человѣка, лежала какая то тайная грусть, и онъ съ минуты на ми-

нуту, становился задумчивѣе и мрачнѣе. Но могъ ли я заниматься печальными мечтами незнакомца, въ присутствіи моей восхитительной Алины?... Начался вальсъ и въ его вихрѣ, я потерялъ ее изъ виду; вальсирую самъ и послѣ нѣсколькихъ туровъ, вдругъ встрѣчаю ее, въ дверяхъ боковой комнаты.... Слезы блистали въ томныхъ ея глазахъ. — Боже мой, чего не сдѣлаютъ слезы прекрасной женщины! — Что съ тобою? — Алина, другъ мой! — вскричалъ я встревожась. — «Что со мною? Жестокій — и ты еще спрашиваешь, оставивъ меня на цѣлый вечеръ; пожертвовавъ мною другимъ?» — отвѣчала она, отирая слезы.... Какое вниманіе! Алина, единственная Алина, ты не можешь постигнуть, какъ я счастливъ! Само небо не вмѣститъ моего блаженства! восклицалъ я упоен-

ный страстію . . . . «Но здѣсь не мѣсто восторгамъ!» — шептала она улыбаясь — «отойдите, насъ замѣчаютъ.» — Я повиновался. Вскорѣ за мною, къ ней подошелъ печальный незнакомецъ, говорилъ о чемъ то съ жаромъ, чего я однако жъ не могъ разслушать, и также скоро удалился; впрочемъ, не такимъ задумчивымъ, какъ былъ прежде... Алина танцовала безпрестанно. Батистовый платокъ, отиралъ уже не слезы, а потовыя капельки, которыя какъ роса, выступали на розовыхъ ея щекахъ. Ее опять ангажируютъ — платокъ былъ вынутъ на скоро; она подала руку и въ торопливости не замѣтила, что вмѣстѣ съ платкомъ выронила какую то свернутую бумажку . . . . Сердце — вѣщунъ, оно затрепетало, когда я дотронулся поднимая ее . . . Развертываю — написано карандашемъ; *Али-*

на, теперь только знаю, какъ я счастливъ!... Ты счастливъ? Кто ты? — Чья эта рука? — Судорожное движеніе, потрясло мои члены; я скрежеталъ зубами, какъ бѣснующійся! — Нѣтъ, я не въ силахъ разсказать тебѣ, любезный Вольдемаръ, тогдашняго моего положенія: казалось, оскорбленное самолюбіе дѣйствовало сильнѣе, нежели утрата невѣрной Алины; любовь моя превратилась въ мщеніе! Я открылъ глаза и понялъ печаль молодаго незнакомца, и слезы Алины! Холодность и презрѣніе — вотъ что я поклялся питать тогда къ измѣнницѣ! . . . .

— Алина! Возвращаю вамъ потерянное на балѣ; говорилъ я, подавая ей записочку и не сводя съ нее глазъ, чтобъ насладиться тѣмъ смятеніемъ, которое думалъ, произведетъ мое от-

крытіе. Ничего не бывало — Алина не показала ни малѣйшаго удивленія и замѣшательства; напротивъ посмотрѣла на меня такъ нѣжно, что взглядъ ея произилъ мое сердце. — «Недовѣрчивый!» — сказала она, голосомъ оскорбленной, кроткой невинности: «ты открылъ мою тайну!» и ищипала бумажку примолвивъ: «Она не нужна болѣе; твоя недовѣрчивость вѣрнѣе ее, сохранитъ въ памяти моей, незабвенныя слова: *Алина! ты не можешъ постигнуть, какъ я счастливъ!* Ты помнишь ихъ, милый Графъ? и твоя Алина, также счастлива!».... Твоя Алина! — твоя Алина! — Безумецъ, что я сдѣлалъ? Простишь ли меня, Ангелъ небесный? вопіялъ я, повергшись на колѣна, и осыпая милую ручку, жаркими поцѣлуями. — «Другъ мой, я не могу на тебя сердиться!» — произ-

несла она вздохнувъ, голосомъ благости Божіей. — Ты меня прощаешь? ты миришь меня съ самимъ собою? — О Алина! — продолжалъ я, увлеченный невыразимымъ восторгомъ. И кто бы на моемъ мѣстѣ не повѣрилъ олицетворенной добродѣтели, благовѣствующему Ангелу? Впрочемъ, она сказала правду, что не можетъ на меня сердиться — ты это увидишь изъ послѣдствія . . . .

Время летѣло, я продолжалъ блаженствовать, какъ будто въ сладкомъ снѣ, въ которомъ держало меня очарованіе волшебницы; но наконецъ и оно исчезло, также подобно сновидѣнію, и вотъ какъ я узналъ свое заблужденіе. Горничная Алины, по обыкновенію принесла ко мнѣ однажды письмо отъ Госпожи своей. Беру его — адресъ не на мое имя. Что судьба хочетъ открыть мнѣ

чрезъ ошибку вѣстницы, думалъ я, посмотримъ? — Слѣтаетъ зеленая облатка — читаю слѣдующее:

« Милый Т. какъ ты страненъ вѣчнымъ своимъ подозрѣніемъ! Чего же болѣе тебѣ хочется? Или безпредѣльную привязанность мою къ тебѣ, я всегда должна доказывать слезами? — Вспомни, какъ ты измучилъ меня на балѣ у М. Ты мнѣ рѣшился наконецъ сознаться тамъ, что узналъ, какъ ты счастливъ: но гдѣ жъ признаки твоего спокойствія, твоего счастія? Жестокій — ты вѣрно находишь его въ одномъ моемъ мученіи! — Пріѣзжай же мой милый, успокоить себя на груди твоей Алины. Въ 7 часовъ вечера я буду одна . . . . »

Конечно ты полагаешь, что я сей же часъ полетѣлъ сорвать голову, счастливому сопернику — какъ маковку;

а письмо бросить въ глаза, ничтожной Алинѣ? — Нѣтъ, въ первомъ ты ошибаешься: никто не въ правѣ, запретить другому искать расположенія, у подобныхъ женщинъ; мы оба съ нимъ, шли по одной дорогѣ — я заблуждался, не знаю, какъ онъ! Но во второмъ, я едва ли не былъ согласенъ съ тобою: такая безнравственность въ женщинѣ вдругъ умертвила во мнѣ любовь и всякое снисхожденіе къ слабостямъ ея пола; презрѣніе и ненависть, заняли ихъ мѣсто. Я жалѣлъ не о потерѣ Алины; но проклиналъ слѣпоту свою и безразсудную самонадѣянность. — Письмо къ Т. молодому Негоціанту, извѣстному тебѣ бальному меланхолику, было тотъ же часъ отослано и въ 6 часовъ, я рѣшился ѣхать къ Алинѣ, чтобъ видѣть конецъ комедіи, въ которой до сихъ поръ, игралъ самую жалкую ролю —

обманутаго простяка. Она по видимому, не ожидала меня и казалась съ минуту смущенною; но оправившись жаловалась и говорила, что съ утра приказала всѣмъ отказывать, желая на единѣ успокоиться. Я на этотъ разъ притворился недогадливымъ и горѣлъ нетерпѣніемъ увидѣть поскорѣй, славу искуства и хитрости, моей бывшей владычицы. Алина, продолжала говорить объ усиливающейся боли въ груди, и поминутно поглядывала то на часы, то на меня, не сдѣлаю ли я желаемаго движенія — взяться за шляпу! Но я былъ неповоротливѣе камня; съ намѣреніемъ толковалъ продолжительно о всякой всячинѣ; какъ вдругъ застучалъ экипажъ и мое вниманіе усилилось, чтобъ не просмотрѣть малѣйшаго маневра обманщицы. Въ полной увѣренности, что мы не встрѣтимъ другъ

въ другѣ соперниковъ, Алина съ твердостію приготовилась, выдержать неожиданное обстоятельство. Я взялъ шляпу, когда вошелъ Т., готовый высказать свои восторги; увидѣвъ меня, онъ смѣшался и поклонился не ловко Мое положеніе выражаясь, пословицей, было — смѣхъ и горе! —

« Куда вы такъ скоро, Графъ? » начала измѣнница. — « Я поставлю мужу въ обязанность, благодарить васъ за сдѣланную честь . . . . прошу васъ, останьтесь! » — Въ свою очередь, я то же молча поклонился. — « Какъ жаль, что вы не нашли моего мужа! » — продолжала она, обращаясь къ Т., съ двусмысленною выразительностію. « Очень знаю, очень знаю, что ваши дѣла не терпятъ отлагательства и увѣряю васъ, лишь только мой N. N. возвратится, я сама напомню, чтобъ васъ

увѣдомить.» — Т. понялъ, чего отъ него требовали и побывъ нѣсколько минутъ, раскланялся. Алипа казалась торжествующею, что такъ ловко отдѣлалась. — «Слава Богу, теперь мы свободны, милый Графъ!» — сказала она съ самодовольствіемъ. — Я думалъ, что вы кончили, отвѣчалъ я; но вамъ еще неугодно оставить искусной вашей роли! Кто мѣшаетъ вамъ, располагать наслажденіями, по часамъ, по назначенію? Вы всегда были свободны и сами противъ воли моей, заставили меня посѣтить васъ не въ пору! — Сильное смущеніе выступило на лицѣ Алипы. — «Я не понимаю васъ, объяснитесь, милый Графъ!» пролепетала она. — Извольте, сударыня! — но оставьте, сдѣлайте милость, ваши нѣжныя названія; довольно уже вы поиграли мною, и разсказавъ вкратцѣ

о письмѣ, я хотѣлъ удалиться. Алина поблѣднѣла, упала на колѣни и сжимая мою руку — обливалась слезами. Уже жалость пробиралась въ мое сердце; я поспѣшилъ вырваться, и Алина безъ чувствъ покатилась на полъ. Не полагая, что комедія кончится такъ трагически, я побѣжалъ за служанкою; но тревожился напрасно — она открыла глаза и не видя меня — поднялась спокойно и сѣла за письменный столъ, вѣроятно, чтобъ написать къ Т. о моемъ отъѣздѣ! . . . Какъ тигръ, съ чувствомъ адской ненависти, отскочилъ я отъ замочной скважины, въ которую смотря, наблюдалъ за проказницею и поѣхалъ домой, совершенно исцѣлившись отъ пагубной страсти. Кто знаетъ, можетъ быть Алина, нашла бы еще средство оправдаться; но я по счастію, имѣлъ въ ту минуту твердость,

проститься съ нею и вышло къ лучшему — разстался на всегда!

Т. не былъ счастливѣе меня; Алина промѣняла его на Артиста, котораго физіономія была еще изящнѣе его искуства. Что случилось далѣе съ нею — не знаю: подобныя происшествія, сдѣлались для меня слишкомъ обыкновенными и не занимали болѣе. Жаль только бѣднаго мужа; но онъ счастливъ тѣмъ, что скоро умеръ, не успѣвъ ни чьему потомству передать своего имени; а я тѣмъ, что закалилъ подобно стали, свое сердце, противу нѣжностей и мнимыхъ Ангеловъ! . . .

Вольдемаръ. Но ты самъ говорилъ, что былъ ослѣпленъ и я не понимаю, какъ могъ, до такой степени, очаровать тебя этотъ падшій ангелъ? — Впрочемъ — разсказъ твой, невольно дружитъ меня съ недовѣрчивостію! —

Графъ. Да — я былъ слѣпъ и очарованъ; но чѣмъ же ты докажешь, что *смотришь въ оба* — одинъ владѣешь сердцемъ своей возлюбленной? Не сердцемъ хотѣлъ я сказать! А что ты одинъ составляешь предметъ тщеславія, любимой тобою женщины? — Нѣтъ, любезный другъ! Эта повѣсть — не первый опытъ, которое изсушилъ мое сердце: много разъ оно, обманутое, искало утѣшенія во взаимности другаго милаго существа, и много разъ, вновь обманываясь, отторгалось — облитое кровію!

Вольдемаръ. Я умолкаю предъ тобою, Графъ, какъ уличенный преступникъ! — Но . . . .

Графъ (прерывая его). Но . . . . ты хочешь сказать, что будешь раскаяваться, зачѣмъ позволилъ мнѣ безвременно, пролить себѣ въ сердце, ядъ

недовѣрчивости? Боязнь напрасная! — Повѣрь — и безъ меня, время по капелькѣ бы лило его и охладило твое сердце ко всѣмъ безразсуднымъ радостямъ жизни; но мнѣ кажется, что я знакомя тебя съ осторожностію, заранѣе избавляю отъ тѣхъ минутъ, въ которыя, быть можетъ, ты бы проклялъ свое существованіе.

Вольдемаръ. И такъ твой результатъ — въ женщинахъ нельзя быть счастливымъ?

Графъ. Съ исключеніемъ — заблуждаясь, можно. Впрочемъ, есть чудеса на свѣтѣ; а отъ чудесъ и я не прочь! . . .

А. Б

ФИНАЛЪ.

Вотъ Альманахъ военный вамъ,
Вотъ Офицерскіе досуги!
Въ немъ волю дали мы мечтамъ;
Онѣ, всѣмъ вѣрныя подруги.

И часто, также, къ намъ онѣ,
Летятъ на шумъ биваковъ дымныхъ;
Лелѣятъ насъ — и въ сладкомъ снѣ,
Рисуютъ вѣрно, сердцу милыхъ.

И мы, привычною рукою
Чертить лишь саблею въ бояхъ;
Внимая имъ — слегка, порою,
Писали этотъ Альманахъ!

Надѣвши киверъ на бекрень,
Идя съ ученья, иль парада;
Подумать, ни кому не лѣнь,
Мечтать — извѣстная отрада!

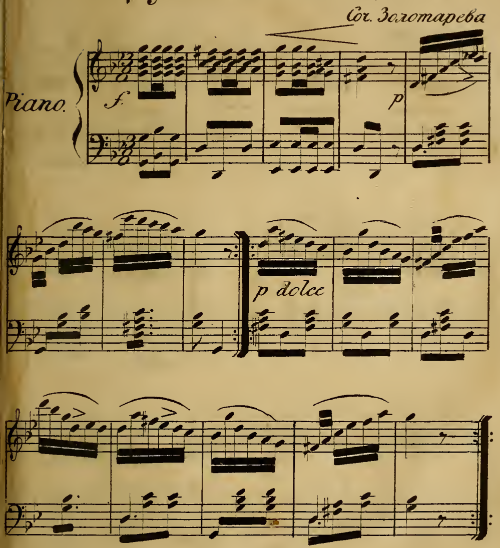
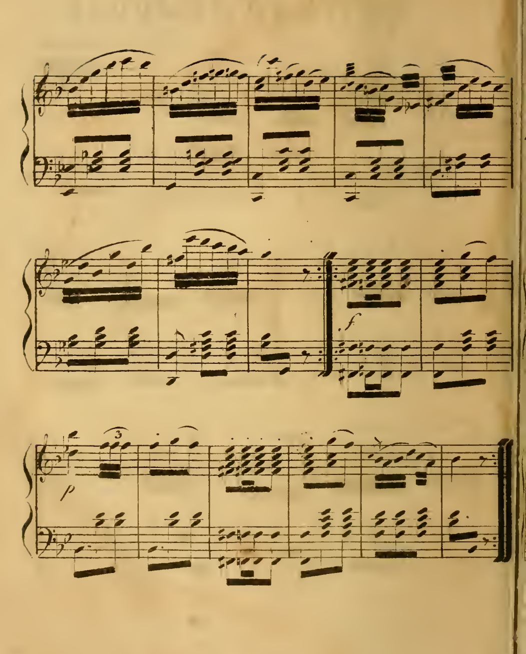
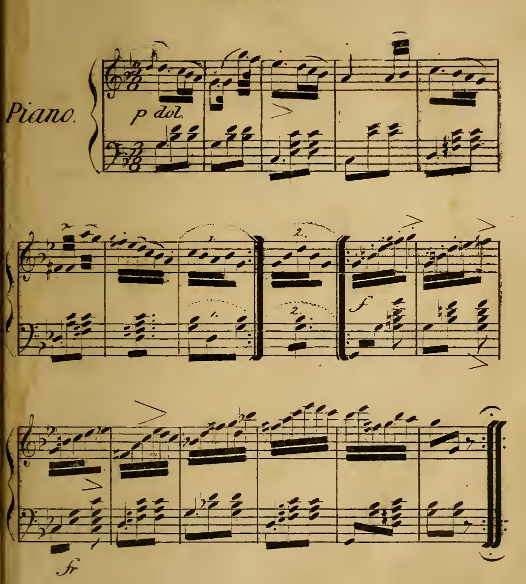
И если вамъ, нашъ Альманахъ
Чѣмъ не понравится — о други!
Напомнимъ: — въ службѣ, въ суетахъ,
Велики ль воина досуги?

Исправный не груститъ солдатъ,
Когда не хвалятъ и бранятся;
А за *спасибо*, скажетъ: — «радъ,
Отъ сердца чистаго стараться!...»

* * *

Конецъ.

Русская Кадриль.

Соч. Золотарева


f
p

Вальсъ.